КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ТРУДЫ ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

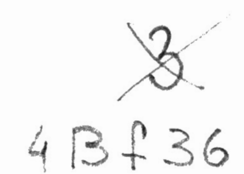
ВЫПУСК ВТОРОЙ

★

ЗАДАЧИ МАРКСИСТОВ В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

ДОКЛАД *О. Ю. ШМИДТА*
ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ
И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ
СЛОВО

1929
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА



Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповск., 13.
Тираж 5.100.
Главлит № А—40.527.
З. Т. 1.223.
ИКА 522.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ ПРЕЗИДИУМА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

В апреле 1929 г. (с 8-го по 13-е) в Москве, в стенах Коммунистической академии, происходила Вторая Всесоюзная Конференция Марксистско-Ленинских научных учреждений.

В Конференции приняли участие 229 делегатов, представлявших все сколько-нибудь значительные научно-исследовательские учреждения Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и т. д.

Большое число участников, серьезность поставленных вопросов, основательность их проработки в прениях — делают Вторую Конференцию показателем быстрого роста марксистско-ленинских научных кадров, победоносного охвата ими одной области науки за другой. Особенно заметной вехой в истории марксистской науки в СССР явятся подведенные на конференции итоги многолетней дискуссии между механистами и диалектиками по основным вопросам философии и естествознания. Эти итоги были подведены в докладе А. М. Деборина «Современные проблемы философии марксизма» и в прениях по докладу. Но эта же тема, т. е. по существу вопрос о диалектическом материализме в конкретных науках, звучала и в обсуждении доклада О. Ю. Шмидта «Задачи марксистов в области естествознания» и в докладе Л. Н. Крицмана «Анализ крестьянского двора».

Ввиду большого и актуального значения этих докладов, дискуссий по ним и принятых резолюций Президиум Коммунистической академии постановил опубликовать их тремя отдельными выпусками под общим наименованием «Труды Второй Всесоюзной Конференции марксистско-ленинских научных учреждений».

Доклады и прения печатаются по стенограммам, просмотренным и исправленным выступавшими товарищами. Лишь несколько участников конференции не возвратили своих стенограмм. Эти стенограммы печатаются без авторских исправлений.

Д О К Л А Д О. Ю. Ш М И Д Т А

Товарищи, когда я готовился к докладу, я думал, что мне придется доказывать первым тезисом необходимость высшим научным учреждениям марксизма заниматься естественными науками. Но после доклада Абрама Моисеевича Деборина и всего хода прений я могу на этом не останавливаться. Весь ход развития философии диалектического материализма, как он был представлен А. М. Дебориным и в развернувшихся прениях, подтверждает, что занятия естественными науками для марксиста сейчас важны не только потому, что марксизм должен, как единое мировоззрение, охватить все стороны науки, не только потому, что естествознание, в виду его громадного влияния на технику и, таким образом, на строительство нашей страны для нас далеко не безразлично,— но и потому еще, что и основные вопросы диалектического материализма сейчас тесно связаны с конкретными вопросами естествознания, чем и объясняется большой интерес к этим вопросам наших философов.

Так как принципиальная сторона взаимоотношений диалектического материализма с конкретным материалом естествознания вчера выяснилась, вы мне позволите о ней сейчас не говорить. Если мой доклад взять изолированно — это будет его минусом, но, право, не стоит повторять то, что разносторонне и лучше высказано позавчера и вчера во время прений. Позвольте мне остановиться на более конкретных задачах, обрисовать конкретно, что делается в современном естествознании, указать те точки приложения наших сил, которые вырисовываются, и тактику, которой мы будем следовать, опять-таки на конкретном отчетном материале секции естественных и точных наук Комакадемии.

Любопытно, что не только в нашей среде сейчас принимают большое принципиальное значение современных вопросов естествознания. Это, повидимому, понимают и в среде наших врагов. Каждая заминка в развитии естествознания, каждое противоречие, хотя бы кажущееся, к которому приводит теория, а иногда и факты, сейчас же становится материалом для выводов идеалистических. С радостью, буквально с радостью набрасываются на каждую заминку в науке, набрасываются ученые, которым казалось бы радоваться тут нечему. Политическая подоплека всего этого совершенно ясна: в наше время трудно уклониться от сознания того,

что материализм и революция тесно между собой связаны, и те классы, которые боятся революции, тщательно отвертываются от материализма. Если средний тип ученого лет тридцать тому назад был стихийным, неоформленным, но все-таки материалистом, то сейчас это не так, причем не только на Западе, но и в нашей среде.

Я не могу удержаться, чтобы не начать с одного в высшей степени живого отклика, хотя он не заслуживает того, чтобы попасть на конференцию таких учреждений. Вчера, во время прений по докладу А. М. Деборина в президиум попала — по почте — записка, конечно, без подписи. Она содержала в себе стихотворение. Это стихотворение не столь талантливо, чтобы прочесть его целиком, но четыре строчки, характеризующие отношение автора к нашей работе, позвольте прочесть:

«У католиков очередное задание — прибрать к рукам естествознание (католики — это мы. — *О. Ш.*), превратить ботанику и зоологию в марксотеологию». *(Смех.)*

В таком же духе стихотворение составлено дальше. *(С места:* Им можно будет воспользоваться?) Оно все целиком составлено в таком духе.

Здесь ничего талантливого нет, но это характеризует отношение некоторых лиц к нашей работе. Подобное этому происходит на Западе. Даже очень серьезные ученые столкнулись с противоречиями в развитии фактического материала в науке, с накоплением этого материала, и вместо того, чтобы видеть в этом задание для углубления своей теории, для разрешения так или иначе этого противоречия, хватаются за него, потому что противоречие в науке дает им возможность объявить твердые законы природы отмененными. Стало быть, да здравствует не только свобода духа, но и дух вплоть до прямого признания божества. Немыслимо было еще двадцать лет назад, чтобы в серьезном научном журнале бог трактовался, как научная проблема, а сейчас это делается. В частности, я могу указать английский журнал «Nature.» Недавно приводился в литературе пример того, как во Франции среди научно-исследовательских институтов, включенных, как мы бы выразились, в государственную сеть, существует метапсихологический институт, занимающийся спиртизмом и находящийся под покровительством официальных правительственных лиц. Все это мелочь, но все это очень характерно для того политического положения, в котором мы находимся.

Откуда все это происходит? Позвольте взять один из недавних документов, принадлежащих далеко не явному идеалисту, наоборот, с ним дело гораздо сложнее. Это некий Рицлер. В своей статье «Кризис действительности», помещенной в сентябрьском номере «Naturwissenschaften», он говорит нечто очень интересное. Мне кажется, что этот конкретный пример нам покажет, как используются затруднения в науке. В этой литературно блестящей научной статье он характеризует прежде всего материализм, как такого рода построение, при котором постулируется существование объективной действительности, тогда как смысл наших научных теорий есть приближение к действительности. Но приближение прогрессивное. Против этого, конечно, мы не возражаем. «Втечение последних ста лет (я для удобства стенографов буду читать по-русски, а не по-немецки) стало в науке само собой разумеющимся, что эти две картины мира, картины науки и действительности, друг другу соответствуют и постепенно друг друга покрывают. Но вот, за последние десять лет в физике, к удивлению всех неученых и ученых, это убеждение совершенно поколеблено».

Значит физика заставила поколебать это убеждение. Дальше: «Часть известных нам законов природы была разоблачена, как законы, в сущности, статистические». Я потом буду говорить, в чем тут дело с статистикой. Любопытно то, что переход от одного вида причинности к другому виду, к статистическому, здесь назван *разоблачением*. Автор себя выдает: так может сказать только человек, заинтересованный в этом разоблачении.

«Вместо того, чтобы отдельные частные науки,— пишет он,— охватывающие ту или другую часть картины мира, в конечном счете сходились, оказалось, что они разошлись совершенно и их объединение в одну картину мира становится невозможным».

И из этого оказалось, что раз картины, даваемые отдельными науками расходятся, то за ними не может стоять общий мир действительности. Стало быть, материализма быть не может.

«Ситуация создалась очень своеобразная и необычайно запутанная. Отсюда выводы: «часть ученых стала спиритуалистами, часть стала сенсуалистами». Какой выход находит сам Рицлер? Выход путанный, какой только можно ожидать от ученого на Западе, лишенного ясного мировоззрения. Он кончает тем, что нужно построить новую картину мира, но динамическую, а не статическую. В этой картине мира все движется, единственно, что остается, «это смысл, труд и судьба». Конец какой-то мистико-идеалистический, но для нас важно то, что он картину мира предполагает не законченной, а движущейся. Позвольте прочесть следующее:

«Вполне можно себе представить, что существует независимый от наших органов чувств внешний мир, но что этот мир вовсе не представляет собою законченную упорядоченность, действующую по неизменным законам. Может быть в мире порядок перемешан с беспорядком. Беспорядок борется за порядок и находится в стадии создания».

Вы видите, это своего рода диалектика отчаяния, в этом есть элементы диалектики несомненно, это — диалектика облеченная

в идеалистическую форму. Рицлер не одинок. Я бы мог привести таких примеров много.

Лучшие умы из современного кризиса ищут выход в сторону диалектики. Диалектика в науку не только вводится «католиками» — как нас назвали,— вводят ее стихийно, она вырастает из самой науки. Нам даже не приходится агитировать, диалектика в естествознании прет сейчас отовсюду. Мы должны довести этот процесс до осознания, мы должны помочь теми общими законами диалектики, которые в основе марксизма выработаны, помочь привести к осознанию этого процесса и тем самым ускорить разрешение возникших вопросов. Хотя стихийная тяга к диалектике у естественников Запада имеется, но пойдут ли они по этому пути? Я думаю, что они не пойдут, потому что притти к такому разрешению, это значило бы поддержать материализм, а на этот материализм западный мир не способен.

Стремление освободиться от стеснительных оков законов природы для свободы духа сильнее, чем навыки естественника ученого. Вот почему хотя элементы диалектики сейчас на Западе появляются у лучших умов и без участия сознательных диалектиков-материалистов, но этой задачи им без нас все же разрешить не удастся. Конечно, мы своей пропагандой не переубедим тех, кто стремится к религии, и не это мы должны ставить своей задачей. Но за ними идет огромная масса колеблющихся, в том числе ученые СССР. Если в области наук общественных наши ученые, даже не признающие себя марксистами, находятся в СССР под сильнейшим воздействием марксизма, сдают свои позиции, переходят на наши позиции явно или не явно, если все научно плодотворное, что делается в области общественных наук, принадлежит марксистам,— то в области естественных наук это не так. Наши ученые естественники находятся под двойными, перекрещивающимися влияниями. С одной стороны — это влияние марксизма, которому они подвержены, пока больше в области политики, чем в области своей науки, а с другой стороны — развитие естествознания на Западе, с которым наши ученые хорошо знакомы и которое действует на них не только своими результатами, но и своими скороспелыми, иногда махистскими выводами. Мировоззрение наших ученых совершенно еще не устойчиво, и взгляды идеалистического типа, распространенные на Западе, у нас чрезвычайно быстро подхватываются. Если кто-нибудь сказал, что новейшее развитие теории квант в физике приводит к отрицанию причинности,— этот тезис сразу подхвачен и у нас очень видными учеными, академиками, без всякой критики, в силу общности основного настроения.

Каковы наши задачи, что нам нужно делать, это будет удобнее иллюстрировать на совершенно конкретных примерах, на примерах крупных. Можно было бы примеры эти множить десятками.

Я выберу только несколько и остановлюсь тогда, когда почувствую, что у меня времени не хватит.

Развитие естественных наук под влиянием запросов техники привело за последнее время к такому уточнению экспериментальных методов и, вследствие этого, к такому накоплению новых фактов, с которыми старые теории не справляются, так как факты друг другу противоречат и противоречат наиболее установившимся, прочным научным взглядам и убеждениям, таким, которые считались незыблемыми с материалистической точки зрения. Перед лицом этих новых фактов, являющихся симптомом роста, а отнюдь не упадка естественных наук, естественники раскалываются. Нам удобнее будет классифицировать их по этим двум признакам — материализму и диалектике. Есть естественники и не материалисты, и не диалектики, а чистейшей воды идеалисты. Они пользуются всеми этими затруднениями для того, чтобы дискредитировать науку, для того, чтобы получить оправдание той поповщине, которой они занимаются. Есть материалисты, но недиалектики. Мы вчера их достаточно слышали и мы знаем их значение. Они перед лицом кризиса науки пугаются, они кризис этот отрицают. Они противоречий видеть не хотят и ведут назад к тому периоду естественных наук, когда этих противоречий еще не было. Есть диалектики нематериалисты, которые ищут выхода на почве признания противоречий существующими на почве синтеза данных противоречий, на почве такого пересмотра наших основных понятий, который охватил бы эти новые факты, как бы противоречивы они ни были. Это смелые умы, но они чаще всего на Западе нематериалисты, и ясно выработанной теории у них нет. У них есть элементы диалектики, но нет диалектики как последовательного метода. Наконец, есть и должны быть диалектики-материалисты. В мировом масштабе нас очень мало, но мы не одиноки. За нами стоит вся философия диалектического материализма и торжество марксизма в области общественных наук, дающие нам больше уверенности в своей правоте, чем это могло бы быть присуще небольшой кучке людей. Позвольте иллюстрировать вам сказанное конкретно, как я обещал.

Я начну с теории относительности. Да простят мне естественники, если я кое-что упрощу. Мне очень хочется, чтобы меня немного слушали и неестественники. Картина мира прошедшего XVIII века приблизительно такая: есть пространство и время как общая форма. В этом пространстве и во времени происходят различные события, действия. Пространство и время есть сцена, на которой действует материя. Материя действует на сцене. Сцена сама по себе, а действующее лицо, материя — сама по себе. Это был материалистический взгляд, господствовавший в науке. Со времени открытия явлений электродинамики оказалось, что эта прежняя

схема немного неудобна. Электродинамические явления пришлось истолковывать, как явления, происходящие не в самой обычной материи, не в телах. Можно было сказать, что они происходят в пространстве, как какие-то изменения пространства как такового. Этот решающий шаг к формулировке сделан не был. Щель была замазана предположением особой материи, эфира, которая не является действующим лицом на сцене пространства, а как-то сливается с пространством (где пространство — там эфир). Этот вот эфир меняется при электрических явлениях. Получается так, что вместо того, чтобы сказать, что сцена меняется, эту сцену наполнили жидкостью, заставили ее меняться и в этой жидкости плавать, танцовать материю. Получилась картина не особенно хорошая и чреватая в понимании ее дальнейшими затруднениями. Затруднения эти сказались в конце прошлого века, когда получилась некоторая неувязка в вопросе об определении скорости различных процессов, протекающих в различных направлениях. Эта неувязка привела к противоречию между обычным понятием времени, между, обычным понятием пространства и между тем понятием эфира, в котором происходят электрические и световые явления, о которых я говорил. Эти противоречия натолкнули Эйнштейна на создание его теории относительности. Первый вариант ее относится к началу 900-х годов. Смысл, философское значение, общее значение первой теории Эйнштейна заключалось в том, что пространство и время были объединены. Оказалось, что пространство и время друг от друга *зависят*. Течение времени зависит от того, в каком окружении оно протекает, а свойства пространства могут меняться со временем. В дальнейшем Эйнштейн углубил эту теорию в 15 и 16 годах. Между прочим, он хотя и сохранил на словах, но на деле отказался от эфира, как от особой среды, которая и не пространство и не материя, а прямо перешел к тому, что свойства пространства зависят от того, находится ли в нем материя или нет. Вблизи материи свойства пространства иные. Этим обусловлено всемирное тяготение, которое есть не что иное, как такое искривление пространства, которое заставляет тела стремиться к центру тяготения. Этим он объяснял тяготение, но не мог еще объяснить единообразным образом и электромагнитные явления. Последний шаг в этом направлении он сделал в самое последнее время, но насколько он удачен — я не берусь судить, так как я еще не разобрался в этом. Вот приблизительная картина.

Как к этому отнеслись различные группы ученых? Идеалисты чистой воды, услыхав о том, что нет абсолютного времени, нет абсолютного пространства, что они относительны в зависимости от того, в какой точке мы их наблюдаем, центр тяжести перенесли на слово «наблюдаем»: ага, значит пространство и время существуют только как результат наших наблюдений! — чисто махистское

утверждение. Они пошли еще дальше: может, значит, быть столько картин мира, сколько наблюдателей, и каждый наблюдатель может иметь картину мира сообразно своему духу. Дальше дошли в своих идеалистических выводах до прямой чертовщины, именно до чертовщины. Использовав в теории Эйнштейна то, что скорости не могут превысить известной величины, решили, что за этим пределом, за звездами движется уже не материя, а рай. Это утверждение Флоренского, ученого человека, московского протоиерея. Вообще, какие угодно чертовщинные выводы можно было сделать. Эйнштейн тут не при чем, но за него немедленно ухватились.

Как поступили в другом лагере наши механисты, т. Тимирязев? Они нацело отрицают не только теорию Эйнштейна, но и то противоречие, которое лежит в ее основе. Они ставили ставку на то, чтобы опровергнуть опытную сторону ее, что им не удалось. Они не видели ни тех противоречий, ни того развития физики, которое здесь проявляется. И далеки были, конечно, от того, чтобы понять такие объединения, как объединения пространства и времени.

Нужно сказать, что у нас в СССР теории относительности не повезло: с одной стороны, все-таки авторитет т. Тимирязева был велик, а с другой, мы находились под гипнотизирующим влиянием тех идеалистических выводов, которые делались на Западе из теории относительности и которые послужили причиной невероятной популярности ее среди обывателей всего мира. Эта теория релятивности, теория относительности, именно у обывателей чрезвычайно популярна, конечно, из-за идеалистических выводов. Эйнштейн тут не при чем, хотя у Эйнштейна имеется путаница — у него есть и махистские утверждения на ряду с материалистическими, у него нет последовательности.

У нас одно время создалась ситуация, при которой мы к теории Эйнштейна отнеслись подозрительно, и не было смелости, чтобы указать на материалистическое зерно теории относительности. Лишь некоторые товарищи на этот путь стали. Наиболее интересна в этом отношении из первых попыток была книга т. Семковского. В последнее время т. Гессен, подходя с другой стороны, также выявил материалистическое зерно теории относительности. Сейчас можно считать этот вопрос более или менее решенным. Элементы диалектики в теории относительности выступают ярче, чем в какой бы то ни было современной теории. Она вся диалектична. Материалист-диалектик облек бы это в другую форму, он сумел бы застраховаться от того, чтобы обыватели использовали эту теорию в сторону поповщины, чего Эйнштейн, будучи младенцем в философии, не сделал.

Какова теперь наша задача относительно теории Эйнштейна? Это — продолжить ее, углубить, освободить от той шелухи идеали-

стической, которая есть у Эйнштейна, а еще больше у его последователей, выявить, явно представить диалектическое ядро всей теории. В таком обогащенном, улучшенном виде она завоюет новые факты и приведет к дальнейшему охвату явлений. Так что даже с узко физической стороны это будет прогресс.

Так же кратко разрешите коснуться другой области современной физики, которая привела к кризису понятия причинности. Трудности здесь двух порядков. С одной стороны, свет предполагался, как колебание эфира, или, если хотите, изменение пространства электромагнитного свойства. С другой стороны, со времени Ньютона существует предположение, что свет — это несущиеся с громадной быстротой частицы. И целый ряд явлений, наблюдаемых в физике, как будто подтверждает, что действительно свет — это частицы, отдельные разрозненные частицы, кванты света, как называл их Эйнштейн (это не имеет отношения к теории относительности, это теория квантов Планка), однако Эйнштейн и здесь дал ряд основных формулировок. Есть такие явления природы, которые можно объяснить, только предполагая, что свет есть волны в пространстве, — изменения волнового характера, и есть другие, которые можно объяснить только с точки зрения того, что свет состоит из несущихся отдельных частиц. В этом одно противоречие. Другое противоречие выросло из теории построения атомов. Что атом есть реальность (что Мах упорно отрицает), это доказано в физике. Можно сказать, что почти-что можно видеть отдельные атомы, по крайней мере, можно видеть отчетливо отдельные действия, производимые отдельными атомами, вспышки от отдельных атомов. Грубо, приблизительно, механически можно представить, что вокруг какого-то центрального положительного ядра вертятся электроны, отрицательное электричество, на манер планет вокруг солнца. Оказывается, такое представление объясняет многие явления, в том числе и спектр веществ. Но, с другой стороны, когда попробовали его математически обработать и охватить, оказалось, что соответствующее уравнение не дает нам точного ответа на то, где в каждый данный момент находится атом: мы находим или скорость атома или место атома. Но определить и скорость и место атома не удавалось. Получается что-то неладное и противоречивое: или известно, какую атом имеет скорость, но неизвестно его место, или известно его место, но неизвестно, как он движется, тогда как мы, конечно, всегда представляем, что всюду причина действует однозначно, что если атом находится в известном определенном месте, в определенной системе, то ясно, как он дальше будет двигаться. Никакого соображения атому не дано, он не может обдумать, куда ему двинуться. Вся данная конфигурация двигает его в одном направлении. Уравнение же говорит не то: оно говорит, что атом как будто не знает, куда ему двинуться.

Эти противоречия путем, о котором я не буду говорить, объединились для того, чтобы привести к очередному кризису физики, кризису, по-моему, не столь глубокому, но ставшему опять-таки модным. Оказывается, что можно найти выход из положения, если представить себе, что электроны и атомы действительно обладают некоторой индивидуальной свободой, что движение их определено *только в среднем, только статистически*. Тогда все выходит хорошо. Некоторые физики отсюда сразу сделали соответствующий вывод: надо отвергнуть причинность, которая была раньше, причинность динамическую, причинность, при которой из данной конфигурации материи вытекает с неизбежностью движение отдельных частиц.

Надо перейти к причинности статистической, при которой в микрокосмосе отдельные электроны свободны в своих проявлениях и лишь в общем и среднем, по закону больших чисел, получаются те законы природы, которые мы знаем. Это физическая сторона. Какие же выводы делают опять-таки те группы, о которых я говорил? Что говорят чистые идеалисты? Они говорят так: по одной физической теории свет должен быть волновым процессом, а по другой физической теории свет должен быть летящей частицей, эти теории явно непримиримы. Частица — маленькая величина, а волна распространяется на весь мир. Отсюда вытекает, что физические теории вообще не должны вовсе стремиться к тому, чтобы дать одну картину мира: могут быть разные картины, созданные нашим воображением. Одним словом, приходят к махизму. Но дальше делаются еще более идеалистические выводы. Они говорят, раз картина мира может быть даваема различными теориями, раз возможны противоречия, значит наука нам вообще не указка. Высшим доводом становится уже не наука, и в серьезных научных журналах ставится обсуждение вопроса, не следует ли в качестве основной инстанции постулировать существование бога? Вот что делают чистые идеалисты. Из второго кризиса о причинности они делают совершенно ясный вывод: никакой причинности нет. Причинность это материалистическая выдумка, мир свободен, даже электрон имеет свободу воли.

Перехожу к механистам. Говоря о механистах, я в данном случае вовсе не имею в виду А. К. Тимирязева, не все механисты заключаются в нем. Есть за пределами нашей партии очень много механистов, несолидаризирующихся с ним, но являющихся прежде всего естественниками, которые стоят на материалистической позиции, но на позиции устаревшей, до-диалектической. Эти группы ученых не разобрались в кризисе... Они начали с того, что стали отрицать факты, а когда отрицание им не удается, они вынуждены дожидаться каких-нибудь новых опытов, которые дали бы объяснения факта, а пока они пользуются математическими формулами

лами, не видя за ними никакого содержания, т. е. они также скатываются в махизм и в математический формализм. Это — совершенно пассивная позиция.

Что же мы должны делать? Мы должны прежде всего не бояться противоречий, на которые мы наткнулись. Мы не утверждаем, что причинность может существовать только в том примитивном виде, в каком мы ее раньше знали, а если усложнение опыта приводит к тому, что понятие причинности надо усложнить, то это нас, как диалектиков, не пугает. Если существует два ряда причинности — статистическая и динамическая,— то для нас в этом ничего ужасного нет и это не разрушает нашего материализма. Правда, мы на этом не успокоимся, мы должны посмотреть, как связаны между собой оба вида причинности. Каким образом именно из причинности динамической, действующей в единичном случае, при переходе на случай массовый вырастет статистическая причинность. Вы помните рассуждение Энгельса о случайности: случайность есть также закономерность, но относящаяся к явлениям в совокупности. Для нас случайность не есть что-то противоречащее причинности. Мы устанавливаем более высокое понимание причинности, в которую случайность входит как составная часть. Этот кризис в физике ничуть не нарушает нашего мировоззрения, наоборот, кризис нам дает материал, который мы должны переработать. Как переработать, мы еще не знаем. Можно только гипотетически высказать мысль, что нам удастся сохранить динамическую причинность для явлений элементарных, и при помощи понятия устойчивости движения связать ее с законами, управляющими статистической причинностью, когда одни движения оказываются устойчивыми и потому встречающимися часто, а другие — неустойчивыми и потому встречающимися редко.

Но для того, чтобы эту задачу отчетливо поставить, мы должны быть диалектиками, мы должны, с одной стороны, не успокаиваться на этом противоречии, с другой стороны — не думать, что получив математические формулы, мы сделали все. С нашей стороны должны быть поставлены работы, в том числе экспериментальные, которые эти противоречия вскроют и объединят.

У меня нет времени, чтобы продолжить примеры, я скажу только несколько слов о состоянии науки в области психологии. Здесь такого явного переживания кризиса, как в физике, нет, прежде всего потому, что самый предмет этой науки менее определенный. Эксперименты играют меньшую роль, потому здесь еще больший разброд, а материала конкретного характера еще меньше. Ясно, конечно, что объект психологии гораздо ближе к общественным наукам, и поэтому общие политические причины действуют там еще сильнее, и идеализм там проявляется прямо и непосредственно. Разберемся бегло в существующем положении. Мы имеем прежде

всего учение Павлова, учение, которое мы признаем основным вкладом современной науки в материалистическую психологию. Вы его знаете, о самом учении мне нечего говорить. Но было бы с нашей стороны неправильно, если бы мы ограничились только Павловым. Мы должны видеть и недостатки Павлова, его ограниченность, крайнюю ограниченность его метода и его подхода, невозможность метод Павлова применять к более сложному поведению общественного человека. Поэтому, если кто-либо, как это сделал Енчмен, попытается только на Павлове построить теорию поведения современного общественного человека, включая все его проявления, вплоть до революции и реакции, то, конечно, мы против этого ополчимся, как ополчались в свое время против Енчмена. Отвергать же Павлова было бы неправильным: мы его примем в тех элементах, где он годится, как одна из основ материалистического построения.

Возьмем другую теорию. Мы имеем в Америке «бихевиоризм» науку о поведении. Довольно близко связана с ней немецкая психология „Gestaltpsychologie“. Мы приветствуем бихевиоризм за то, что он не только и не столько расчленяет по-павловски, сколько старается рассматривать поведение человека в целом. Мы его приветствуем за отказ от идеалистического метода. Мы готовы его принять, как вспомогательный метод. Но с другой стороны «бихевиоризм» еще более ограничен, чем павловская теория, своей американской обывательской ограниченностью. Это есть, в сущности говоря, перенесение на человека методов зоопсихологии. То, что в человеческой психологии наиболее ценно, связано с его социальным поведением, с чрезвычайным осложнением его отношения друг к другу, вызванным нашей культурой, ускользает от этого метода. Немецкая «гештальтпсихология» ставит во главу изучения целостного человека, она менее атомистична и механистична, но она открыта для идеалистического воздействия на него. Этот «целостный» человек становится очень скоро самостоятельным центром, который получает свой закон не столько из внешнего мира, сколько сам является его носителем. Отсюда шаг к идеализму, здесь более близкому, чем в других теориях. Тем не менее мы эту «гештальтпсихологию» воспринимаем и методом ее во многом пользуемся. На ряде других теорий я, за недостатком времени, не остановлюсь.

Далее мы имеем психоаналитическую теорию Фрейда. Я задержусь на ней несколько подробнее, потому что с ней случилась история, в известной степени подобная истории с теорией Эйнштейна. Психоаналитическая теория, сущность которой всем известна, вначале заинтересовала многих марксистов и не могла не заинтересовать, вплоть не только до Варга и Радека, но даже до Бухарина и К. Цеткин, не могла не заинтересовать прежде всего

потому, что в недрах буржуазной науки она была революционной и была там воспринята как революционная.

Затем этот строгий детерминизм в психике, получивший наиболее яркое выражение в теории Фрейда. Открытие Фрейдом бессознательной индивидуальной психики есть очень большой вклад в науку, как и учение об обусловленности этой индивидуальной психики, даже в ее бессознательных частях, обусловленности ее как переживаниями индивида, так главным образом и предыдущим унаследованным опытом. Все это материалистические элементы. Добавим присущую этому учению крайнюю динамичность, подчеркивание динамичности всех процессов нашей психологической жизни — черта прямо диалектическая. Казалось, что все хорошо. Но некритически подходя к этой теории, мы рискуем сделать обычную ошибку, ту же, что Енчмен сделал с Павловым: взять частное учение какой-нибудь теории, превратить эту частность в абсолют и попробовать этот абсолют поставить рядом с марксизмом. Если из фрейдовского учения делать дальше выводы, касающиеся социологии, и если при этом утверждать, что марксова теория, в сущности, говорит то же самое, то отсюда получится опасность, с которой мы не можем примириться. Всякие попытки противопоставить фрейдизм марксизму и даже только сопоставить фрейдизм с марксизмом должны сразу встретить отпор. Так и было сделано. Мне лично было очень жалко, что во время этой перестрелки психоанализ у нас на время погиб. Но во всяком случае лучше, если какой-нибудь десяток лет у нас какой-нибудь хорошей заграничной теорией заниматься не будут, но зато мы избавимся еще от одного уклона,— чем если бы мы допустили уклон для того, чтобы сохранить работу по этой теории. Сейчас, когда т. Варьяш и другие, у которых были уклоны, достаточно в этом разоблачены, и когда другие, у которых могли бы быть такие уклоны, сейчас достаточно подросли, можно смотреть на это дело проще и можно признать, что в этой теории есть много элементов диалектики и притом близкой к материалистической, которые мы можем принять, но строго критически. Мы кое-что примем, кое-что отвергнем. Во всяком случае, эту теорию разработать стоит, а она у нас сейчас находится в загоне.

Разумеется, мы не пойдем за такими последователями Фрейда, которые уже пробовали объяснить всю революцию, в том числе русскую и немецкую, знаменитым «фатеркомплексом», протестом против отцов и т. д. С этим мы не можем, разумеется, согласиться, но мы должны иметь в виду, что как-раз психоаналитическое учение не едино. Например, с точки зрения Рейха, нашего германского партийного товарища, все это сближается с физиологической теорией Павлова и т. д. У него психоаналитическая теория получает более четкий материалистический характер, хотя еще и не диалектический. Диалектический материализм — мировоззрение трудное для естественника.

Я хотел еще говорить относительно некоторых вопросов биологии, но боюсь, что времени у меня не хватит, и я думаю, что это лучше сделает вместо меня мой друг и товарищ — т. Левин. (*Голоса:* Продлить время). Если даже и продлят, то мне надо будет коснуться и других вопросов. Может быть Макс Людвигович не откажется и я думаю, что он о биологии скажет лучше меня.

Что же мы в такой обстановке должны делать? Я начну с внутренней программы, затем перейду к внешним выступлениям. Мы должны притти к созданию того, что из кризисов, которые сейчас проявились во всех отдельных науках, иного спасения, иного выхода, кроме диалектического материализма, нет. Эта чрезвычайно выгодная для нас позиция должна быть нами использована.

Разумеется, мы должны понимать, что мы можем ее только потому использовать, что мы живем в стране, где диалектический материализм победил на фронте общественных наук, победил действием. Только опираясь на нашу страну и имея в виду поступательный ход мировой революции, мы можем вести нашу борьбу. В развитии естественных наук сейчас момент для нас крайне благоприятный и ответственный, и пропускать его нельзя. Но чтобы вмешаться, надо овладеть диалектическим методом прежде всего. Это вещь очень и очень трудная. Целый ряд наших беспартийных ученых начал с легкого конца: нередко совершенно честный и хороший человек, политически симпатизирующий нам, перенимает марксистскую терминологию и начинает действовать в своей науке, думая, что он стал диалектическим материалистом, но не всегда это получается так. Я никогда не забуду, как одна аспирантка, очень милая девушка, ученица человека, считающего себя марксистом, подала сочинение, где первые же строки начинались так: «все великое многообразие мира есть сплошной переход количества в качество». Есть опасность, что овладеют нашей терминологией и этим ограничатся. Я при этом никого не обвиняю, не говорю, что они будут подлаживаться; нет, они честно овладеют терминологией, не овладевши сущностью, которой овладеть трудно. Наше мировоззрение нужно выносить в себе, надо в работе выковать его, надо в спорах и в недоразумениях закалиться, а это не так просто. Я это знаю по пройденному мною пути и по пути многих других товарищей. Есть опасность другого вида: есть легкомысленные существа, которым эта наша терминология чрезвычайно удобна. Представьте себе такое положение: доклад идет о физике. Человек что-то доказывает и у него получается невязка. Ему говорят — помилуйте, это абсурд, а он говорит — какой это абсурд, это единство противоположностей. Конечно, мы с этим согласиться

не можем. Выход здесь заключается в том, чтобы мы действительно проработали все те противоречия, на которые мы наталкиваемся. Чем отличается перед лицом противоречий диалектик-материалист от материалиста-недиалектика? Материалист-недиалектик этих противоречий пугается, их отрицает, прячется от них. Диалектик не пугается. Он знает, что если он увидел перед собой противоречия, то должен поставить себе задачей разобрать, в чем тут дело. Это то, что т. Деборин в своем докладе правильно сказал и этим успокоил мою душу — я боялся, что он не скажет — он определенно сказал, что в таких случаях *работать нужно*, и работать мы должны под общим руководством диалектического материализма.

Это приводит к вопросу о роли эксперимента в нашей работе. Я всегда настаивал на том, что марксисты, работающие в области естественных наук, не должны забрасывать экспериментальных методов. Меня даже упрекали в том, что я преувеличиваю значение эксперимента. Даже на пленуме Комакадемии был задан такой вопрос: разве можно какими-нибудь экспериментами доказать или опровергнуть марксизм?

Конечно, нет, так вопрос не стоит. Но, товарищи, те примеры, которые я вам показал, доказывают следующее: те противоречия, к которым приводят современные успехи, могут быть поняты и преодолены только на базе диалектического материализма, но преодолеть их нужно так, чтобы это преодоление сказалось на всем дальнейшем ходе естественных наук. Это значит — довести наше понимание до законченных теорий и подкрепить фактами экспериментов. Мы должны эти эксперименты ставить. Но нельзя себе представить,— и ни один естественник этого себе не представляет,— что мы будем заниматься теорией, а более искусные в области эксперимента западные ученые будут экспериментировать. Нет, исход экспериментов во многом зависит от того, как их поставить, т. е. можно ставить такие эксперименты, из которых заведомо ничего не получится или получатся разрозненные мелочи. Нам нужны такие эксперименты, которые дадут нам решающие, объединяющие выводы. Их нужно уметь поставить, а для того, чтобы уметь их поставить, нужно иметь теоретическую установку. Только люди, имеющие диалектическую теоретическую установку, могут правильно поставить решающие эксперименты. Остальные не додумаются, не дойдут до той постановки эксперимента, которая здесь нужна. Вот почему мы должны это делать, и именно мы должны это делать. Никто другой не сделает этого. Только мы и те беспартийные ученые, которые под нашим руководством работают, это сделают. И вот почему неправильно было бы, если бы мы в марксистских учреждениях естественных и точных наук пренебрегли экспериментом. Конечно мы не будем тратить нашего времени — дорогого времени очень немногочисленных марксистов в области естественных и точных наук,— на мелочные, хотя и трудные эксперименты для того, чтобы, например, определить длину волны немножко точнее, чем определяли предшественники, или определить коэфициент расширения меди и т. д. Этим мы должны заниматься попутно, с учебной целью для овладения методом, но только с учебной целью. Как только мы созрели для того, чтобы ставить серьезные эксперименты, нужные нам в нашей борьбе, мы должны их ставить. Нужно оказывать поддержку, и моральную и материальную, постановке их в других научных учреждениях. Для этого требуется очень большая научная школа и для этого требуется некоторая материальная база. Мы не думаем, что вся работа в этом направлении исчерпывается нашими марксистскими институтами. Каждый из нас работает обычно не в одном институте, работает обычно в университетах, в научных институтах, руководимых не марксистами и, конечно, там и впредь будет работать. Но если мы не будем иметь экспериментальной базы контрольного, так сказать, свойства, на которой мы ставили бы наиболее ответственные опыты, исходя из которых мы руководили бы всей этой опытной работой, то у нас получится такой отрыв, что наши отдельные разрозненные товарищи в море чистых экспериментаторов, лишенных всякой теории, этой задачи не выполнят. Нам надо иметь опорную контрольную базу.

В этом направлении старалась действовать Комакадемия. В программе у нас имеются свои институты по основным вопросам. Во-первых, у нас есть Институт высшей нервной деятельности, и я о нем потом скажу несколько слов. Мы думаем, что нужно создать биологический институт, мы имеем вместо него пока только лабораторию, которая была создана для Каммерера, в свое время. О Каммерере здесь уже говорилось. Мы пригласили его, как гонимого материалиста для того, чтобы дать ему возможность развивать свои методы. Этим мы не солидаризировались с его точкой зрения механо-ламаркиста, но я и сейчас скажу, что не считаю механо-ламаркизм абсолютно опровергнутым. Во всяком случае, было бы странно, если бы Комакадемия специализировалась только на работах механо-ламаркистских. Со смертью Каммерера мы продолжаем эти работы и взяли на себя эту обязанность, но мы хотели бы иметь более разносторонний и более глубокий биологический институт.

Будем ли мы строить новый институт или сможем использовать в качестве опорной базы существующий Тимирязевский институт — это покажет будущее.

Затем встает вопрос о физической лаборатории. Существующие лаборатории в большинстве или занимаются мелкими исследованиями, экспериментами общего свойства, или находятся в руках

людей, которые все силы объединяют для борьбы с Эйнштейном.

Мы же хотели бы не ограничиться Эйнштейном, да и с ним хотим не столько бороться, сколько углубить его, но для этого нужна совершенно иная постановка.

В той работе, которая сейчас будет проделана, мы получим большую опору, если спор философов может считаться решенным. Наши силы необычайно отвлекались, дробились этим философским спором, и силы философов, конечно, были слишком заняты на этом одном фронте. Все-таки этот спор прошел недаром.

Так как т. Перельман ссылалась на мои тезисы, якобы подтверждающие с точки зрения естественных и точных наук такие недостатки наших философов, как недооценку ими положительного знания, что грозит схоластикой, то я позволю себе вместо того, чтобы с ней полемизировать, просто прочесть те два пункта своих тезисов, в которых я об этом говорю.

Комментировать я не буду. Тезисы 7 — 8 гласят:

> «Очень важен союз с марксистами, работающими в общественных науках, особенно философии. Кустарные попытки т. н. механистов построить «свою» философию на основе современного естествознания, оторванно от развития диалектической философии и обществоведения вообще, привели к печальным результатам.
>
> Борьба диалектиков с механистами в наших собственных рядах должна расцениваться с точки зрения изложенных общих задач, стоящих перед нами. С одной стороны, эта борьба *нас ослабила:* отвлекла внимание от *общего* врага (торжествующего на Западе идеализма), временно привела некоторых философов к недооценке положительного знания, что грозило схоластикой, вся дискуссия велась временами на недостаточно высоком уровне. Но с другой стороны, эта дискуссия значительно продвинула нас в разработке ряда основных проблем, выявила недостаточность механистического материализма и тем создала предпосылки для преодоления современного кризиса естествознания на почве *диалектического* материализма.

Худо ли, хорошо ли, но сказано именно это, и тов. Перельман могла бы прочесть все, а не только пользоваться несколькими выхваченными строками. *(Перельман:* Но о схоластике там сказано). Это я и огласил, но она стоит между тем, что вы потерпели фиаско, и между тем, что это очень хорошо. *(Смех.)*

Последние десять минут моего доклада я посвящу нашим организационным вопросам. Какова будет наша тактика? Так как задачи перед нами большие, момент острый, а силы очень невелики, необходимо наши силы собрать, сберечь и увеличить. Как собрать?

Мы ощупью нашли способ в виде создания обществ материалистов при Комакадемии. Мы хотели эти общества использовать в качестве школы марксизма. Поэтому мы открываем двери несколько шире. Это — общество биологов-материалистов и т. д., в которые могут войти люди, которым звание марксистов мы еще не дадим, но среди которых мы рассчитываем воспитать марксистов. Также общества физиков и математиков-материалистов, врачей-материалистов и, наконец, психоневрологов.

Общества эти оказались очень удачной формой работы. Они объединили многих товарищей и, что еще более важно, помогли выявить таких людей, которых мы не знали, людей, которые именно в этих областях приближались к нам.

В печатных изданиях секции, в отчетах Комакадемии вы найдете перечень докладов, которые читались в этих обществах. У меня нет времени на этом остановиться. Должен только сказать, что успех работы этих обществ в Москве ставит вопрос перед всем Союзом в целом, не воспользоваться ли этим опытом, не примкнуть ли и другим республикам и городам к этим обществам, не пора ли создать отделения для связи с ними. Я думаю, что товарищи откликнутся в прениях и изложат свои программы в этом направлении. Развитие наших обществ привело к тому, что мы смогли совместно с этими обществами издать журнал. Сейчас уже вышел 2-й номер журнала «Естествознание и марксизм». Выход этого журнала — своего рода манифест, если угодно — манифест действием, который свидетельствует о том, что мы уже не столь бедны, у нас кое-какие силы есть. Если мы выпустим в течение года 4 номера журнала — это даст нам смелость затем выступить и за границей.

Это будет первая вылазка, мы не думаем, что она будет решающей, но как первая — она очень важна. Примерно в течение года или двух мы должны перевести работы во все районы заграничного фронта. Мы должны выступать с развернутой программой диалектического материализма на всех крупных научных съездах. Кое-какие силы у нас для этого есть, но мало, мало, конечно. Имеется небольшая группа людей здесь, в Москве, группа людей, которая не может целиком отдаться этой работе. Я лично работаю в двух наркоматах и издаю Энциклопедию, так что представляю собой с точки зрения Коммунистической академии работника не очень высокого процента времени. Ближайшие мои товарищи этот недостаток восполняют, но и сами загружены: т. Левин — большой знаток течений в биологии, т. Левит — врач, возглавляющий наши общества врачей-материалистов и биологов-материалистов, хорошо вам известные тт. Гессен и Агол и другие. Словом, создается группа людей, но их мало. Мы должны одним из результатов конференции поставить обращение в ЦК с просьбой,— я, уверен, что

это будет поддержано,— с просьбой о том, чтобы посылалось большее количество товарищей членов партии на нашу естественно-научную работу. Вся вчерашняя дискуссия показала нам, что эта область естествознания уже не безразлична для партии в целом. Сейчас речь идет уже не о том, что партия должна иметь кое-какие щупальца в этой области. Нет, естествознание сейчас является одним из важнейших фронтов нашей идеологической борьбы. Нам необходимо стянуть силы к этой области работы. Мы этот вопрос поставим, и мы уверены, что придем к желательным результатам.

Но мы должны воспитывать эти кадры и в Институте красной профессуры и отчасти в институтах по специальности. Как раз именно в институтах по специальности, где работает много аспирантов, где они получают узко методическую выучку по соответствующим наукам, они часто остаются беспризорными в смысле идеологического руководства. В этих институтах имеется тот материал, с которым мы могли бы оперировать. Там имеется прежде всего большая прослойка партийцев, мы должны их организовать вокруг общетеоретических вопросов естествознания гораздо сильнее, чем до сих пор. У нас есть целый ряд обществ, которые могут этому содействовать, нужно вокруг них организовать людей, интересующихся диалектикой естествознания. Мы должны эти общества создать не только в Москве, а и в Ленинграде, и на Украине и заставить их систематически работать. Это нам необходимо, и только таким образом мы сможем воспитать нужные нам кадры, те, которые у нас уже имеются — не растерять так, как мы потеряли уже многих, ушедших под влиянием целого ряда чуждых направлений, в роде Берга. *(С места:* Очень многих уже растеряли.) Вот видите, очень многих уже растеряли. Сейчас на этот важный фронт — естествознание — мы должны бросить большее число сил, чем до сих пор. Мы воспитываем и в наших собственных институтах эти кадры; мы будем продолжать это делать и в дальнейшем. У нас в нашем Институте высшей нервной деятельности выдвигаются молодые коммунисты, очень хорошо выдвигаются в смысле своей научной работы. Но я боюсь, что даже в нашем Институте высшей нервной деятельности мы оставляем их частично беспризорными. Это сказалось, хотя бы в некотором механическом уклоне отдельных наших товарищей из этого Института. Мы должны заставить товарищей теоретически работать, а то у нас получается, что на собрании тот или иной товарищ партийный, а в Павловской лаборатории он — узкий павловец и больше ничего.

Работа нашего Института высшей нервной деятельности очень интересна. Если бы была возможность, можно было бы туда поехать. Он недавно получил новое помещение, правда, еще не отремонтированное. Мы сочетаем там методы Павлова с целым рядом

других, в частности био-химическими, и по мере того, как у нас вырастают силы, я думаю, что сам павловский метод можно будет углубить.

Вот вкратце, товарищи, та организационная программа, которую мы намечаем: собирать людей, опираться на те науки, которые ушли дальше нас, на общественные науки, и прежде всего на философию. Нелепый спор между философией и естествознанием для нас, диалектических материалистов, не существует. Мы признаем руководство философии в смысле общей методологии и общей установки. С другой стороны, философы, устами Деборина и его учеников, которые здесь выступали, опровергли возводившееся на них иногда нелепое обвинение в том, что они пренебрегают конкретным естествознанием и предписывают природе свои законы. Продолжая свою работу по развитию диалектического материализма, философы нуждаются в том, чтобы мы им давали факты и конкретное применение метода. Мы, в свою очередь, для решения громадной стоящей перед нами задачи овладения всем естествознанием в целом, нуждаемся в руководстве диалектического материализма и будем этим руководством пользоваться.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Б. ГЕССЕН

Товарищи, наша борьба с механистами никогда не затушевывала для нас и теперь не может затушевать нашей основной задачи — борьбы с идеализмом во всех его проявлениях. Отто Юльевич здесь прекрасно показал, что естествознание для обоснования идеализма дает чрезвычайно много материала досужему философствующему естествоиспытателю. Не следует думать, что это «обоснованием» идеализма посредством нерешенных вопросов современного естествознания является чем-то случайным и неорганизованным, является отдельной попыткой тех или других естествоиспытателей. Это не так. Мы имеем в Западное Европе целые организации, ставящие своей задачей обоснование религии, обоснование идеалистических учений с помощью достижений положительных наук. До войны такие организации существовали, главным образом, в Англии. В английских университетах были два крупнейшие фонда — так называемый фонд Гифорда и фонд Силимана. Первый достигал ста тысяч фунтов стерлингов, т. е. миллиона рублей и был предназначен специально для того, чтобы пропагандировать идеи идеализма на основе достижений естественных наук. Второй фонд, фонд Силимана, достигал тоже нескольких сот тысяч рублей. В статутах этих учреждений значилось следующее (я цитирую из статута фонда Силимана): «Завещатели были уверены, что систематическое изложение явлений природы и истории лучше послужит указанной цели (т. е. защите положительной религии), чем какая бы то ни было попытка напыщенного изложения основ религии. Поэтому они выразили желание, чтобы лекции по натуральной теологии, носящие характер догматический и полемический, были исключены из этого цикла и темы выбирались бы исключительно из области естественных наук, предпочтительно по астрономии, физике и химии».

Как видите, в статуте этого фонда так и значится, что надо обосновывать религию, надо обосновать идеализм не догматическими упражнениями, а достижениями положительных наук.

Целый ряд лекций выдающихся естествоиспытателей был построен согласно указаниям статута, и процитированные мною строки

взяты из приложения к книге Дж. Дж. Томсона «Электричество и материя», представляющей собой не что иное как курс лекций, прочитанных для названного фонда. Даже такой естествоиспытатель, как Дж. Томсон, который в своих научных работах отстаивает точку зрения материализма, считает своей обязанностью защищать идеализм на основании доводов положительных наук. Не случайно, что та лекция, которая приведена А. К. Тимирязевым в его сборнике «Философия науки», заключает апелляцию к могуществу божества. Так вот, товарищи, так обстояло и обстоит дело в Англии. Последнее производство, в своем роде замечательное, фонда Гифорда, есть книга Эддингтона «О природе физических вещей, которая содержит в себе курс, прочитанный в виде гифордовских лекций, и которая представляет наиболее интересную и блестящую попытку «обосновать» мистицизм, «обосновать» идеализм, как стройную систему, доводами современного естествознания. В Западной Европе достаточно хорошо понимают, что кризис в естественных науках может быть использован для идеалистических построений. В нерешенных вопросах, в шатании естествоиспытателей есть достаточно материала, к которому можно привязать различные идеалистические измышления. Книга Эддингтона представляет собою наиболее блестящую компиляцию, наиболее блестящий свод таких идеалистических философствований по поводу нерешенных проблем. Развитие идеализма приобретает совершенно неожиданный размах после войны и на континенте и обусловливается классовыми сдвигами и той необходимостью еще крепче натянуть вожжи, которую чувствует буржуазия после кризиса, после войны. У меня нет времени останавливаться на всех фактах. Я приведу один. Во Франции, официальным декретом от 27 августа 1919 года, учрежден Интернациональный метапсихический институт, который декретом признан учреждением, имеющим государственное значение. Это учреждение, «имеющее государственное значение», ставит своей задачей «научные» исследования различных спиритических явлений. Для того, чтобы замазать неприятный термин спиритизм введен новый термин «метапсихические явления» — явления, лежащие за пределом физических и психических явлений. Это любопытное учреждение имеет большой фонд и издает свой журнал «Revue Metapsychique». В правление этого института входят такие лица, как Оливер Лодж, затем целый ряд членов Парижской медицинской академии, врачей и т. д. Этот институт ставит своей задачей направлять специальные комиссии всюду, где оказываются заслуживающие внимания факты, как, например, дома с приведениями (maison hantés). Сейчас это учреждение собирает в мае интернациональную конференцию (*Голос с места:* Послать Варьяша туда), выпускает громадное количество трудов, причем опять-таки это не оккультизм такого типа, который был раньше, а это оккуль-

тизм, который стремится поставить дело так, чтобы оно импонировало с научной точки зрения. Например, медиумы сейчас дошли до такой степени совершенства, что эти астральные бестелесные жители оставляют после себя различные ткани, и затем эти ткани подвергаются специальному микробиологическому исследованию, для того, чтобы доказать, что таких тканей на земле вообще не существует. Так, например, чрезвычайно авторитетный английский журнал „Nature“ — товарищи естественники хорошо этот журнал знают — посвятил в прошлом и в начале этого года целый ряд больших статей анализу этой так называемой эктоплазмы. Эктоплазма — это и есть астральная плазма. Английский журнал приходит к тому заключению, что все-таки можно считать существование эктоплазмы так же твердо установленным экспериментальными фактами, как физическое уродство и т. д.

Идеализм, следовательно, сейчас не выступает так просто, не выступает, я бы сказал, так примитивно, как это было раньше. Он выступает и является чрезвычайно могучим организующим фактором классового господства буржуазии, и он совершенно сознательно использует современное естествознание в своих целях. Поэтому борьба с идеализмом в таких его проявлениях не может итти только путем простой констатации или разоблачения этого идеализма. Ну, конечно, не трудно разоблачить, что то, что делает Метапсихический институт есть идеализм и мистика, не трудно разоблачить, что целый ряд писаний, целый длинный ряд книг, которые появились за последнее время, начиная от математика Уайтхеда и кончая произведениями такого физика, как Р. Миликан, посвященные религии, — идеализм, но надо, товарищи, преодолеть это явление, а для того, чтобы его преодолеть, надо не только знать естествознание, но надо выяснить и те методологические проблемы, с которыми связано возрождение идеализма. Механисты утверждают, что шумом борьбы с ними мы хотим отвлечь внимание от того факта, что мы не боремся с идеализмом. Это сущие пустяки. Целый ряд статей в журналах «Под знаменем марксизма» и «Естествознание и марксизм» посвящены борьбе с идеалистическими течениями в области естествознания. Только в «ПЗМ» и появились статьи, направленные против идеи беспричинности в современной физике.

А где механисты в своих четырех сборниках коснулись хотя бы одного животрепещущего вопроса современного естествознания? По вопросу о причинности имеется в журнале «Под знаменем марксизма» ряд статей, но отличие этих статей, не нравящееся механистам, заключается в том, что там не было истерики, не было площадной ругани по адресу идеалистов и т. д. В научном журнале нужно не это, нужны не митинговые фразы, а нужен анализ проблем. Но механисты, просматривая нашу статью против витализма, например, видят, что в ней нет ни одного ругательства. — Что же это за борьба с идеализмом, если нет ни одного площадного ругательства? Значит, это никуда негодная статья. Смысл нашей борьбы с механистами в том, что мы хотим бороться против идеализма адекватным оружием. С тем арсеналом, который нам дают в руки Рубановские, Перельманы, тт. А. К. Тимирязев и Сарабьянов, далеко мы не уйдем и в борьбе с идеализмом будем позорно разбиты. Это оружие было пригодно для разоблачения идеализма, когда физика переживала механический период, но оно непригодно сейчас. И сейчас, борясь с механизмом, мы прежде всего хотим доказать, что это оружие непригодно. Вот в чем смысл нашей борьбы и вот почему борьба с механистами и стоит в центре внимания. Было бы наивно думать, что, принявши резолюцию, осуждающую механистов, мы покончили с этим делом. Конечно, нет. Механисты отображают ту тягу к позитивизму, которая имеет широкие корни в стране.

Для того, чтобы позитивистское мировоззрение заменить другим, надо иметь что-то более высокое, потому что настоящего хорошего естествоиспытателя только более высокое мировоззрение может удовлетворить. Поэтому-то задача наших естественников марксистов и заключается в том, чтобы овладеть не только естествознанием. но овладеть и марксистской методологией, осмыслить, что нам собственно говоря, от естествознания нужно. От марксистов-естественников требуется, по крайней мере, вдвое больше, чем от обыкновенного естествоиспытателя. Мы не только должны быть сильны в области естествознания, но мы должны быть подкованы и в области методологии. Из-за этого мы вынуждены были нашу работу в области естествознания, может быть, немного замедлить для того, чтобы подковаться в области методологии и, подковавшись в области методологии, с новыми силами приступить к разработке естествознания с точки зрения диалектического материализма. Этого тоже не пеняли механисты. Если бы мы не вернулись к естествознанию, вы должны были бы крыть нас за схоластику. Но что роль методологии важна и что на этот период усвоения материалистической диалектики мы непременно должны были замедлить темп работы в области естествознания — это несомненно. А вы подняли вой «против схоластики», отхода от естествознания и т. д. Вопрос о задачах коммунистов в области естествознания — этот вопрос решается соотношением сил не только, конечно, у нас, но и на международной арене. Идеализм использует естествознание в своих целях, мы должны использовать в своих. Но надо сказать, товарищи, что для того, чтобы использовать естествознание в своих целях, нам нужно иметь гораздо больший багаж, чем у буржуазных философствующих естествоиспытателей, потому что наша задача несомненно труднее и несомненно ответственнее.

Вот в основных чертах задачи, которые стоят перед марксистами в области естествознания.

Мне хотелось остановиться еще на двух вопросах: во-первых, на вопросе о конкретных задачах Комакадемии, в частности секции естественных и точных наук, и, во-вторых, на вопросе о наших коммунистических кадрах в области естествознания.

В общей установке работы секции естественных и точных наук я целиком присоединяюсь к тезисам О. Ю. Шмидта. Мне только хотелось бы указать на те препятствия, большие препятствия, которые были у нас в работе и которые создали нам т.т. механисты. Я думаю, что это надо указать, товарищи, потому что они все недостатки работы хотят свалить на нас. Разрешите предъявить им встречный иск и показать, что их поведение препятствовало нашей борьбе с идеалистами. Какова наша задача в области естествознания? Привлечь к себе, как сказал О. Ю., все лучшее из незанимающих твердой идеалистической позиции, а колеблющихся и приближающихся к нам естественников. Привлечь не таких, которые употребляют марксистские словечки и получают известную мзду за это, а таких, которых действительно эти вопросы интересуют и которые действительно идут к нам. Были ли здесь сделаны со стороны механистов ошибки, которые затрудняли бы работу? Я прямо говорю, товарищи, — были, и приведу вам факты из деятельности сначала секции методологии, а потом секции естественных и точных наук. Я, конечно, буду говорить только о физике, потому что только в этой области считаю себя достаточно компетентным.

Прежде всего мы не ставим себе задачей только объединить материалистически настроенных естественников. Нам нужно, чтобы они этот материализм как-то реально в своей области проявили. Нам нужно привлекать не только тех людей, которые сочувствовали бы материализму, но и тех, которые бы в своей области за материализм боролись. Необходимо привлечь людей, не только материалистически, но и диалектически настроенных, и в этом я вполне согласен с Отто Юльевичем. Настал момент, когда диалектика настолько прет из науки, что самые отсталые естествоиспытатели начинают чувствовать, что здесь что-то неладно, и начинают задумываться над этим вопросом.

Что же делается в этом отношении, удовлетворительно ли обстоит здесь дело? Надо сказать со всей решительностью, что дело с отбором людей здесь обстоит неудовлетворительно. Возьмем такой факт: в изданиях Комакадемии сплошь и рядом вы можете встретить писания гражданина Харазова, который является научным сотрудником Комакадемии первого разряда по разделу физики. Товарищи, как известно, этот уважаемый гражданин Харазов «опровергнул» теорию относительности, а раз так, то отсюда ясно, что он диалектический материалист. Так обстоит дело по мнению А. К. Тимирязева. Репутация гражданина Харазова, как философа и методолога, я думаю, всем хорошо известна. Это человек, который упражнялся во многих областях: он начал с политической экономии, кажется занимался литературой, закончил физикой и механикой. Товарищи, так как это явление имеет общественное значение и так как подобные сотрудники компрометируют своим присутствием Академию, я приведу несколько строк из одной его книги, где этот гражданин пишет буквально следующее:

> «Правда, то, что Маркс создал, еще очень далеко от того, чтобы представлять собой истину. Марксизм, конечно, лишь только первый этап на длинном пути развития, только переходная стадия от грубого материализма XVIII века, который видел в природе только лишь одну материю, к новому совершенно истинному учению, которое вместо материи видит лишь материал для человеческого духа».

Вот вам, товарищи, объяснение того, что такое марксизм. Всякого интересующегося я могу отослать к «System des Marxismus» доктора Харазова, Берлин, 1910 г., с. 336. (*С места:* Тогда он был еще анархистом). Вы скажите, что это писано в 1910 году. Но вот, Харазов в 1923 году читал в Баку курс лекций по политэкономии. Эта книга по недоразумению его почитателями была издана. Если вы возьмете эту книгу, то вы увидите, что там уже есть и Ленин и Надежда Константиновна и все, что угодно, и Аристотель и Фома Аквинский. Эта книга повторяет целиком ревизионистские идеи, которые достаточно разоблачены т. Бухариным в его «Критике австрийской школы». Методология гражданина Харазова совершенно ясна. Я хочу сказать, что в области методологии — он человек ничего собой не значащий, в области физики он не пользуется никаким авторитетом, а между тем, он является научным сотрудником Академии и использует свой престиж. Почему это происходит? Потому что он является защитником механического материализма и «опровергнул» теорию относительности. Я думаю, подбор по этому принципу неправилен, и нам надо как следует пересмотреть состав коммунистических сотрудников, чтобы иметь таких людей, которые бы не компрометировали нас во-вне.

Я думаю, что чрезвычайно важно избавиться от тех людей, которые, действительно, только фразируют марксизмом. Если вы возьмете статьи Харазова, то вы увидите, что единство противоположностей у него все, что угодно, например, алгебра и геометрия. Я думаю, вообще подобный спекуляции марксизмом надо положить конец. Успешной наша борьба будет тогда, когда мы будем импонировать естественникам в отношении того научного

уровня, на котором проводится у нас применение материалистической диалектики к проблемам естествознания.

Мне бы хотелось в заключение обратить внимание на то, что в области теоретического естествознания у нас вопрос с марксистскими кадрами стоит катастрофически. Партия до сих пор, по понятным причинам, мало уделяла внимания этому вопросу и у нас получилось так, что если мы возьмем кадр научных работников в области теоретического естествознания, то процент коммунистов — научных работников научно-исследовательских институтов, в области теоретического естествознания по всему Союзу едва ли достигнет $1\frac{1}{2}$, а по некоторым Институтам составляет нуль. Следовательно, товарищи, я думаю, что серьезное внимание нужно обратить и партии и конференции на то, чтобы роли и задачам коммунистов в области теоретического естествознания было бы отведено подобающее место. Тут, на конференции, нам естественникам говорят часто, вы теперь, товарищи естественники, именинники. Это, товарищи, конечно, очень приятно, но в то же время очень грустно. Очень приятно, потому что быть именинником вообще очень приятно, и очень грустно, потому что именины бывают раз в год, а мы бы хотели, чтобы вместо того, чтобы устраивать торжественные раз в год именины, теоретическому естествознанию было бы уделено то внимание, какого оно вполне заслуживает в деле борьбы за нашу идеологию.

Тов. СТЕПОВОЙ

В статье товарища Гоникмана, опубликованной в «Войовничем Матеріялісте» на Украине, «Предмет діялектики та наші завдання» говорится о том, что философы, материалисты-диалектики должны заняться сейчас «малыми делами» и, засучив рукава, обратить свое внимание на изучение естествознания, на конкретизацию законов диалектики в области естествознания. Этот лозунг сейчас, если можно так выразиться, «делает эпоху» для тех философов, которые должны вести естествознание. В статье правильно говорится, что когда естествоиспытатель,— физик, биолог или химик, — из области общих формулировок о переходе количества в качество и наоборот, о законе единства противоположностей, о законе антитезы, обращается к своей специальности, он не знает, что делать с этими законами, как их применить и, подобно т. Цейтлину, думает, что это вообще не нужно естествознанию, что с такой методологией в такой общей форме, какая дается «деборинцами», ничего в естествознании не сделаешь. (*Цейтлин:* Перевираете).

Может быть я перевираю. Я был бы очень рад, если бы это действительно было так, но достаточным основанием для такого утверждения служит то настроение естествоиспытателей, позитивистов и механистов, с которым они подходят к вопросам диалектики. Единство противоположностей прежде всего понимается как единство двух противоположно-направленных сил, двух объектов, т. е. понимается метафизически, понимается механистически. Когда им, таким естествоиспытателям, говорят, что это не все, что нужно сказать о единстве противоположностей, что есть единство совместимых, взаимнопредполагающих противоположностей в одном объекте (когда мы берем какой-нибудь объект и рассматриваем в различных соотношениях, мы будем иметь две стороны этого объекта, внутреннее единство взаимно предполагающих противоположностей, если же мы эти две стороны возьмем благодаря их развитию, в одном соотношении, то здесь единство противоположностей выступает как внешнее единство, как борьба взаимно исключающих, непримиримых, полярных, несовместимых противоположностей). Это все считается схоластикой, гегелианщиной. Этот первый вид единства противоположностей есть тождество противоположностей в понятии, как у Гегеля. У Гегеля, мол, тождество противоположности вне пространства и времени, а у Ленина мы имеем борьбу взаимно исключающих противоположностей, полярных, которые нельзя совместить, — единство в объекте, а не в понятии. У Ленина борьба противоположностей абсолютна, а их совпадение условно. У Ленина вовсе не такое единство невместимых противоположностей, как у Гегеля, который совмещает случайное и необходимое, количество и качество, суть и явление, целое и часть, содержание и форму, единение и всеобщее, как рефлективные понятия. У вас, мол, «диалектиков», как у Гегеля, — философия тождества, правая постановка, контрреволюционная, соглашательская, эклектическая, эмпирическая, а у нас-де, «механистов», как у Ленина, — философия единства, левая постановка, революционная, радикальная, исключающая, рационалистическая. В естествознании будто бы должно быть такое единство двух противоположностей, которые взаимно исключают друг друга, а не предполагают друг друга. Такое механистическое понимание единства, которое *включается* «как сжатый момент», диалектическим материализмом критикуется. Ведь механисты тем, что они абстрагируют одну из сторон действительности, подобно идеалистам, превращают ее в абсолют, но которым не *исчерпывается* все богатство его содержания, конечно делают всю диалектику очень плоской, и с этой диалектикой в естествознании очень мало можно добыть результатов. Ведь противоположности *становятся* «тождественными», и — в этом заключается диалектика. Что значит назвать одно явление одною противоположностью, а другое — дру-

гою противоположностью и на этом покончить? Это значит наклеивать терминологические этикетки на факты естествознания, или, как сказал т. Цейтлин, это значит заниматься схоластикой. Но это потому так, что механисты с больной головы сваливают на здоровую и приписывают диалектикам то, чем диалектики не занимаются, и что они понимают единство противоположностей не в смысле *развития* в пространстве и времени внутренних, взаимнопротивополагающих противоположностей во внешние, в такие, которые взаимно исключают друг друга, не в смысле *развития* совпадающих в несовпадающие и последних в первые (на высшей ступени), не в том смысле, в каком мы, например, говорим о раздвоении единого класса мелких собственников на два внешних друг к другу противоположных класса пролетариата и буржуазии, т. к. класс мелких собственников являет собою единство внутренних противоположностей, а в смысле уже готовых, явившихся внезапно, как Венера из морской пены, внешних противоположностей.

Возьмем область, о которой т. Шмидт сказал, что это есть материалистическая психология. Конечно, физиология нервной системы — то, чем занимается Павлов, — не является психологией. Психологией занимается Корнилов.

Мы видим, что физиологи, изучающие механизм поведения, путаются в противоречиях. Мы должны им помочь. Правда, философская кафедра украинского института марксизма и ленинизма делала известные попытки увязать работы физиологов с философскими проблемами. Были общие заседания научно-исследовательских институтов, читались доклады, но из этого толку не вышло. Затем Общество воинствующих материалистов-диалектиков поставило доклад д-ра Попова и проф. Протопопова. Но обсуждение свелось к обсуждению психо-физической проблемы, к спору о динамичности психики, а не к методологической помощи физиологам.

Мы видим, что мы не можем помочь, потому что мы не занимаемся конкретным содержанием данной науки, а сказать о единстве противоположностей и этим ограничиться мы не можем. Необходимо эту область науки детально изучить и тогда мы сможем что-нибудь сказать естествоиспытателю. Иначе он не будет нас слушать или будет слушать с той презрительной улыбкой, с которой может быть сейчас меня слушает тов. Цейтлин.

Если взять проблему раздражения и торможения, которую разрабатывают Павлов в Ленинграде, а в Харькове Протопопов, то здесь диалектическая мысль идет в том направлении, что рассматривает это как единство внутренних противоположностей, совмещаемых во времени и в пространстве. Физиологи, изучающие механизм поведения, об этом догадываются, но мы им не идем на помощь, как следует, т. е. не указываем, *какое* единство и *каких* противоположностей мы в данном случае имеем. Не указываем

потому, что не занимаемся конкретным изучением вопроса в лабораторной обстановке, не воспроизводим весь путь исследования хотя бы в голове. А ведь здесь ярко выступает диалектичность физиологических процессов в нервной системе. Здесь мы имеем и единство внутренних совместимых противоположностей, их борьбу и *переход* его в единство внешних взаимноисключающих противоположностей: в их борьбу, т. е. в механистическое единство несовместимых противоположностей и «снятие» этого единства, т. е. преодоление и сохранение («схоронение») в новом единстве внешних противоположностей, в котором единство внешних противоположностей снято, т. е. поставлено на свое место.

Сначала есть две стороны одного и того же процесса. Тут действует один и тот же процесс: в одном отношении он является раздражением, в другом отношении — торможением. Даже больше: если мы возьмем нервную систему в целом, то именно торможение это и есть раздражение только в обратном отношении. Сон есть тоже раздражение только тех «центров», которые во время бодрствования заторможены. Вот вам внутреннее единство противоположностей, которое должно перейти во внешнее, должно перейти в борьбу между доминантами и затем во взаимодействие—доминанты и субдоминанты. Учение, которое развивает Ухтомский о доминанте и о борьбе различных доминант, которые в себе представляют единство раздражения и торможения, это учение говорит о том, как человек, поставленный в положение буриданова осла при равенстве двух различных раздражений (так наз. Парфенова реакция) конечно не остается в таком состоянии, а переходит в акте поведения к отношению между доминантой и субдоминантой, которое единство внешних противоположностей, двух доминант, превращает во внутреннее отношение доминанты и субдоминанты, в котором одна из противоположностей становится началом. Для того, чтобы сделать методологию диалектического материализма плодотворной, при исследовании и экспериментировании нужно указать, *какое* имеется единство и *каких* противоположностей в каждой конкретной науке, определить и указать это точно и тогда можно сделать что-нибудь в области естествознания, в области физики, химии, физиологии и психологии. То, что у нас этого нет, показывают те бесконечные споры, которые ведутся.

У нас в о-ве «Войовничий матеріяліст-діялектик» выступал тов. Попов, который хотел показать, что психика адинамогенна. Попов занял механическую точку зрения. Когда мы берем дальше выступления товарищей по этому докладу — доклад д-ра Попова, содоклад проф. Протопопова, приближающегося к диалектической постановке, напечатанный в сборнике о-ва, то этот доклад шел по линии общефилософских вопросов о том, что такое психика, что такое материальный процесс, что такое материя в философском

понимании, в физическом понимании. Говорили о Плеханове, о Ленине, приводили массу цитат, но для того чтобы разобрать вопрос во всем конкретном состоянии, как он ставится корниловской школой и как он ставится рефлексологами школы Бехтерева и физиологами школы Павлова, у товарищей не было соответствующего материала. Вот на что нужно обратить внимание. И этот спор ни к каким результатам не привел. Я думаю, что у корниловской школы имеется своя область и корниловская школа занимается не тем, чем занимается павловская школа. Она занимается психологией. Павловская школа занимается изучением нервной деятельности. Если говорить о синтезе наук физиологии и психологии, тогда психология будет не наукой о поведении, но одним из элементов этой науки. Ни физиология, ни психология сами по себе не могут быть наукой о поведении. Такой наукой может быть диалектический синтез физиологии и психологии на базе социальных законов. Такой же тарарам наблюдается в области общебиологических вопросов, в частности, в области теорий эволюции по вопросу о передаче по наследству благоприобретенных признаков. И по этому вопросу была дискуссия. И здесь не было методологической конкретности. Ведь неоламаркисты ставят вопрос так, будто всякое влияние среды на организм есть передача по наследству благоприобретенных признаков, а сведение вопроса к вопросу о существовании соматической индукции есть сужение его. Опять-таки философы могут чем-нибудь помочь только тогда, когда, овладев всем материалом вопроса, ставши в курс всей современной работы в этой области, укажут биологам в том случае, если последние сами не стали философами, т. е. не поставили вопроса методологически верно, т. е. диалектически, укажут им, как надо применять закон единства противоположностей в каждом конкретном случае, укажут, если, повторяю, сами биологи не станут философами, что такое в каждом случае это единство — единство ли зародышевой плазмы и сомы, единство ли организма и среды, какое между ними взаимодействие надо формулировать как взаимодействие диалектическое, что является *ведущим* началом в этом единстве — организм или среда — и какое все это имеет отношение к теории эволюции. Только тогда биолог будет пользоваться диалектикой как орудием исследования. До того он будет знать диалектику вообще и она будет у него сама по себе, а исследование и методика — сами по себе. Мы знаем, что ламаркисты трактуют передачу по наследству приобретенных признаков, как определенную изменчивость ген под определенным воздействием среды, но влияние внешней среды на гены это не есть передача по наследству приобретенных признаков, это есть вообще изменчивость хромозом под влиянием среды, изменчивость, которая мо-

жет итти в различных, несколько ограниченных внутренними закономерностями, направлениях.

Тут нужно тоже указать, что такое единство противоположностей, и как оно проявляется.

Как всюду, так и тут только клясться единством противоположностей — нельзя. Поэтому и в этой области у нас нехватало — и это нужно признать, — нехватало соответствующего глубокого изучения естествознания, и изучения в такой форме, которая соответствует уровню естественных наук в данное время. Диалектическая логика должна развиваться как особая наука, как материалистическая логика, опирающаяся на теорию познания диалектического материализма, и разработка отдельных проблем этой науки должна включить в себя все достижения конкретного научного знания современной эпохи. Это — первая задача. Но диалектика, чтобы стать *действенной* в области эксперимента, должна стать диалектикой конкретной науки. Поэтому, на ряду с разработкой диалектики, как общей методологии *всех* наук, должна итти как вторая наша задача, работа *применения* всех категорий, всех проблем диалектики в отдельных науках. Только тогда будет итти развитие нашей методологии вперед, когда между этими двумя направлениями в нашей работе будет взаимодействие, не будет несоответствия и отрыва. Категории *материалистической* диалектики, т. е. диалектической логики, основанной на *теории познания* диалектического материализма должны впитывать в себя плоть и кровь конкретных наук — и тогда наступление диалектики на фронте естествознания будет победоносно. Без этого естествоиспытатели будут себя чувствовать беспомощными в области теории. Без этого будут впадать в ползучий эмпиризм или хвататься за модное идеалистическое течение, потому что проделать трудную работу материализации диалектической логики они сами, без помощи философов, диалектических материалистов, не смогут.

Н. НИКИТИН

В своем выступлении я хочу коснуться только одного вопроса — вопроса организационного. Этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение для такого совещания, как наше.

Уязвимое место Всесоюзной академии наук в том, что Академия наук никоим образом не является руководящим центром научно-исследовательской работы внутри нашего Союза. Задача Комакадемии заключается в том, чтобы стать таким центром воздействия на все научно-исследовательские организации внутри Союза, а затем выйти и за его пределы. Для осуществления этой задачи нужно избежать того положения, какое создалось ныне во Всесоюзной академии наук, и при котором она обросла целым рядом своих самостоятельных научно-исследовательских институтов, за-

нимающихся сами по себе, по своей собственной программе и не оказывающих никакого воздействия на всю научно-исследовательскую работу в целом. Если сейчас такой опасности непосредственно перед академией и не стоит, то надо все же видеть ее возможность с тем, чтобы ее предотвратить, т. к. и Комакадемия начинает обрастать рядом своих собственных научно-исследовательских организаций. Нужно при этом особо подчеркнуть важность воздействия со стороны Комакадемии на все те организации, которые уже существуют у нас в готовом виде. Повторяю, иметь продуманный план воздействия со стороны Комакадемии на все эти научные организации чрезвычайно важно.

О. Ю. Шмидт остановился здесь на задачах, которые стоят перед Комакадемией в области идеологического воздействия на все институты. К этому необходимо добавить, однако, что для осуществления этой руководящей роли Комакадемии в области всей работы нужно проведение ряда организационных мероприятий, закрепляющих это руководство.

Прежде же всего нужен учет наших коммунистических сил и план их подготовки. Всесоюзная академия наук, правда, очень плохо, но приступила к учету научных работников СССР. Там создана специальная комиссия, которая изучает все научно-исследовательские силы. У нас в этом отношении поставлено дело из рук вон плохо. На основании ленинградского опыта я могу сказать, что, когда мы посмотрели поближе, то увидели, что, в сущности, мы не знаем, какими кадрами располагаем, и когда начали подсчет, то оказалось, что на весь Ленинград из 400 человек аспирантов мы имеем всего 40 человек коммунистов. *(Голоса:* Это большая цифра. А сколько марксистов?). Нет, это цифра очень маленькая, и я с уверенностью заявляю, что, если бы мы своевременно обратили внимание, мы могли бы иметь больший процент коммунистов, т. к. у нас есть достаточные для того кадры. В Ленинграде по этому поводу было вынесено специальное постановление Областного комитета партии. Я уверен, что успехи в этом деле скажутся уже в наступающем году. Это — одна часть задачи: учет наших кадров, чтобы знать, с какими силами, с каким наличием марксистских сил мы работаем.

Вторая задача, не менее важная — выработка определенного плана, плана организации научной работы, плана хотя бы строительства этих самых научно-исследовательских организаций. Когда вплотную ставишь этот вопрос, видишь, что научно-исследовательские институты растут, интерес к научной работе поднимается. Но есть ли с нашей стороны какой-либо план научно-исследовательской работы? Его, товарищи, нет. И в этом отношении огромной важности задача стоит перед Коммунистической академией по выработке этого плана, ибо то, что сейчас происходит,

ни в коей мере не является удовлетворительным. Здесь я мог бы привести массу конкретных примеров опять-таки из опыта нашего Ленинграда, показывающих, что мы имеем буквально первобытную организацию всей этой работы. Если мы говорим о рационализации, о реорганизации нашей промышленности, то нужно и в отношении всей научно-исследовательской работы такой план, план реорганизации, план построения новых научно-исследовательских организаций безусловно выработать. Первое решающее слово принадлежит, конечно, Комакадемии, ибо никакая другая организация не может это дело провести так авторитетно, сочетая идеологическое воздействие с руководящими организационными указаниями в построении плана строительства и работы наших научно-исследовательских организаций.

Третья, чрезвычайно важная задача это — осуществление ряда организационных мероприятий в целях воздействия на все научно-исследовательские организации со стороны марксистов непосредственно на местах, хотя бы в главнейших научных центрах Союза. Выполнение этой задачи должно быть возложено на научно-исследовательские институты, работающие на местах. В отношении Ленинграда я имею в виду наш Научно-иследовательский институт, от лица которого доклад на конференции вам сделает т. Позерн, Комакадемия должна обратить на это дело особое внимание. Наш институт приступает и не без успеха к большой работе по марксистскому воспитанию аспирантов и наиболее близких к нам научных работников Ленинграда. Ленинград — мощный центр научной работы, пожалуй, не меньший, чем Москва. И при таких условиях развертывание работы научно-исследовательского института имеет колоссальное значение. Работа эта неразрывно связана с работой Коммунистической академии в области идеологического воздействия на научные кадры. И внимание Коммунистической академии к этому делу, развертывание его по всей советской периферии, сначала хотя бы в основных университетских центрах имеет колоссальнейшее значение. Авторитетная постановка Комакадемией этого вопроса перед ЦК партии устранила бы подчас то непонимание, ту недооценку всей важности этого дела, которую приходится, к сожалению, встречать на местах.

Вот, товарищи, основные, узловые вопросы нашей организационной политики в области научной работы, на которые Комакадемии нужно обратить значительно больше внимания, в значительно более плановом порядке, нежели это делалось до сих пор.

В заключение маленькое замечание по поводу выступления О. Ю. о павловцах.

Я принадлежу к аспирантам Института, где работает Павлов. Надо сказать, и О. Ю. об этом говорил, что товарищам, работающим в лаборатории Павлова, и его ученикам не так легко своими

силами противостоять Павлову. В этом отношении с О. Ю. можно согласиться. Но против всяких попыток распространительно толковать это положение я категорически возражаю.

С. СЕМКОВСКИЙ

Товарищи, Отто Юльевич Шмидт широко и удачно развернул перед нами в отношении точных и естественных наук конкретное развитие тех обще-философских положений, которые мы вчера приняли по докладу т. Деборина. Я бы только в одном пункте оговорил свое несогласие с постановкой вопроса, данной От. Юл. Это в том пункте, где он проводит параллель между нашим отношением к теории относительности, с одной стороны, и к психо-анализу — с другой. Такой параллели, мне кажется, проводить нельзя.

Когда мы говорим об отношении диалектического материализма к теории относительности, мы отбрасываем личные, имеющие биографическое значение взгляды и умонастроение Эйнштейна и его в известной мере путанные рассуждения на философские темы. Нас интересует прежде всего внутренняя логика этой теории относительности, мы говорим, что внутренняя логика этой теории идет в направлении диалектического материализма. Вот почему мы ее приемлем. Можем ли мы то же самое сказать о психо-анализе? Конечно, речь идет тут опять-таки не о персональных взглядах самого Фрейда, а о внутренней логике его системы. Эта внутренняя логика самой теории, метафизика libido и пр. не идет по линии диалектического материализма. Поэтому можно говорить только о том, чтобы использовать эту теорию в медицине и других эмпирических областях, где фрейдизм вскрывает интересные факты и где должно выноситься решение не об обще-методологической значимости теории, а о конкретной пригодности ее в данной области.

Я считал необходимым сделать эту оговорку, не имея возможности больше останавливаться на этом вопросе, так как я хочу перейти к первому, привлекающему, как вам понятно, особенное внимание, т.-е. к вопросу о взаимоотношении диалектического материализма и теории относительности.

Здесь товарищем Гессеном было брошено, на мой взгляд, меткое выражение: для характеристики прошлого положения в области марксистской дискуссии об этой теории он употребил термин — «свистопляска». Действительно, года 4 тому назад мне пришлось выступить с доказательством того, что теория относительности, означающая колоссальную революцию в нашем представлении о пространстве, времени и их связи с материей, — будучи *правильно материалистически* истолкована, является подтверждением диалектического материализма и не только не идет вразрез с ним, а как я показал, является блестящим подтверждением диалектического материализма и притом, как в области *материализма*, так и в области *диалектики*. Тогда, четыре года тому назад, надо прямо сказать, и историк спора это должен будет отметить, — я был совершенно одинок. На меня посыпались удары со всех сторон: и со стороны механистов и со стороны диалектиков. Это может быть объясняется тем обстоятельством, что в тот период не было еще такого размежевания с механическим материализмом, и авторитет т. Тимирязева, как физика, в известной мере индуцировал и тех, которые не стояли вовсе на точке зрения механического материализма. Перенеситесь мысленно на несколько лет назад и представьте себе тогдашнюю картину: т. Тимирязев развил мысль о том, — и это встречало общую поддержку, — что теория относительности в своем существе идеалистична, что она принципиально противоречит материализму и обязательно должна быть экспериментально опровергнута уже во имя спасения материализма, марксизма. Кроме моей работы не было ни одного цельного противоположного выступления в этом важном и глубоком вопросе. Т. Цейтлин, который стоит на точке зрения картезианского, механического материализма, который попросту отождествляет материю и пространство и желает вернуть нас назад к картезианской механике, занимал в этом вопросе позицию эклектическую и оппортунистическую, которую нельзя было толком понять — так что даже он сам не знал, принимает он или отвергает теорию относительности. Он был склонен признать что так называемый большой принцип относительности приемлем для материализма, а малый принцип относительности, который математически содержится в большом как его частный случай, должен быть опровергнут. Когда я впервые в марксистской литературе сделал попытки и малый принцип относительности истолковать материалистически, то материалистический характер такого «перспективного» истолкования должен был признать даже т. Тимирязев, который при этом однако заявил, что это означает не больше и не меньше, как то, что я теорию относительности будто бы выбрасываю за борт. Публика, мало разбиравшаяся в существе большого и сложного вопроса, требующего прежде всего овладения тонким физико-математическим аппаратом, стала попросту повторять разбитые мною в щепы аргументы т. Тимирязева и легион таких «супер-арбитров» стал в споре на его сторону. Дошло до того, что в сборнике «Воинствующий материалист», кажется, Ваганян писал, что вот, дескать, Семковский развил теорию, а когда наши физики взялись за эту теорию, — он имел в виду тов. Тимирязева — то оказалось, изволите ли видеть, что тов. Семковскому надо пройти повторительный гимназический курс физики. Прав тов. Гессен, — это

действительно была настоящая «свистопляска», в которой, к сожалению, принимали участие не одни только механисты. И вот теперь я имел удовлетворение услышать в официальном докладе на этой конференции признание моей правоты. О физической же стороне моей работы, над которой так измывались т. Тимирязев и «физик» Ваганян, высказался уже раньше весьма авторитетный физик О. Д. Хвольсон, который, конечно, в философской области не является материалистом, но в области физики является крупнейшим авторитетом; как на такового, на него ссылался в своем докладе и т. Деборин. И вот проф. Хвольсон напечатал обстоятельную рецензию в «Записках» Украинской академии наук. Я бы не хотел ее воспроизводить, потому что она, может быть, дает чересчур высокую оценку, но я вынужден это сделать, в виду тех нападок, которые в свое время на меня сыпались со всех сторон *.

Вот передо мной лежит рецензия, напечатанная в «Правде». Автор — т. Лепинь. Мне кажется, что он не механист. *(С места: Не механист)*. Рецензия относится к периоду еще недостаточной

* «Многолетний опыт научил меня скептически относиться к книгам, в которых неспециалисты по физике касаются вопросов, относящихся к этой науке. Такой скептицизм почти всегда оправдывается, и соответствующие книги особенно в тех случаях не выдерживают критики, когда речь идет о вопросах новых и в то же время сложных, правильное понимание и верная оценка которых требует обширных и глубоких знаний, между прочим, также и всей истории возникновения и развития этих вопросов... Велики были, поэтому, моя радость и мое удивление, когда уже первое, поверхностное ознакомление с замечательной книгой С. Ю. Семковского убедило меня, что все вышеизложенное к ней не относится. Я сразу мог убедиться, что автор правильно излагает самые сложные вопросы и, что особенно меня поразило, знаком со всеми работами самого последнего времени... (Впечатление было настолько сильное, что я на следующий же день, во время лекции, горячо рекомендовал книгу С. Ю. Семковского моим слушателям). Несколько позже я подробно изучил всю книгу, причем первое впечатление не только оказалось верным, но еще более усугубилось. Величайшее удивление вызывает огромная начитанность автора, его знакомство с многосторонней, теоретической, опытной и философской литературой по теории относительности и самыми последними работами по проверке предсказаний этой теории... Огромная эрудиция, замечательная начитанность, правильное понимание... Глава первая — Принцип относительности. Прекрасная статья... Глава пятая — Относительное и абсолютное движение — безукоризненна; она замечательно интересно написана. Глава IX—К спору об эфире. Это одна из наилучших глав книги... Возникновение спора, его перипетии и современное положение изложены образцово. Глава X—Экспериментальная проверка теории относительности. Все сказанное о главе IX относится и к этой главе. Она представляет образцовое по ясности и поразительное по полноте изложение... *(После ряда критических замечаний)*. Все приведенные замечания, очевидно, ничуть не умаляют прекрасных качеств книги проф. С. Ю. Семковского. Многие из этих замечаний относятся к разряду придирок и все указанные мелкие погрешности легко могут быть исправлены при новом издании этой книги, которой нельзя не пожелать заслуженного ею блестящего успеха».

«Записки I отделения Украинской Академии Наук». Книга IX 1926 г.).

размежеванности. Вы помните, тогда на весь, можно сказать, Союз прогремело ликование т. Тимирязева по поводу того, что, дескать, теория относительности окончательно опровергнута опытами Дейтон-Миллера, так это было возвещено и в «Под знаменем марксизма»,— в тот период. Мои статьи шли в дискуссионном порядке, а Тимирязеву предоставлялся ответ на них.

Можно сказать, разносчики вечерней газеты на улицах Москвы выкрикивали: «Опровержение теории относительности!!!» Рецензент т. Ионов писал в «Правде»: «Поздравляем т. Тимирязева с опровержением теории относительности». *(Смех. Голос: Может быть это иронически)*. Нет, отнюдь не иронически, а самым серьезным образом, с прямодушной наивной серьезностью. В «Правде» же упомянутый т. Лепинь пытался, прежде всего, перетолковать мои мысли. У меня говорилось, что теория относительности не противоречит диалектическому материализму. Это был основной вопрос. В первом же своем выступлении, уже в 1924 году, на соединенном заседании всех научно-исследовательских кафедр г. Харькова с участием физиков и математиков я сформулировал выводы так: «Задачу автор видел в попытке выяснить существо теории относительности, в свете *диалектического материализма*, одновременно подвергнуть критике попытки использования этой теории в духе различных оттенков *идеализма и релятивизма*». Кажется ясно? И вот люди, которые не могли даже касаться существа вопроса из-за непонимания его, стали писать, что здесь идет речь о том, что теорией относительности Семковский якобы хочет «обосновать» диалектический материализм, как будто бы с моей точки зренеия диалектической материализм, обоснованный всем опытом развития философии и науки, нуждается еще в обосновании. И вот в «Правде» (23 мая 1926 г.) т. Лепинь пишет: «в области экспериментальной проверки (или опровержения) этой теории работа не может считаться оконченной (опыты Дейтон-Миллера на *данной* стадии не наносят еще решительного удара теории относительности)». Я в своей книге, о которой писал там Лепинь, ввел уже главу «Экспериментальная проверка теории относительности», где побил т. Тимирязева в его же собственной физической области и т. Лепинь увидел, что дело не так просто. «Кроме того, пишет он далее, надо сказать, что в нашей марксистской литературе недостаточно еще обсуждались методологические основы этой теории. Работа в этой области весьма необходима. Нужно показать, что — дальше идет жирным шрифтом — *всякая попытка обоснования диалектического материализма теорией относительности необходимо приводит к ревизионизму*».

С большим удовлетворением можно констатировать, что вся эта «свистопляска» теперь уже в прошлом. Хотя, признаюсь, тогда положение было довольно неприятное — быть в одиночке и полу-

чать со всех сторон удары. В значительной мере это вызывало и ответные удары с моей стороны, ибо, товарищи, конечно, я как марксист — не вегетарианец и не толстовец — и на полемику отвечаю полемикой. Вообще, традиция марксизма — боевая полемика. Да, я достаточно резко ответил на вздорные нападки тех товарищей, которые не взяв себе труда, а частью и не имея возможности, с достаточной серьезностью отнестись к такому большому и сложному вопросу, как теория относительности, нападали в порядке лихого наездничества. Конечно, такого рода наездничеству пришлось дать чувствительный отпор. Если бы мне пришлось сейчас переиздать книгу, я вряд ли счел бы необходимым сохранить все полемические места, ибо теперь, когда позиция признана, можно полемистам вовсе не отвечать. Но в тот период носилось в атмосфере, будто марксизм обязательно требует опровержения теории относительности. Сейчас положение, как и констатировал т. Шмидт, резко и коренным образом изменилось. Это, бесспорно, плодотворное развитие, ибо диалектический материализм не может поворачиваться спиною к развитию науки. Мы не были бы марксистами, материалистами-диалектиками, если бы попросту повернулись спиною ко всему развитию естествознания и объявили все, что не согласуется с упрощенными механическими представлениями,— я здесь имею в виду т. Тимирязева — просто «махизмом». По поводу этого жупела, пущенного им и другими против меня, я писал тогда: «что такое «махизм» — он толком не знает: он употребляет его просто в том же универсальном смысле, в каком в детском жаргоне употребляется слово «бяка», т.-е. вообще, как что-то плохое. *(Аплодисменты.)*

В главе о теории относительности и махизме я указал, что надо различать три вопроса: 1) о *личных* философских симпатиях Эйнштейна, которые нередко действительно идут по линии махизма, 2) об *историческом* влиянии, оказанном «Механикой» Маха и 3) о взаимозависимости *по существу* между теорией относительности и философией махизма (эмпириокритицизма). Третий вопрос — это вопрос о логическом внутреннем содержании теории относительности — куда ведет ее внутренняя логика? И тут мне пришлось показать, что при правильном истолковании эта теория в основе не только материалистична, но и диалектична. В частности, я взял учение Гегеля о пространстве и времени и показал, что мы находим у него «гениальные по глубине и смелости диалектических выводов мысли», «философское предвосхищение революционных идей современной нам науки». Я указал здесь на «силу диалектической прозорливости, которая позволяла Гегелю нередко предвосхищать то, что лишь значительно позже могло получить свое твердое научное обоснование» «см. гл. VIII моей работы).

Я тут в этой связи хочу сказать еще об одном моменте. Вчера, после того, как я выступал, некоторые товарищи сочли нужным указать на то, что они приветствуют мое это выступление — т. Баммель охарактеризовал его как «блестящее» — но что у меня были раньше другие взгляды. Верно, я сделал определенный шаг дальше. Но то, что я говорил вчера против механического материализма, я высказывал на протяжении этого времени неоднократно и печатно и устно, и против механистического материализма, и о соотношении партии и класса, как характеризующем отношение философии и науки и пр. Об этом я писал, и это было напечатано, но это не помешало некоторым говорить, что я будто бы отрицаю философию. Это перетолковывание. Так было перетолковыванием и то, что будто бы я «растворяю» диалектический материализм в теории относительности, что я «обосновываю» диалектический материализм теорией относительности. Ничего подобного. Я лишь доказывал, подводя итог, что «Диалектика природы» Энгельса является той методической основой, на которой теория относительности получает свое надлежащее освещение, служа блестящим подтверждением философии диалектического материализма. Я констатировал тогда, что теория относительности в основе своей диалектична и материалистична. И я могу теперь с удовлетворением констатировать, что сейчас правильность этой моей позиции, за которую мне пришлось не мало бороться, общепризнана в среде материалистов-диалектиков.

Е. СМИРНОВ

Товарищи, среди разногласий, которые имеются сейчас в области биологии, пожалуй, одно из самых важных касается вопроса о том, каким образом внешние условия, или среда, в широком смысле этого слова, связаны с возникновением наследственных изменений. По этому вопросу существует два прямо противоположных мнения. Одна группа биологов, так называемые автогенетики, считает, что наследственные изменения возникают независимо от влияния внешней среды. Такая позиция господствовала в официальном учении о наследственности до самого последнего времени. Резкий поворот в сторону признания важнейшей роли внешней среды в возникновении наследственных изменений последовал только после знаменитого открытия Меллера, доказавшего, что с помощью X-лучей мы можем получить те же самые уже известные мутации, причины возникновения которых были ранее неизвестны. Нужно, однако, сказать, что автогенетическая точка зрения в биологии не изгладилась целиком не только на Западе, но, к сожалению, также и у нас.

Для того, чтобы характеризовать первый период, о котором я говорил, я могу процитировать мнение некоторых наших генетиков, притом автогенетиков. Здесь мы имеем определенное признание правильности упомянутой позиции:

«Но, так как я лично думаю, что в эволюции играют роль различные мутационные явления, то я являюсь автогенетиком именно в том проценте, в каком проценте трансгенации играют роль в эволюции» [1]. Здесь для нас важно признание автором себя автогенетиком, хотя бы частичным. (*Голос:* Кто это пишет?). Серебровский. В последнее время, я думаю, автор значительно изменил свою позицию в сторону признания значения внешней среды. Но важно сопоставить с этим еще и следующее его мнение. Оказывается, что даже в том случае, когда мы обнаруживаем в лабораторных условиях, что внешняя среда вызывает наследственные изменения, оказывается, этого недостаточно для того, чтобы признать важную роль внешних условий в природной обстановке. «Если мы научимся воздействовать на гены и вызывать трансгенацию, в чем я не сомневаюсь, то это не будет служить доказательством того, что в природе трансгенация происходит от внешнего воздействия. Таким образом, мы откажемся от нашей автогенетической позиции по отношению к трансгенациям только тогда, когда будет доказано, что в природе эти трансгенации происходят под влиянием внешних условий». (Цитирую оттуда же, с. 230.) Сейчас опытами Меллера доказано, что не только Х-лучи способны вызывать разные наследственные изменения, но также и другие воздействия, более приближающиеся к нормально имеющим место в природе, например, температура дает такой же эффект. (*Голос:* Кем доказано? Меллером?) Да, в опытах Меллера это — факт. (*Смех.*) Я думаю, что влияние температуры в *природе* едва ли можно отрицать! Все живые существа подвергаются различным температурным воздействиям и нужно только известное напряжение внешних факторов, чтобы привести к образованию настоящих наследственных изменений. (*Левин М.* — Адэкватность есть?). С другой стороны, мы имеем течение, которое принято называть эктогенезом. Сторонники этой точки зрения находят, что наследственные изменения возникают под влиянием внешней среды. Они отказываются от таинственных *внутренних* причин, которые, будто бы, могут вызывать изменения. (*Голоса:* Кто они? Почему — таинственных?). И находят, что это имеет значение не только в эксперименте, но и в процессе образования видов в природе.

Возникают разногласия и по другому поводу. Дело в том, что к спору об авто-и эктогенезе прибавился еще второй спор, который касается соотношения двух отделов тела — именно половых клеток и остального тела, так наз. сомы. Сторонники официальной генетики находят, что половые клетки независимы от сомы в том смысле, что телесные изменения не могут вызывать наследственных изменений в половых клетках. Я думаю, что слабость этой позиции в материалистическом отношении совершенно очевидна. Как мы можем допустить, что в пределах единого организма, который представляет целостную систему, существует как бы два отдельных государства — половые клетки и остальные части тела, причем половые клетки не подвергаются телесному воздействию. Если признать, что внешние условия в широком смысле слова влияют на половые клетки, то как же можно отрицать такого рода влияние со стороны более близких соматических телесных элементов, составляющих физиологическую среду по отношению к половым клеткам. (*Левин:* Никто не отрицает, мы говорим о длительной модификации). Позвольте иллюстрировать, каким образом это положение характеризуют представители генетики. (*С места:* Все без исключения?). Нет, по счастью не все — это я должен подчеркнуть, это чрезвычайно важно. Итак, речь идет об обособленности половых клеток от сомы.

«Прежде всего, в какой же степени это уединение имеет место, насколько гены доступны или не доступны внешнему воздействию? Совершенно очевидно, что любое сильное воздействие внешней среды, сильное нагревание, сжигание, отравление и т. д. немедленно разрушают все эти гены, и таким образом о полной изоляции генов от остального мира говорить невозможно» [1].

Думаю, что «диалектичность» этого рассуждения слишком бросается в глаза . Далее оттуда же: «Не так теория Моргана и Менделя ставит вопрос о постоянстве, независимости гена от внешних условий внешнего мира. Очевидно, когда здесь идет речь о неизменности, имеются в виду, прежде всего, известные, очень узкие рамки внешних условий, в которых невозможна жизнь. Во всех тех условиях, когда жизнь невозможна, оказывается невозможным и существование генов, и если организм переводят в эти условия, — гены разрушаются и, таким образом, вполне подвергаются изменению». Очень «ценный» вывод, который я позволю себе подчеркнуть! (*С места.* Кто это пишет? Автор?) — Прочтите, пожалуйста, вот статья. (*С места:* Серебровский). Это не существенно — кто. *Левин:* (Что мы конспирацией занимаемся здесь?) Тов. Серебровский. Таким образом, я хотел показать, как развивалась борьба между автогенетиками и эктогенетиками. — Эктогенетиками у нас обычно называли ламаркистов. — Мы считали нужным бороться прежде всего против автогенеза, против учения, которое

[1] «Вестник Комм. академии», кн. 19, с. 229.

[1] «Под знаменем марксизма», № 3, 1926 г. с. 104.

сильно представлено и сейчас на Западе в биологии в официальном учении о наследственности, а также в номогенезе Берга. Центр тяжести наших усилий мы направили на борьбу с такого рода утверждениями, с автогенезом, который не является витализмом в собственном смысле слова, но, по моему твердому убеждению, является станцией на пути к витализму. (*Голос:* Правильно). Затем далее, в процессе работы, в процессе наших споров возникли и другие вопросы. Именно, наши противники — автогенетики и некоторые другие тт. заявили, что мы, признавая так наз. «адэкватную наследственность», тем самым уклоняемся от строгой в материалистическом смысле позиции. Я не могу, конечно, вдаваться в разные биологические подробности и утомлять этим товарищей, а поясню вопрос только в общих чертах. Спрашивается, если известное внешнее воздействие вызывает какого-либо рода специфические изменения в организме, то почему же потомки обнаруживают те же самые приобретенные свойства? Как это объяснить? Некоторым тт. казалось, что такого рода процессы являются таинственными и что, во всяком случае, мы здесь должны прибегнуть к объяснениям какого-то особого порядка. Я должен по этому поводу со всей определенностью и решительностью заявить, что такого общего утверждения о монополии адэкватной наследственности нигде и никем из нас не было сделано. Ведь для меня не секрет, и наша группа это знает не хуже, чем другие, что внешние воздействия, которые вызывают наследственные изменения, вовсе не должны иметь адэкватные последствия. Имеется очень много материалов, в частности Меллера, которые показывают, что адэкватное наследование не обязательно. Но бывает и адэкватность — мы не можем отказываться от фактов! (*С места:* Каких фактов?) Я имею в виду хотя бы длительные модификации. (*С места:* Это не к делу). Это к делу. Позвольте мне говорить, мне сейчас принадлежит слово. В тех случаях, когда имеет место адэкватная наследственность, мы можем обосновать путь наследования совершенно материалистически. Если это явление на первый взгляд непонятно, то ведь это еще очень далеко от мистики,— а нас обвиняли в мистике! (*С места:* И совершенно верно обвиняли). Я не буду здесь разбирать биологические теории и прошу обратиться к моим статьям.

Вот, товарищи, какого рода вопросы стояли перед ламаркистами. Мы на них отвечали со всей решительностью, выступали и в печати и на всевозможных собраниях и дискуссиях. Последняя дискуссия имела место в Академии коммунистического воспитания, куда, к сожалению, не явились наши главные противники, в частности, т. М. Левин, которого мы с большим нетерпением ждали. Я упоминаю об этом факте потому, что т. Левин, выступая на прениях по докладу т. Деборина, поставил мне на вид, что я слишком редко выступаю и бываю на съездах.

Е. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Товарищи, я думал ограничиться преимущественно вопросами, характеризующими положение дела у нас на Украине. Но выступление предыдущего оратора, т. Смирнова, заставляет меня коснуться и вопросов более общего характера, вопросов, в значительной степени уже дискуссировавшихся здесь в связи с докладом т. Деборина.

Товарищи помнят, что вчера почти все механисты, или, чтобы они не обижались, я лучше скажу те, кого мы называем механистами, выступали с указаниями на то, что все генетики, (т.-е. и диалектическая группа биологов) обрушиваются на революционное течение, возглавлявшееся покойным Каммерером, так как все они отрицают влияние внешней среды на возникновение наследственных признаков. Только-что перед нами выступал представитель «революционного и глубоко диалектического» ламаркистского учения, заявивший, что он счастлив видя, что опыты Меллера убедили нашу группу в том, что окружающая среда имеет некоторое влияние на наследственные изменения. Если бы выступавший передо мною читал даже не марксистов-генетиков, а таких авторов, как Иоганнсен, который стоял когда-то тоже на ламаркистской точке зрения и который на основаниях фактов от этой ламаркистской точки зрения, так же как и Гольдшмит, вынужден был отказаться, то он бы узнал, что даже Иоганнсен указывает, правда очень осторожно, на то, что окружающая среда *может* вызывать наследственные изменения.

Что же касается группы марксистов-биологов, то среди нее не было, конечно, ни одного человека, который бы рассматривал (как это хотят приписывать нам механисты и ламаркисты) наследственную плазму, как некоторую систему, совершенно изолированную от окружающей среды. Но в то же время мы категорически отрицаем *изначальную целесообразность* устройства идиоплазмы, благодаря которой приспособительные изменения организма *адэкватно* передаются потомству. Если, в качестве доказательства нашей точки зрения, приводятся слова очень авторитетного товарища, который все более и более приближается к диалектическим материалистам, то такого рода аргументация, по-моему, не является в достаточной степени серьезной.

Теперь я не могу не вспомнить о том, о чем я вчера хотел сказать и не мог, за закрытием списка ораторов, относительно спекуляции именем черносотенца Ленца, к которой вчера здесь прибегали механисты. Нам указывали, что Ленц, выступая против Каммерера, олицетворял *всю* анти-марксистскую биологию на Западе, что будто бы Каммерер и его сторонники являются единымн

монопольными представителями левого течения в биологии, что среди сторонников наследственной передачи благоприобретенных признаков будто бы не имеется контрреволюционеров, выражаясь языком политическим.

Я, товарищи, упомяну только одного не безызвестного присутствующим здесь биологам, а может быть и не биологам, автора, одного из реакционнейших германских ученых — Оскара Гертвига. Оскар Гертвиг, как вам известно, рассматривает борьбу против дарвинизма не только, как борьбу касающуюся частного вопроса естествознания, но, по его же словам, эта борьба идеализма против материализма носит общеполитический характер. В своей книжке „Zur Abwehr des politischen, ethischen und sozialen Darwinismus“ Оскар Гертвиг приводит более точные основы, по которым ему, именно из политических соображений, столь необходимо бороться против дарвинизма и за наследственную передачу благоприобретенных признаков. Он пишет следующее:

«Мы должны настаивать на наследственной передаче благоприобретенных признаков для того, чтобы показать, что привилегированное положение в обществе не зависит от передачи по наследству капиталов и прочих социальных привилегий, а зависит от передачи по наследству влияния упорядочения трудолюбия», и еще чего-то, я — точно не помню.

И этим аргументом, тут я уже точно привожу, мы должны бить Маркса, Энгельса и унд геносен. Вот, товарищи, аргументация из антидарвинистского лагеря, показывающая, что ни нам, ни ламаркистам ссылаться на политические убеждения западноевропейских биологов не приходится.

Мне кажется, что гораздо более полезным делом, вместо того, чтобы нападать на генетиков в области биологии, была бы борьба против механистического перенесения законов биологии в человеческое общество.

Это механистическое перенесение делают ламаркисты (*Голос с места;* Правильно) во главе с Оскаром Гервигом и нашими «революционными» биологами. Но с другой стороны, на территории нашего Союза и вне его это же механистическое перенесение делается и рядом дарвинистов (*Левин:* Правильно). И мы, дарвинисты-марксисты, били, бьем и будем бить этих извратителей науки, исходящих из положения, высказанного когда-то Боссе и приветствовавшегося механистами, согласно которому законы эволюции человеческого общества мы можем объяснять с физико-химико-биологической точки зрения.

Товарищи, откройте издаваемый в Москве под маркой Главнауки РСФСР «Русский евгенический журнал», 6-й его том за 1928 г. Вы там найдете чрезвычайно любопытные вещи. Вы

узнаете, например, что с точки зрения сведения законов социологии к биологии (т. Покровский здесь, ему, может быть, это будет небезинтересно) восстание декабристов объясняется вовсе не социальными условиями, а особой генотипической одаренностью российского дворянства! Отсюда делается вывод, что нам сейчас следует тщательно сохранять эти наследственные зачатки дворянства, создавшего будто бы русскому культуру и революционные традиции, носителями которой были родственники декабристов вплоть до октября 1917 года, когда (увы!) пролетариат решил обойтись без них.

Вот, товарищи, где находятся враги — в среде биологов-механистов (в том числе и в среде дарвинистов). И если бы тт. Тимирязев, Перов, Сарабьянов и другие вместе с нами боролись против этой контрреволюции внутри биологов, они принесли бы гораздо больше пользы и не отнимали бы у нас времени, которое приходится тратить на них самих.

За отсутствием времени я больше не буду останавливаться на общих вопросах. Перейду к небезынтересному, вероятно, для собравшихся здесь вопросу о положении естествознания и философии у нас на Украине. Это положение в общем, конечно, будет в значительной степени сходно с тем, в каковом оно находится в РСФСР, но в то же время оно, вероятно, обладает и некоторыми специфическими свойствами. Начну с основных кадров научных работников. Их можно разделить на три группы, вернее на три с половиной группы. Первая группа — это более или менее активные анти-материалисты, анти-диалектики, анти-марксисты. Я думаю, что эта группа составляет довольно значительное большинство. Однако, мне кажется, что из всех трех групп эта группа является самой приемлемой (*Голос с места:* Для кого?). Для нас, ибо она выступает с более или менее открытым забралом, и мы знаем, с кем имеем дело. Хуже обстоит дело с той группой, которая открыто не высказывается, но которая в учреждениях менее открытого характера занимает позицию или одинаково враждебную и марксизму и идеализму или, что гораздо более вероятно, враждебную к марксизму и благожелательно-нейтральную к идеализму. Мне пришлось недавно присутствовать в Харькове на заседании президиума одного общества, преследующего научно-популярные цели, во главе которого стоит зампред Окрисполкома, конечно, на заседании не присутствововавший. На этом заседании дискутировали вопрос: что если поднимется спор между религией и марксизмом, то какую нам — маститым ученым — занять позицию? И было решено, что так как и религия и марксизм являются двумя разновидностями веры, то всякий порядочный ученый должен от этого спора уклониться. (Очевидно, от общественного выступления, а не от выступления в условиях более интимных). И, наконец, третья группа, по моему

наиболее опасная, это так называемые «марксисты». В настоящее время у нас — я думаю, вы имеете такую картину и здесь,— развилась этакая группа, которая, обладая почтенным возрастом, имеет в достаточной степени махровый черносотенный стаж. В настоящее время обнаружилось, что многие представители этой группы стали «ортодоксальными марксистами». Эти «ортодоксальные марксисты» не только клянутся своим «марксизмом» (чорт с ними — пускай бы этим занимались), но гораздо важнее, они с кафедры, в работе среди аспирантов, прикрываясь «диалектической» фразеологией, извращают марксизм, дискредитируют его перед молодежью и учат ее не диалектике, а уменью эту диалектику обойти. И, наконец, половинка (я сказал три с половиной группы). Это довольно немногочисленная группа. В ее среде особенно мало старых научных работников, несколько больше середняков и, к сожалению, довольно мало молодняка. Это те, которые не за гонорар, не для того, чтобы прикрыть свои старые грехи, а на основании внутреннего убеждения делаются марксистами. К сожалению эта группа еще недостаточно организована и почти не встречает организованной поддержки. Конечно, все это сказывается на влиянии на аспирантуру. Об аспирантуре у меня нет времени говорить. Я ограничусь только вопросом о том, кого мы даем в аспирантуру. Тут мы имеем два минуса. Один из них — в существующем у многих коммунистов предубеждении против Института народного образования, в результате которого итти в этот Институт, из которого мы можем черпать кадры аспирантов теоретиков, представляется порядочному коммунисту прямо неприличным. Приличными учреждениями являются Технологический институт и Институт народного хозяйства. В Институт народного образования, который дает математиков, химиков, физиков, биологов, туда мы можем заманить коммуниста с большим трудом. Но даже, если он туда и попадет, или если просто рабочий или крестьянин попадут в этот Институт, то что они там получают? Во-первых, урезанную до последней возможности программу по специальным предметам, прохождение которой не может рассматриваться достаточной для подготовки аспирантов. Во-вторых, они получают политику, о которой можно сказать совершенно открыто, что она фактически в значительной степени заменяет богословие в старых университетах, ибо она отчитывается, отзубривается, до мозга не доходит. Избавившись от этого богословия они двигаются дальше. Философии, истории наук, истории философии — ничего этого они не получают, а если получают, то совершенно в ничтожном объеме. Часто бывает, конечно, не в Харькове и не в Киеве, а в провинциальных вузах, что и этот жалкий минимум они получают в достаточно изуродованном виде.

Это — теневые стороны нашей работы. Позвольте все-таки указать на то положительное, что делается и сделано. Прежде всего, за последние два года нам удалось наконец добиться создания организации, которая бы объединяла, с одной стороны диалектиков-философов, с другой — естественников, более или менее последовательных диалектических материалистов. Такой организацией является Общество воинствующих материалистов, о котором здесь уже упоминали некоторые товарищи. Работа в обществе ведется достаточно активная. Она материализировалась напр. в издании играющего историческую роль у нас на Украине 1-го сборника «Войновничий матеріаліст», где мы объединили с одной стороны работы в области философии, а с другой — работы в области теоретического естествознания, написанные в духе диалектического материализма.

В связи с этим обществом работают другие общества, не ставящие себе задачей вовлечение в работу только диалектических материалистов-естественников, но вовлекающие и стихийных материалистов и толкающие их на пути диалектического материализма. На первом месте тут стоит Общество врачей-материалистов, которое, особенно в Харькове, развернуло широкую работу и влияние которого сказывается в достаточной степени сильно и в Медицинском институте.

Наконец, я не могу не упомянуть о той «нелегальной организации», к которой принадлежу и я, и которая называется кафедрой биологии Коммунистического университета имени товарища Артема. Нелегальность ее заключается в том, что кафедра биологии представляет собой организацию учебного характера, и никаких иных задач кроме учебных она ставить себе по существующим положениям не должна; но мы совершаем нелегальщину в течение уже многих лет и на ряду с педагогической деятельностью ставим вопросы теоретические, вопросы экспериментальные. Влияние тех трех биологов-марксистов, которые объединены вокруг нее, сказывается, как нам кажется, с одной стороны, на работе Общества воинствующих материалистов, с другой — на работе смежных кафедр. Но, конечно, товарищи, рассматривать нелегальное существование таких учреждений как плюс ни в коем случае нельзя, и перед нами стоит вопрос о том, чтобы такие нелегальные организации как-нибудь легализировать.

Следует к числу наших последних достижений отнести также и то, что те споры, которые велись между группами марксистов у нас на Украине по поводу некоторых довольно основных вопросов, как, например, по вопросу о случайности, в настоящее время изживаются. Поэтому я всецело присоединяюсь к тому, что в этом отношении говорил т. Гоникман.

Далее, о тех требованиях, которые, по-моему, должны быть поставлены на Украине. Это, во-первых, развитие и более организованная поддержка нашего общества и тех обществ, которые вокруг

него организуются. Во-первых, реформа преподавания в тех вузах, которые являются монополистами в деле изготовления аспирантуры по теоретическим предметам, и ликвидации пренебрежительного отношения к теории, теоретической науке, выразившегося например в том, что в объяснительной записке к пятилетнему плану развертывания научно-исследовательских учреждений на Украине ни слова не сказано о значении теоретической работы в области естествознания. Мы конечно отдаем должное хозяйственному значению научно-исследовательской работы, но выкинуть совершенно за борт теоретическую работу только потому, что она не приносит нам сегодня непосредственной хозяйственной выгоды, мне кажется является неправильным.

Наконец, последнее. Нам надо на Украине, вероятнее всего при Украинском институте марксизма, на основе того, что уже имеется в Коммунистическом университете имени т. Артема, создать учреждение, уже не общество, а научно-исследовательское учреждение, где мы могли бы сконцентрировать хотя бы часть наших немногочисленных кадров естественников и поставить их в такие условия, в которых они могли вы вести серьезную научную работу, воспитывать аспирантов-коммунистов и каждым своим движением вперед,— а это мы чувствуем,— влиять на огромные кадры молодых научных работников, которые у нас на Украине есть и которые действительно являются пока что на 90% беспризорными (*Голоса:* Правильно). (*Аплодисменты*).

А. ЗАЛМАНЗОН

Товарищи, в докладе т. Шмидта был один пропуск: перечисляя направления в области психологии, он не упомянул о том направлении, которое официально выражает точку зрения диалектического материализма. Эта школа носит название корниловской школы. Тов. Шмидт ни одного слова не сказал ни за, ни против этого направления, между тем целый ряд статей, которые печатались в «Под знаменем марксизма» и в «Вестнике К. А.» печатались не в дискуссионном порядке, а официально. Среди этих статей я хотел бы обратить ваше внимание на статьи т. Франкфурта, которые, повторяю, шли без всяких примечаний от редакции. Об этом я буду говорить потом.

Сначала остановлюсь на вопросе о фрейдизме и психоанализе. Здесь есть основное разногласие между тем, что говорит т. Деборин, и тем, что говорил т. Шмидт. Я полагаю, что это разногласие не случайно. Между прочим, это напоминает несколько историю с теорией относительности, с которой сравнивал фрейдизм т. Шмидт. В чем же здесь дело? Тов. Деборин вчера в своем до-

кладе говорил о целом ряде побед; в числе побед была победа, одержанная над фрейдизмом. Я считаю, что это положение неправильно потому, что те несколько тощих страниц, которые были у нас, никак нельзя противопоставить психоаналитическому движению, имеющему огромные корни и распространение в Европе. Поэтому говорить о победе над фрейдизмом и радоваться этой победе, мне кажется, чересчур оптимистично со стороны т. Деборина. Я думаю, что заранее радоваться победе над фрейдизмом не следовало бы. Тов. Деборин в этом вопросе не прав.

Что касается т. Шмидта, то я считаю, что здесь надо прежде ясно и определенно сказать, что с фрейдизмом нам все же не по дороге, фрейдизм нам неприемлем. Это надо сказать совершенно определенно и не сравнивать фрейдизм с учением Павлова. Ни в коем случае не сравнивать, ибо идеология фрейдизма для нас неприемлема. Надо сказать, что психоанализ таит в себе целый ряд эмпирически интересных сторон, которые марксизм должен переварить, которые марксизм должен использовать. Эта задача стоит перед нами, мы к этой задаче еще не подошли. Рано еще торжествовать победу, т. Деборин. Ведь именно в отношении фрейдизма и сказалось неправильное отношение философов к целому ряду серьезных проблем. В чем тут, товарищи, дело? Дело в том, что недостаточно только сказать, что идеологически неправильна та или другая теория. Надобно доказать, надо связать идеологию и методологию с фактами. Я отделяю все-таки идеологию от методологии. Надо связать идеологию и методологию с тем фактическим материалом, который имеется в фрейдизме, и доказать, что целый ряд неприемлемых идеологических и методологических сторон связан с недостатками эмпирическими. А это, повторяю, серьезная задача. Надо сказать, что к разрешению этой задачи мы не подошли не только в области фрейдизма, но и в очень многих других областях. Надо так поставить вопрос: прежде чем критиковать, надо критику метода увязать с критикой эмпирики. Эта задача стоит перед нами. Что касается теории относительности, то здесь я немного знаю, но все-таки я бы сказал, что если с меркой, с которой я подошел к фрейдизму, подойти к теории относительности, то можно притти к выводу, что не все были правы, кто говорил о победе теории относительности. Я не буду вдаваться в подробности. Но я предлагаю подойти с этой меркой к теории относительности и вы увидите, что я прав.

Теперь я перехожу к области рефлексологии.

Здесь небходимо, товарищи, самым строгим и резким образом отделить рефлексологию Бехтерева от условных рефлексов Павлова, отделить самым резким образом, ибо рефлексология Бехтерева для нас неприемлема, ибо это есть система, о которой можно сказать,—

вот механистический материализм без кавычек. Это и есть действительно механистический материализм. Когда считают, что павловская теория есть тоже какая-то система, это неверно: учение Павлова не представляет собою системы, хотя надо прямо определенно сказать, что учение Павлова использовывается павловцами в целях идеализма и толкуется механистически. Не представляя собою системы, учение Павлова вместе с тем имеет колоссальное значение. Почему? Потому, что у нас нет никакой другой физиологии высшей нервной деятельности, кроме учения Павлова. А с точки зрения методологии марксизма эта область имеет чрезвычайное значение. Нужно сказать, кроме того, что Павлов в своей теории безусловно стихийно диалектичен. Он не марксист, никогда не был марксистом и не занимался марксизмом, но нужно сказать, что его теория стихийно диалектична и безусловно материалистична.

Товарищи, я не буду здесь говорить о задачах нашего Института высшей нервной деятельности, потому что по этому поводу будет еще говорить директор Института. Я хочу вернуться к вопросу так называемой марксистской психологии. Дело исторически шло таким образом, что у нас создался психологический институт, на основе критики Челпанова и идеалистической субъективной психологии. На основе этой критики и вырос психологический институт.

В дальнейшем этапе своего развития институт решил отделиться, отгородиться от рефлексологии. Это было правильно. Он решил отгородиться от рефлексологии Бехтерева, от всякого рода применения рефлексологии. Но беда заключалась в том, что на этой самой критике рефлексологии обнаружились такие ошибки, которые привели к идеализму. Рефлексологию вообще нужно было критиковать, нужно было критиковать неправильное применение рефлексологии в педологии, но сама критика обнаружила идеалистический уклон и все недостатки, которых не мало в школе Деборина.

Я все-таки хочу отметить одно обстоятельство. Вчера говорили очень много о том что нужно отгородиться от тех механистов, которые спекулируют диалектикой. А я спрашиваю т. Деборина, почему он не отгородился от тех, которые не называют себя механистами, но которые спекулируют диалектикой, а таких не мало. И я убежден в том, что об этом знает и сам т. Деборин. Я говорю, что нужно было отгородиться вообще от всех, кто спекулирует диалектикой. В таких случаях нужно сделать определенное примечание, указать, каков должен быть правильный путь и т. д.

Основной, как я указывал, идеалистический уклон, который был в этой школе (в виду того, что я кончаю, я не могу подробно мотивировать), основывался на идеалистической теории тождества. Не психо-физическое единство было основной предпосылкой этой критики, а психо-физическое тождество. Это ведет начало от идеалистической теории тождества.

Я хочу отметить один момент и спросить т. Деборина, можно ли смешивать сведение с тождеством. Я знаю, что Плеханов определенно всегда писал, что тождество свойственно только идеалистам; даже вульгарных материалистов нельзя в этом упрекнуть. И вот, товарищи, я еще раз утверждаю, что основной предпосылкой этих ошибок была идеалистическая теория тождества. Я вам приведу следующую цитату из статьи т. Франкфурта.

«Поскольку субъективное не занимает места, оно не протяженно, но поскольку оно совершается в пространстве, «оно пространственно». Совершающееся в пространстве не занимает места в пространстве — это замечательное применение диалектики.

Наконец еще один пример: синтез в области психо-физической теории. Существуют две психо-физические теории: параллелизма и причинности; Корнилову необходимо было создать синтез между этими теориями. И вот, в результате такого синтеза у Корнилова получилась функциональная связь между физическим и психическим. Нужно спросить т. Деборина,— есть ли это диалектическое разрешение вопроса. А ведь это проводится от вашего имени. Почему нет примечаний, почему вы не отгородились от этого, т. Деборин?

Ведь т. Деборину очень легко отгородиться от механистов. Почему он не отгородился от той диалектики, которая оперирует такими синтезами? Я не даром говорил об этом. Я должен здесь сказать, что это не случайно. У деборинцев есть одна ошибка: они не обратили внимание на эту сторону, они не обратили внимания, что идею тождества нужно разъяснить, что нужно рассказать, что это есть нечто особенное, что это отличается от сведения.

В заключение я приведу следующую цитату. Дело в том, что т. Деборин ловил в противоречиях Плеханова так же, как Степанов—Энгельса. Это противоречие заключается вот в чем: Плеханов писал: «По этому поводу можно заметить пожалуй, что и химия и биология сведутся вероятно к молекулярной механике». Тов. Деборин считал, что это ошибка. (*Деборин:* А вы?). Разрешите мне высказать мою мысль. Тов. Деборин приводит другую цитату из Плеханова: «Но никто из материалистов, оставивших заметный след в истории человеческой мысли, не сводил сознания к движению и не объяснял одного другим». Тов. Деборин считает, что это то же самое; что у Плеханова есть противоречия, а я говорю: у Плеханова нет противоречий, потому, что вторая цитата не относится к сведению. Она относится к тождеству.

В подтверждение я приведу ряд других цитат из Плеханова: «Если бы Бернштейн понял, что означают слова «идентичность бытия и мышления», он разумеется никогда не открыл бы этой идентичности ни у одного материалиста. Он увидел бы тогда, что

признание идентичности бытия и мышления возможно только в идеализме». Подчеркиваю — только в идеализме.

Дальше: «Наш автор попал бы в очень затруднительное положение, если бы мы его спросили, какой же именно материалист и в каком именно сочинении утверждал, что ощущение и мысль тождественны с движением в мозгу, это старый вздор, с которым уже давно пристают к материалистам».

В заключение, товарищи, одна цитата из Фейербаха: «Генетической критической философией является поэтому та, которая строжайшим образом различает между субъективным и объективным».

Здесь идет речь об идеалистическом тождестве. Я призываю деборинцев заняться этим вопросом и разъяснить Корнилову и самим себе, что означает собой идеалистическое тождество.

С. ЛЕВИТ

Сегодняшние выступления тт. Залманзона и Смирнова показывают, что то мнение, которое здесь вчера было высказано, а именно, что наши противники очень слабы, неправильно. Но неправильно было бы, с другой стороны, представлять себе дело так, как это следовало из слов одного из выступавших здесь товарищей, что естественники представляют собой однородную массу, нам чуждую. Дело обстоит гораздо сложнее. Само собою понятно, что среди естественников мы имеем сильное механистическое течение, главари которого представлены здесь, но столь же несомненно и то, что это течение не захватывает всех естественников. У многих из них мы встречаем противоречивые высказывания, объясняющиеся тем, что они не являются вышколенными в области философии. Можно привести не мало примеров того, как отдельные естественники на заседаниях наших обществ высказывают крайне механистические воззрения, когда они говорят об общих проблемах. Но когда дело идет о конкретных исследованиях, они делают блестящие построения, вполне гармонирующие с общим духом диалектического материализма. Вместе с тем необходимо признать, что те похороны, которые произведены были вчера над лидерами механистов, значительно облегчат нашу работу. Ведь работа Секции естественных и точных наук, в сущности говоря, кратко может быть формулирована как работа двух частей: работа секции, с одной стороны, и работа «подсекции механистов», с другой; последняя здесь перед вами выступала, и эти выступления выявили наши разногласия в вопросах биологии. В настоящее время, на 5-м году философской дискуссии, линия разногласий наметилась чрезвычайно четко. Я не стану говорить о разногласиях чисто философских: здесь достаточно об этом

говорили, но что касается естествознания, то здесь разногласия коснулись, главным образом, трех отделов его: физики, биологии и психо-неврологии. Что касается биологии, то не случайно конкретизация разногласий пошла по линии ламаркизма, с одной стороны, и дарвинизма, с другой, не случайно выступление т. Смирнова, заостренное против одного из наиболее видных наших генетиков, который все больше и больше примыкает к работе Комакадемии, — против т. Серебровского. Выступление это имело специальную задачу — дискредитировать этого товарища, а вместе с тем и всю нашу работу. Вдумайтесь в сущность этого выступления, в его примитивность. Тов. Смирнов начал с того, что разногласия среди биологов идут по линии эктогенеза; и автогенеза; на одной стороне находятся, якобы, ортодоксальные марксисты, во главе со Смирновым, которые стоят за эктогенез, а на другой стороне — вся черносотенная масса ученых, которая защищает автогенез. Так следовало из рассуждений т. Смирнова. Но стоит лишь немного вдуматься в эти суждения, чтобы понять их ложность и необоснованность. В самом деле, т. Смирнов толкует о среде. Я позволю себе поставить такой вопрос: вот уже почти три года, как лаборатория, руководителем которой является он, состоит при Академии. Вышла ли из этой лаборатории хоть одна работа, которая доказала бы роль внешней среды в деле происхождения наследственных изменений? Ответ будет отрицательный. Разрешите теперь привести другую справку. Всего только около года Академия субсидирует лабораторию проф. Серебровского в размере около 400 рублей в год, и из нее уже вышел целый ряд работ, которые экспериментально доказывают получение множества мутаций путем внешнего воздействия. Таким образом, с одной стороны, болтовня о влиянии внешней среды, а с другой стороны, каждодневное получение результатов этого влияния. Совершенно ясно, таким образом, что дело не в общей и пустой фразе «влияние среды». Спор не в этом заключается, это вопрос гораздо более сложный. Разве генетика отрицает роль среды? Ведь не кто иной как Меллер, генетик, экспериментально впервые получил мутации путем внешнего воздействия рентгеновских лучей.

Товарищи, о чем сейчас идет речь, когда мы говорим о влиянии внешней среды на генотипическую изменчивость? Во-первых, относительно адэкватности. Почему т. Смирнов смазал этот вопрос? Ведь в нем центр спора, ведь вопрос идет о том, что, когда мы, путем внешнего воздействия, получаем некоторое изменение сомы, то в настоящее время, при наличии хромозомной теории наследственности, нелепо думать, что это изменение *адэкватно* отразится на зародышевой плазме. Думать, что это изменение отразится как раз на соответствующей точке хромосомы, да еще изменит ее так, что получится результат совершенно адэкватный тому изменению,

которое получил данный организм, является в настоящее время мистикой. Когда Энгельс писал об этом, тогда не было еще хромосомной теории наследственности, тогда все ученые (в том числе и Дарвин) признавали наследование приобретенных признаков. Ибо по существу эта проблема даже не ставилась, это считалось само собой понятным, это был общий голос всех естественников. Но теперь, после того, как мы имеем такие колоссальные успехи генетики, теперь говорить об адэкватном наследовании — значит тащить нас на 50 лет назад. Что же касается конкретных доказательств подобной концепции, то у нас не имеется ни одного, а из тех опытов, на которые вы ссылаетесь — опытов генетиков,— нет ни одного, который подтверждал бы вашу точку зрения. Но т. Тимирязев и его сторонники не считают для себя обязательным знание этих элементарных основ современной науки и до сих пор единственным аргументом по этому вопросу является у них ссылка на Энгельса, а выписка из него всегда хранится в кармане: сегодня я уже в пятый раз слышу цитату из сочинения Энгельса 76-го года. Это элементарная неграмотность, это незнание того, что Энгельс писал так за 7 лет до того, как Вейсман выступил с первой работой, отрицавшей наследование благоприобретенных признаков. И Энгельс *в то время* стоял действительно на высоте биологии своего времени. Могу обрадовать т. Тимирязева и иже с ним,— отныне у них будет в распоряжении новая цитата. Во втором номере журнала «Естествознание и марксизм» эта цитата из Энгельса приводится в статье т. Серебровского без примечания редакции. И теперь у них будет новое доказательство того, что редакция «Естествознание и марксизм» стоит на той же точке зрения, которую развивает т. Серебровский, и что мы, стало быть, «против Энгельса». Вряд ли, однако, они кого-либо подобными мотивами убедят.

Теперь спрашивается, как обстоит дело с точки зрения методологии вопроса? Мы считаем, что вопрос об унаследовании благоприобретенных признаков не является узко специальным, а представляет собой и сейчас большой методологический интерес. В самом деле, лишь примитивный механист может себе представлять дело так, что организм, представляет собою некоторую бесформенную, аморфную массу и что внешняя среда может оказывать на него любое влияние в любую сторону. На самом деле вопрос гораздо сложнее. Здесь перед нами в биологическом разрезе проблема взаимоотношения внутреннего и внешнего, диалектики внутреннего и внешнего, о которой говорилось неоднократно вчера. Эта проблема сейчас встала перед нами во весь свой рост, ибо мы теперь можем точно знать тот материал, с которым мы оперируем. Ведь мы рентгенизируем сотни мух, а получаем лишь единичные мутации, а между тем внешнее воздействие на всех мух было одинаково. Значит, говорить просто о влиянии внешнего воздействия и не учитывать при этом роли той системы, на которую оно падает и которая каким-то образом подготовлена для того, чтобы соответствующим образом реагировать на внешнее воздействие — говорить сейчас так,— это уже, по меньшей мере, поздно.

Сейчас тот, кто не учитывает роли системы, кто не понимает самодвижения последней, кто не понимает диалектики (а этому нас учит наш повседневный опыт) единства внутреннего и внешнего, кто этого не понимает, тот может не браться за проверку опытов Каммерера, ибо он только оскандалится с ними, ибо это значит отбросить нас лет на 30 назад и не считаться с новейшими достижениями биологии. Поэтому та постановка вопроса, которая здесь была сделана т. Смирновым и которая сводится к тому, что наши разногласия не идут дальше проблемы авто-или эктогенеза, следует признать крайне упрощенной и не соответствующей действительности. Товарищи, история пошутила над Комакадемией; вышло так, что мы в Комакадемии организовали ламаркистскую лабораторию и что эта лаборатория должна нас представлять во вне по линии биологии. И у многих неправильно создалось такое впечатление, что действительно Комакадемия исповедует ламаркизм, что это ее лозунг, что за него она будет сражаться против генетиков. Это миф. С этим мифом надо покончить, и чем скорее мы с ним покончим, тем лучше будет и для Академии и для науки, потому что на нас смотрят, на нас ориентируются. Товарищи, мы уже исправляем эту ошибку. Я позволю себе с этой трибуны заявить, что ламаркизм не является монополистом в Комакадемии, что на ряду с ламаркистами работают и генетики, и работают с большим научным успехом, чем их противники. Но с тем положением, которое было до сих пор и при котором ламаркизм приютился в официальном учреждении Комакадемии в то время, как генетики работали где-то на задворках, — с этим положением надо решительно и навсегда покончить.

Товарищи, перед нами стоит задача воспитать новые кадры, об этом достаточно говорилось. Какие кадры биологов должна воспитывать Комакадемия, чем они должны отличаться от тех, которые подрастают в институтах Главнауки? Секция естественных и точных наук ставит себе 4 задачи, и ко всем им должен в той или иной мере быть причастен каждый из наших работников. Это, во-первых, методологическая проработка основных проблем естествознания под углом зрения марксизма. Об этом уже в достаточной мере говорилось, и повторяться я не стану. Второе — это наша экспериментальная работа. Вряд ли кто-либо будет теперь серьезно доказывать, что можно овладеть методологией проблемы, не работая над ней экспериментально. Поэтому мы от каждого из наших работников требуем прежде всего, чтобы он работал в той или иной лаборатории. Но совершенно нетерпимым стало положение,

когда наши товарищи вынуждены где-то на стороне работать, а в стенах Академии они не могут найти себе место. С этим необходимо покончить. Нам нужно во что бы то ни стало добиться того, чтобы передать в Комакадемию один из биологических Институтов. Я имею в виду Тимирязевский институт, вопрос о переходе которого в Комакадемию поставлен сейчас решительно в порядок дня. Об этом конференция, по-моему, должна иметь специальное суждение. В этом общебиологическом институте мы должны воспитывать наших товарищей в первую очередь в порядке экспериментальной работы (аналогично тому, как это имеет место в нашем Институте высшей нервной деятельности), тут же подковывая их по линии методологии. Лишь таким путем мы можем воспитать те кадры, которые нам нужны. Такое же положение вещей, когда два человека, ничего общего не имеющие с марксизмом, представляют Академию по линии экспериментальной науки, больше нетерпимо. На этом мы должны, мы обязаны поставить точку, к этому нас призывает то вчерашнее постановление, которое здесь было принято.

Наконец, товарищи, несколько слов относительно нашего журнала. Мы создали наш журнал, не сомневаясь в том, что колоссальные трудности стоят перед нами. Наша задача заключается не только в том, чтобы проповедывать голую методологию: наш орган должен стоять на уровне современного естествознания, ни на одну ноту ниже, и это последнее пропитывать методологией. Товарищи, вы сами понимаете, что при наших ничтожных кадрах подобная задача казалась почти невозможной.

Нам говорили, что мы «лопнем», что мы не выдержим. Товарищи, очень жаль, что до сих пор здесь не было ни одного слова по поводу нашего журнала, относительно того, как смотрят на нашу работу. Мы, товарищи, вовсе не смотрим на наш журнал, как на дело маленькой группы людей, которые образовали его, которые призваны это дело делать. У нас такого подхода быть не может, у нас и не может быть специалистов «по писанию статей». Каждый наш работник, каждый естественник, который под нашим руководством изучает общие проблемы естествознания, обязан принять участие в этом журнале, потому что только путем объединения сил, только на базе коллективного творчества мы можем этот журнал продвигать вперед. И если мы не хотим оказаться в глазах действительных ученых и широких масс естественников в таком положении, в каком оказались некоторые наши представители ламаркизма, мы должны разрабатывать актуальные проблемы конкретного естествознания. Именно эти проблемы должны в нашем журнале получить первое место.

В виду того, что время мое истекает, я не стану говорить о нашей работе в области истории естествознания (об этом будет говорить т. Левин) и коснусь лишь в нескольких словах последнего отдела нашей работы, вопроса о *пропаганде* материалистического естествознания. Наша секция до сих пор этой работой почти не занималась. Между тем, не подлежит никакому сомнению, что задача всякого материалиста-естественника состоит не только в том, чтобы учиться и, по мере сил, двигать науку вперед, но и в том, чтобы обязательно спускаться и в низы и нести туда те знания, которые он получает у нас, нести их в рабочие массы. Это наша обязанность, но в этом отношении почти ничего еще не сделано. Лишь теперь поставлен вопрос о переходе в Комакадемию Биомузея. Это опять-таки не должно быть работой только маленькой группы людей, которые ведут это дело, которые этим специально занимаются. Мы считаем, что *каждый* наш работник, на ряду с его научной деятельностью, на ряду с его экспериментальной и теоретической работой, обязан участвовать и в нашей пропаганде под общим руководством Коммунистической академии. (*Аплодисменты*).

М. ГУРЕВИЧ

Я позволю себе занять ваше внимание на несколько минут Институтом по изучению высшей нервной деятельности при Комакадемии. Этот Институт ведет работу в той области естествознания, которая представляется наиболее трудной и наиболее сложной. Трудность проблем, связанных с изучением нервных функций, является отчасти причиной наличия в данной дисциплине значительного количества темных мест и неисследованных областей, являющихся удобной почвой для возникновения различных метафизических и даже мистических теорий. В силу этого последнего материалистический охват всех тех проблем, которые относятся к изучению высшей нервной деятельности, представляет большую трудность и требует особой структуры тех учреждений, которые работают по соответствующим вопросам. В этом отношении наш Институт высшей нервной деятельности по своей структуре несомненно в значительной мере отличается от соответствующих учреждений не только западных, но и наших.

Во главе угла всей нашей работы стоит павловская методика. Но, как тут уже было указано докладчиком, конечно павловский метод не представляет собою такого метода, который был бы вполне достаточным для изучения высшей нервной деятельности человека. Безусловно, можно лишь сказать, что метод Павлова дает очень многое для того, чтобы иметь в этом отношении определенные перспективы. Однако, как уже отмечал т. Залманзон, здесь еще нет системы, а имеется только метод. При этом нужно думать, что

в настоящее время метод Павлова входит во вторую фазу своего развития.

Если в первоначальной лаборатории Павлова соответствующая работа была обособлена от других физиологических методов и систем, если она отличалась известной узостью, которая, в значительной мере, даже требовалась вначале, в смысле необходимости выработки соответствующей методики, то в настоящее время уже во второй стадии развития такого метода необходима связь работы по методу Павлова с другими соответствующими работами для того, чтобы получилась возможность всестороннего изучения функций нервной системы. В нашем Институте, помимо метода Павлова, мы пользуемся, с одной стороны, и другими методами физиологии, с другой — анатомия, химия и патология также привлечены к разработке соответствующих вопросов, вследствие чего получается возможность и проверки физиологических данных анатомическими, и изучение морфологических данных в свете физиологических проблем.

Таким образом, действительно получается возможность более широкого охвата многих явлений, подлежащих нашему исследованию. Например, вопросы локализации высших нервных функций, конечно возможно изучить только при такой содружественной работе нескольких отделений, имеющих возможность путем ряда методов, взаимно проверяемых, подойти к разрешению этих локализационных вопросов. Но, конечно, несомненно, что в настоящее время и у нас в сущности еще идет подготовительная работа. Это уже видно хотя бы из того обстоятельства, что работа ведется над животными, что мы изучаем высшую нервную деятельность не самой совершенной нервной системы, — мы еще не изучаем человека. Такое положение объясняется новизной соответствующих проблем, недостаточной их обработкой, невозможностью перескочить сразу к изучению тех более сложных явлений, которые представляет собой нервная деятельность человека. Отсюда несомненно, что в дальнейшем должно иметь место соответствующее расширение деятельности нашего Института, диктуемое необходимостью заняться наиболее сложной высшей нервной деятельностью и таким образом проникнуть в область психологии.

Что касается психологии, то ее положение в среде других научных дисциплин в настоящее время еще является недостаточно определенным. То, о чем упомянул докладчик, т. е. что у нас есть павловский метод, имеется «бихевиоризм», который представляет собою нечто в роде зоопсихологического метода, имеются *данные*, исходящие из фрейдовской теории — все это, несомненно, совершенно недостаточно для построения психологии на материалистической основе. Здесь уже указывал т. Залманзон на корниловскую школу психологии, о которой не было упомянуто докладчиком. Но

некоторые недочеты этой школы в известной степени зависят несомненно от основного исторического, так сказать, греха психологии. Этот основной грех заключается в том, что психология все время рассматривалась как изучение психики без достаточной связи с биологическими данными. До последнего времени имеется еще такого рода взгляд, что психология больного человека, психопатология, должна изучаться в связи с другими физиологическими явлениями, психология же здорового человека может, якобы, изучаться вне связи с другими особенностями его организма. По отношению к человеку именно физиология и психопатология (из которой отчасти исходит и учение Фрейда) представляют собою огромное скопление фактов, недостаточно может быть систематизированных, большое число объективных данных, основанных на физиологическом и анатомическом изучении. Поэтому в психопатологии мы имеем несомненно добавочный источник для будущего построения здания психологии. Таким образом, в дальнейшем работа Института по изучению высшей нервной деятельности может и должна развиваться по пути вовлечения в круг его исследовательской работы целого ряда таких дисциплин, которые имеют отношение к патофизиологии и, следовательно, патопсихологии, которые связаны с биологическими науками — анатомией, биохимией и физиологией — и в общем комплексе могут послужить для построения психологии, тесно увязанной с тем материальным субстратом, который лежит в основе высшей нервной деятельности.

Это положение вещей заставляет нас в настоящее время смотреть на Институт высшей нервной деятельности, как на учреждение, которое находится в начале своего развития, как на учреждение, которое, хотя уже в настоящее время и обладает несколькими отделениями и имеет возможность в значительной степени сочетать работу различных специалистов, но которое в дальнейшем должно еще обрасти целым рядом лабораторий и клиник, могущих дать материал для более полного изучения нервных функций. Только такая сложная и многосторонняя работа по изучению нервной системы в связи с функциями всего организма дает возможность построения психологии на материалистической основе, к чему, в конечном счете, и должен стремиться Институт по изучению высшей нервной деятельности.

И. САПИР

Товарищи, борьба между механистами и диалектиками находит свое отражение и на фронте рефлексологии и психологии. Одно из выступлений механистов в этой области вы сейчас слышали. Я имею в виду выступление т. Залманзона, весьма характерное для той фазы, в которой находится борьба между представителями

обоих лагерей в области психологии как науки о поведении. Мы имеем здесь яркое выражение линии на маскировку. Вы помните, как напр., вчера т. Варьяш, тоже имеющий касательство к вопросам психологии, поскольку он в свое время выступал по вопросам фрейдизма, как он отказался вчера от своих прежних взглядов. Он позволил себе утверждать, что никогда не думал об отождествлении марксовского бессознательного с фрейдовским бессознательным. Достаточно, однако, открыть один из сборников «Диалектика в природе», где напечатана статья Варьяша, чтобы убедиться, что налицо имеется попытка полностью отождествить указанные категории и изобразить Маркса, чуть ли не родоначальником фрейдовского учения. Очевидно, понадобился целый ряд выступлений, разоблачающих неправильность этой постановки, чтобы заставить механистов отказаться от невыгодной, порочащей их теории. Примерно в таком же роде выступал и т. Залманзон, поскольку мы имели с его стороны утверждение, будто механисты от Фрейда отказываются и считают, что с Фрейдом им не по пути. Кстати т. Залманзон неправильно понял ту постановку вопроса о фрейдизме, которую дал т. Деборин. Поскольку речь идет о преодолении Фрейда в эмпирическо-психологической части его учения, можно отметить, что в этом отношении сделано действительно еще очень немного, зато следует вполне определенно сказать, что фрейдизм, несмотря на то, что этому мешали представители механистического лагеря, преодолен в области методологической, преодолен как идеология, причем разоблачены и попытки «фрейдо-марксистов» вопросы социологии объяснять с точки зрения фрейдизма и в этом смысле примирять фрейдизм с марксизмом. Равным образом т. Залманзон пытался, устанавливая различие между рефлексологией и теорией условных рефлексов, показать, что механисты отнюдь не за бехтеревскую рефлексологию, а за учение Павлова об условных рефлексах. Само по себе такое различение правильно и методологически обосновано, но в устах механистов оно звучит, как сокрытие сущности действительного спора: те, кто имеют касательство к редакциям таких журналов, как «Естествознание и марксизм» и «Под знаменем марксизма», хорошо знают, какой поток рефлексологических статей, написанных в бехтеревском духе, поступает туда со стороны механистов. Возьмите для примера статью Черановского в «Под знаменем марксизма». Я не знаю, согласовал ли он с кем-нибудь статью или не согласовывал, но эта статья резко механистическая, ибо именно для механистов в высшей степени характерны попытки подойти к сложным вопросам психологии, как науки о поведении, с рефлексологической точки зрения. Если верно, что у Павлова мы не имеет цельной системы, а имеем отдельные методы, отдельные эмпирические обобщения, то отсюда вовсе не следует, будто ряд неумеренных поклонников Павлова не пытаются

возвести эти отдельные достижения в целую систему, будто они не пытаются объяснить сложнее поведение человека, определяющееся множеством друг с другом структурно связанных факторов, односторонне и упрощенно.

Так же искаженно излагаются споры по психофизической проблеме. Какие факты мы имеем здесь в самое последнее время? Совсем недавно мы читали одну механистическую статью, появившуюся на страницах «Вестника Комакадемии». Это—работа Окуня, стоящего на позиции психофизического тождества. Вот вы, т. Залманзон, теорию тождества психического и физического правильно понимаете, как идеалистическую теорию. Не забывайте однако, что механист Енчмен тоже стоит на точке зрения отождествления психического и физического. Бюхнер, Карл Фохт и Молешотт также стояли на точке зрения отождествления физического и психического, хотя и причисляли себя к материалистам. Здесь доказательство того, что между механистическим материализмом и идеализмом — расстояние очень небольшое.

Сторонникам механистического материализма, авторам большинства статей по рефлексологии, людям, которые пытаются принизить роль и значение сознания, роль и значение человеческой психики, — всем им свойственно это колебание между двумя позициями: либо механистическая постановка вопроса, либо идеалистическая. Обе эти постановки в высшей степени сходны и сродны друг с другом. Поэтому напрасно вы нападали на то, что т. Деборин «прохладно» относится к вашим ошибкам. Вы знаете прекрасно, что именно «деборинцы» борются с отождествлением психического и физического. Именно т. Франкфурт, а не кто-нибудь из лагеря механистов, дал отповедь на статью Окуня.

Чтобы охарактеризовать фактическое отношение к рефлексологии среди механистов следует вспомнить недавнее выступление в этой аудитории т. Сарабьянова с докладом на тему о психо-физической проблеме. Не буду сейчас останавливаться на гносеологической, совершенно неправильной части этого доклада; меня интересует та часть его, которая имеет непосредственное отношение к вопросам психологии и рефлексологии. Она содержит в себе безоговорочный призыв итти учиться у Павлова и у павловской школы, без указания на то, что марксист-коммунист, даже и к этому замечательному учению, имеющему большие заслуги перед наукой вообще и перед материализмом в частности, должен подойти с точки зрения диалектического материализма. Марксисту-диалектику есть что сказать, в частности в отношении павловского учения, есть что сказать и с точки зрения критики этого направления, несмотря на огромные эмпирические достижения в разрабатываемой Павловым области. Из изложения критики, которая на этот счет дается диалектиками-материалистами, становится ясным и то, что представ-

ляет собою подлинная марксистская психология. Тов. Залманзон, считающий себя, повидимому, тоже строителем науки о поведении с точки зрения материализма, почему-то счел нужным говорить о марксистской психологии только как о такой психологии, как о таком направлении, которое разрабатывается Институтом экспериментальной психологии, Институтом, во главе которого стоит Корнилов. Даже если бы было верно то, что (как пытались неверно изобразить) этот Институт плохо строит марксистскую психологию, то разве не является обязанностью вашей показать, каковы же, по вашему мнению, подлинные ее пути?

Вы сочли, однако, необходимым уклониться от ответа по существу и вместо этого говорить о марксистской психологии иронически, ставя самый термин в кавычки. Я полагаю, однако, что то, что делается в Институте экспериментальной психологии, и в частности критика, которой он подвергает механическую универсализацию павловских принципов и павловских методов — полностью соответствует задачам марксистской психологии. Марксистская психология, это та психология, которая изучает личность человека на основе диалектического материализма. Этим сказано все. Конкретизировать данную формулировку следует таким образом: прежде всего психологию отнюдь нельзя изображать как «натуру о состоянии сознания». Это я подчеркиваю, потому что такая субъективно-идеалистическая постановка вопроса прежде всего давно отвергнута самим ходом развития психологии. Затем она совершенно не выдержана с диалектико-материалистической точки зрения, потому что явления сознания суть не что иное, как особая форма проявления в высшей степени сложно организованных форм материи, и нельзя их изучать в отрыве от этих материальных форм. Я это подчеркиваю еще и по той причине, что именно у рефлексологов, как определенный момент, сближающий их с субъективной психологией, наблюдается попытка резко разграничить сферы влияния рефлексологии с одной стороны, и психологии, с другой стороны.. Они говорят: мы будем изучать человека с объективной стороны, а вы, психологи, изучайте явления сознания при помощи самонаблюдения. Они хотят себе отхватить не по праву самое основное, самое необходимое для понимания поведения человека, а психологам оставить искаженный, готовящий им в будущем полную дискредитацию метод. Этого диалектический материализм допустить не может. Здесь надо спросить: если рефлексологи хотят взять на себя монополию изучения объективного поведения человека и животных, то имеют ли они для этого достаточные методологические основания? Я утверждаю, что нет. Одним из основных грехов рефлексологии является тот грех, что она не берет человека как сложное структурное целое. Рефлексологи рассматривают человека в первую очередь с точки зрения физиологии нервной системы. Но даже если

подходить к человеку только как к организму, то даже и в этом случае ясно, что сама по себе физиология нервной системы, учение о законах невродинамики, не может охватить поведения человека. На самом деле, те целостные процессы, которые управляют поведением, *трансформируют, реорганизуют* невродинамические закономерности, как снятые в сложной системе человеческого организма.

Таким образом, именно физиолог-специалист должен был бы признать, что изучение мозговой физиологии не может быть в полной мере плодотворно, если оно не будет учитывать всю сложность того организма, в котором физиологические законы действуют.

Далее, даже с чисто-биологической точки зрения совершенно очевидно, что кроме законов мозговой физиологии, необходимо учитывать историю развития (филогенетического и онтогенетического) самых различных основ поведения, напр., особенности конституции и темперамента. Все эти общие биологические моменты далеко не охватываются той наукой, которая на самом деле претендует на изучение не только биологической стороны дела, но хочет охватить человека в целом.

Что касается тех форм поведения, которые в известной мере входят в компетенцию теории условных рефлексов, то нужно отчетливо заявить, что нельзя представлять себе совокупность условных рефлексов как сумму, как цепь. Рефлексолог говорит о цепи условных рефлексов, но не говорит о структурных реакциях, разные части которых имеют и разный удельный вес. Такую методологическую постановку мы должны решительно отвергнуть, ибо она основывается на крайне упрощенных взглядах.

Такое же упрощение мы имеем и в вопросе о понимании внешней среды. На первый взгляд рефлексолога очень трудно обвинить в отказе от учета внешней среды: ведь с его точки зрения, каждый рефлекс возникает в результате раздражения, исходящего из этой внешней среды. Однако это—очень упрощенное понимание. Внешняя среда не только источник раздражений, она, кроме того, является организатором тех самых условных рефлексов, тех сложных реакций, о которых идет речь. Внешняя среда, комбинируя по-своему условные рефлексы, создает из них формы поведения. Такое понимание, именно такое понимание в высшей степени характерно для диалектического отношения к вопросу и дает нам методологическую увязку моментов внешней среды и внутренней сущности организма. Его нет у рефлексологов, и все же несмотря на все недостатки рефлексологии, несмотря на то, что мы имеем дело с наукой, которая очень односторонне подходит к человеческой личности, к человеческому организму, мы видим многократные попытки со стороны механистов дать рефлексологию «мандат на исключительное владение» областью науки о личности. С этим и борется Институт марксистской психологии, как должен бороться всякий, кто действительно

заботится о проникновении диалектического материализма в психологию.

Есть ли элементы для построения нового марксистского направления в психологии? Конечно, есть. Хотя мы далеко не стоим на позиции школы Келера (Gestalt. psychologie) мы должны признать, что она, не в пример рефлексологии, умеет рассматривать объект, как нечто структурное; хотя мы не стоим на точке зрения бихевиоризма, но мы и здесь должны признать, что бихевиоризм умеет в отличие от рефлексологии рассматривать поведение человека, не как сумму условных рефлексов, а как целостное образование (*Залманзон:* Это зоопсихология). Бихевиоризм изучает не только животных, но и людей. И это направление также создало некоторые элементы для построения марксистской психологии. Наконец, патопсихология, о которой здесь говорил т. Гуревич, с ее мощно развитым учением о конституции, характере, темпераменте, также содержит в себе элементы, необходимые для построения марксистской психологии, наконец, такие элементы имеются и в учении об условных рефлексах.

В задачу марксиста-психолога входит не культивирование какой-либо одной из этих школ, притом такое культивирование, которое оставляет без разрешения различные методологические и философские уклоны того или другого течения, — а постановка таких исследований, в процессе которых человеческая личность могла бы быть подвергнута *всестороннему, целостному изучению.* Именно на этот путь становится Институт марксистской психологии. Именно сейчас он принимается за обследование представителей определенной социальной группы с самых различных сторон. Только такого типа исследование, если ему суждено организационно реализоваться, только оно способно дать интереснейшую и ценнейшую проверку достижений чужих школ и привести к открытию неизвестных до сих пор закономерностей. Я считаю, товарищи, что по поднятому мною вопросу у нас должна быть полная договоренность, я считаю, что, поскольку в нашей разолюции о политике марксизма в области естествознания будет уделено некоторое внимание и проблеме психологии, как науке о поведении человека, постольку нам нужно будет указать, что марксистская психология есть наука о *целостной* личности, и что попытки механистов сузить и упростить проблему подлежат решительному осуждению.

В. ПОЗНЕР

Товарищи, мы заслушали блестящий по форме и весьма интересный по содержанию доклад т. Шмидта, с которым, конечно, полностью можно согласиться во всех частях. Я хотел бы только остановиться на двух деталях, которые, мне кажется, нуждаются

в некоторых поправках. Во-первых, т. Шмидт в тезис 8-й включает такое положение:

«Та борьба, которая велась между диалектиками и механистами (говорит он), привела некоторых философов к недооценке положительных знаний, что грозило схоластикой».

Я думаю, что такое положение излишне и лучше было бы его из резолютивной части исключить по той простой причине, что суть дела не в том, что некоторые философы делали какие-то ошибки, а суть в том, что в основном их точка зрения была правильна, и тезис, поставленный в таком виде, конечно, является известным реваншем для механистов. О. Ю. говорил, что ряд естественников приходит к диалектическому материализму с большими трудностями, я бы прибавил, что они приходят к диалектическому материализму с боями. Мне кажется, что отражение этого обстоятельства мы и видим в этом пункте.

Второй пункт касается одной проблемы, важной по своему значению. Совершенно правильно О. Ю. в очень остроумной форме предостерегал от легкого отказа от различного вида научных, а тем более методологических положений на том основании, что диалектика разрешает себе противоречия. Вы помните его остроумный пример, что когда у какого-то математика конец не сошелся с началом, тот объяснил это диалектическим противоречием. О. Ю. советовал нам не пугаться этих противоречий и подвергать их разбору, в каждом отдельном случае, подвергать их конкретному исследованию — и это совершенно правильно. Я бы хотел по этому поводу остановиться на вопросе о законе причинности. Совершенно прав О. Ю., если бы было доказано, что в микрокосме закон причинности в том смысле, как мы его применяем, в смысле действия отдельных причин и однозначной связи со следствием,— оказался бы неприменимым, то это диалектиков не привело бы в уныние. Но дело не в этом. Мне кажется, что совершенно преждевременно, с научной точки зрения, сдавать этот принцип причинности, в каком бы то ни было смысле. Я хочу сослаться по этому поводу на те же новые открытия, на которые ссылался О. Ю. В книге А. Гааса о волновой теории материи, в очень интересной главе, которая называется «Квантовая механика и натурфилософия», говорится:

«Против полного исключения нестатистических закономерностей говорят, повидимому, относящиеся к эффекту Комптона опытные результаты, из которых можно заключить, что положения о сохранении энергии и импульса выполняются и при столкновении отдельного светового кванта с отдельным электроном». (A. Haas. «Materenwellen und Quantenmechanik» 1929. s. 163), т.-е. как раз в том самом микрокосме, по отношению к которому закон причинности подвергался сомнению, закон сохранения энергии не нару-

шается. Если закон сохранения энергии здесь сохраняет полную силу, то нет оснований отказываться от принципа причинности.

Затем тоже недостаточно правильно было бы говорить, что можно сегодня отказаться от принципа причинности для микрокосма, сохранив его для макрокосма, а в микрокосме оставить статистическую закономерность. Это неправильно. Относительность этой терминологии нельзя упускать из вида, потому что, если предметы и явления планетарного масштаба по отношению к атомным явлениям являются макрокосмом, то сами они по отношению ко всей галактической системе, взятой в целом, оказывается микрокосмическими. Это различные ступени мира, и разделять мир на две части с различными закономерностями — неправильно. Динамическая и статистическая закономерности — это противоположности, которые представляют диалектическое единство и действуют совместно на каждой ступени.

Я хочу напомнить всем, кто не только следил за наукой по литературе, но и сам переживал эпоху открытия радиоактивных веществ, которые тоже посеяли не мало смятения в умах, когда первое открытие было сделано. Это первое открытие заставило некоторых неустойчивых в методологическом отношении мыслителей говорить — не придется ли нам отказаться от закона сохранения энергии потому, что радий произвольно выделяет энергию и имеет температуру выше температуры окружающей среды?

Таковы были настроения, а дальнейшее течение исследований показало, что такого рода отказ от одного из основных обобщений естествознания — вещь совершенно скороспелого характера.

Вот что сейчас надо сказать в отношении принципа причинности. Поэтому те обстоятельства, которые ставят в затруднение физиков, незнакомых с достаточно широко и научно поставленной методологией, связаны с тем, что они недостаточно еще изучили явление.

В виду краткости времени я не могу сейчас заниматься анализом аргумента о том, что соотношение между положением и скоростью электрона (определенная скорость дает неопределенность в смысле координат в пространстве для положения частиц и наоборот) совсем не колеблет принципа причинности, но это между прочим.

Затем я хотел остановиться на той части доклада т. Шмидта, к которой я целиком присоединяюсь, где в общем виде он показывает, что эмпиризм и занятие экспериментальной наукой совсем не являются гарантией против мистики. Примеров приводилось достаточно, их приводил и один из выступавших — т. Гессен. Мы можем припомнить «Естествознание в мире духов» Энгельса. Можно было бы в этой связи процитировать одного из махистов, Клейн-

петера, который самую возможность научного знания предлагает считать простой случайностью, а сходство людей в отношении их познавательной функции — не чем иным как счастливой случайностью.

Это является лучшим доказательством того, каким образом эмпиризм неизбежно скатывается к мистике.

Я хотел остановиться на одном современном моменте, на течении монистов, которое здесь получило несколько более лестную характеристику, чем оно заслуживает. Оно было названо материалистическим или близким к материализму. Это течение монистов представляет собой левое крыло технической интеллигенции Западной Европы. Основателями его были Геккель и Оствальд, причем Геккель не является последовательным материалистом, хотя, конечно, был близок к материализму.

Процитирую некоторые из основных положений монистов, напечатанных под скромным названием «Наша рабочая программа» в февральском номере журнала «Monistische Monatshefte» за этот год по случаю смерти председателя союза монистов. Вот что там говорится о мировоззрении: «Монизм старается охватить в единстве все бесконечное разнообразие явлений мира таким образом, что он подвергает их все научному способу рассмотрения. Несмотря на безграничное для нас многообразие вселенной, все бытие и все совершающееся постольку однородно, поскольку оно доступно познанию при посредстве научных понятий».

Можно ли это считать материалистическим?

Совершенно очевидно — это заколдованный круг, который не дает возможности построить никакое действительно научное мировоззрение, и сторонники эмпириокритицизма не в состоянии этот заколдованный круг разорвать, потому что разрывом этого круга является только выход в материализм. Что касается их атеистичности, то это дело другого рода, но интересно остановиться и на этом явлении. Они говорят, что их враги — это церковь и религия и главный враг — католическая церковь. Как же они относятся к вопросу о религии в отношении отдельного человека? Вот что там говорится: «само собой разумеется, каждому отдельному индивидууму предоставляется невозбранно право относиться ко всему мировому целому и к своему собственному существованию с чувством глубокого благоговения». Т.-е. другими словами, это та же знакомая формула, что религия это частное дело каждого. В связи с этим интересно остановиться на их отношении к общественным явлениям. Они себя называют представителями научного социализма. Посмотрим, каков этот научный социализм: «Мы боремся, говорит программа, не занимая партийно-политической позиции, против всех сил, которые... препятствуют организационному развитию общественной культуры на научной и естественно-этической

основе». Хорош научный социализм, который классовую точку зрения исключает. Я бы сказал, что в отношении монистов, которые нуждаются в известном внимании, нужно все-таки не покровительственное отношение, а решительная борьба.

Теперь у меня два вопроса. Я хотел бы, если бы было больше времени, несколько подробнее остановиться на Филиппе Франке, судьба которого у нас была чрезвычайно превратна. С одной стороны, Большая советская энциклопедия пригласила его в качестве автора одной из статей, а затем т. Тимирязев похвалялся, что по его сообщению Ф. Франк был удален из числа сотрудников. Если это сделано, то это сделано напрасно, потому что Франк является представителем колеблющейся части левого крыла махистов, которому — не лично Филиппу Франку, а лучшим представителям науки — можно и следовало бы помочь преодолеть свое шатание и колебание. Характерный пример шатаний и колебаний Франка мы имеем в большой статье, посвященной теоретико-познавательным вопросам, где он полемизирует с Лениным, принимая его за механистического материалиста. Он Ленина читал, по крайней мере X том он держал в руках, но в произведении размером почти в печатный лист у него даже слово диалектика не фигурирует. Он принимает Ленина за механистического материалиста, а т. Тимирязев берет под свою защиту Ленина, не понимая, что нужно разоблачить эту путаницу и ошибку Франка, а не защищать механистический материализм. В этой борьбе он нам оказывает плохую услугу, относительно которой известный баснописец сказал: «Хотя услуга нам при нужде дорога, но за нее не всяк умеет взяться». Филипп Франк заканчивает свою статью таким образом:

«Но я думаю, что мы как раз в этих новых теориях, в теории относительности, как и квантовой механике, имеем важный знак того, что основная идея материализма века просвещения, математическое изображение всего, происходящего в природе, не связано необходимым образом с примитивным механизмом, что, следовательно, неспособность его охватить природу, как целое, не является доказательством «банкротства материализма», но что постепенное проникновение в недра вселенной и поныне еще идет в том же направлении, которое, примерно, можно охарактеризовать методическими идеями, лежащими в основе лапласовской системы мира. «Преодолен» не материализм, а лишь его первая форма, представление, что все совершающееся *в основе* есть лишь движение мельчайших частиц в более или менее материально мыслимом пространстве» Die Naturwissenschaften“. Heft 8. 24. II, 28. s. 127).

Тут и шуйца и десница махизма сразу выступают перед нами. С одной стороны, «движение мельчайших частиц», на что законно нападает Франк, с другой стороны — пространство, которое он тоже хочет выбросить за борт, что является результатом его общей махистской концепции. Это противоречие и дает возможность вклиниться в его систему диалектическому материализму. Прежде всего Франку следует объяснить, что у Ленина не механистический материализм, а диалектический.

Но центр выступления моего не в теоретических проблемах, а в одном организационном вопросе. Дело заключается вот в чем. Совершенно правильно О. Ю. Шмидт развил нам программу развертывания академической работы и показал ее значение, показал, как ее нужно переносить на периферию и проч. И это нужно поддержать полностью. Но я хотел бы указать здесь еще на одно место приложения сил, куда нужно было бы непременно бросить известную часть сил и с чисто академической позиции отойти. Я хочу говорить о так называемом *Варнитсо*. Нет сомнения, что не только в этой аудитории, нашей, высоко квалифицированной аудитории, но и во всякой другой высоко квалифицированной аудитории по отношению к *Варнитсо* можно различить три категории. Одна группа считает *Варнитсо* чем-то вроде волапюка или эсперанто — особой разновидностью международного языка. Другая группа знает, что такое *Варнитсо*, и относится к нему отрицательно, как к пустой затее, и только третья группа, к сожалению, самая незначительная, признает его значение. *Варнитсо*, если расшифровать, — это не больше, не меньше, как Всесоюзная ассоциация работников науки и техники по содействию социалистическому строительству, во главе которой стоит академик Бах. Она немногочисленна, но все же в Москве объединяет пару сотен квалифицированных работников науки и техники — врачей, инженеров, естественников и пр. И вот нужно поставить одной из задач обратить внимание на эту категорию, потому что она есть тот рычаг, при помощи которого можно подойти к более широкой массе работников науки и техники. А что эта категория *Варнитсо* рвется к диалектическому материализму, об этом могут свидетельствовать все немногочисленные присутствующие здесь члены *Варнитсо*. И в этом отношении им нужно помочь. (*Голос:* Неправильно.) Тут мы наталкиваемся на эту оппозицию (*Голос:* Это вторая группа, по вашей классификации). Я хочу привлечь вас, товарищи, на позицию третьей группы. Несомненно, эта категория есть тот приводной ремень, при помощи которого мы можем проникать и проникнуть в широкую массу научных работников. Мы имеем благоприятный психологический момент в том отношении, что они действительно очень хотят освоиться с методом диалектического материализма. Конечно при скептицизме можно опорочивать часть элементов, которая в *Варнитсо* проникает, и это опорочение вообще можно вести как угодно широко. Либо нужно стать на такую точку зрения, что такая организация не нужна, но тогда никто не стал бы ее поддерживать, и в том числе наши директивные

руководящие организации, или если она нужна, а мне кажется, что она нужна, ее надо поставить как следует и в первую очередь обратить внимание на то, чтобы пропитать близких, сочувствующих нам специалистов принципами материалистического мировоззрения, вооружить их методом диалектического материализма, потому что тогда они станут нашими помощниками, проводниками идей диалектического материализма в широкие массы естественников.

Ю. ВЕРМЕЛЬ

Товарищи, я — биолог ламаркистского направления, школы Каммерера. Разрешите защитить некоторые наши позиции.

Во-первых, я должен возразить против стремления приписать нам отрицание генетики. Мы напротив считаем, что наша точка зрения имеет то преимущество перед многими другими, что мы не стеснены никакими рамками или догмами. Наша позиция настолько широка, что мы можем признать самые различные случаи изменчивости и наследственности. Пусть кто-нибудь из наших противников укажет хотя бы на одного ламаркиста, который отрицал бы значение материалов генетики. Мы только критикуем эти данные и пытаемся связать их с теми материалами, которые имеем сами. В частности мы нисколько не отрицаем значение структуры организма, его конституции для эволюционного процесса. Мы так же, как и некоторые из наших противников, считаем, что эволюционные изменения могут возникать только путем взаимодействия уже существующего материала с внешней средой.

Далее, я должен заявить, что неправильно считать сторонниками автогенеза лишь каких-то отдельных представителей генетики. Наоборот, большая часть генетиков держится автогенеза. Я укажу на Бетсона, Ланга, Давенпорта, Филипченко и др. — они составляют основной кадр генетиков. Но если среди них есть и сторонники влияния среды непосредственно на половые клетки, то мы этого не отрицаем и вовсе не хотим смешивать всех в одну кучу.

Что касается, в частности, т. Серебровского, то я утверждаю, что т. Смирнов, когда цитировал его, отнюдь не собирался его дискредитировать, как это указывали, а пользовался его статьями только для того, чтобы привести пример изменения взглядов генетиков в одном частном случае. Подобно т. Серебровскому, метаморфозу испытывают многие генетики, и это, конечно, положительная сторона. Мы считаем, что в этом направлении должны измениться все генетики.

Из речи т. Левита можно было заключить, что генетика в настоящее время разрешает все вопросы, и что это самая совершенная дисциплина. На самом же деле не только у нас, но и за границей она подвергается жесточайшей критике; многие говорят о кризисе генетики, например, Берталанфи, Дембовский и др. Хромозомная теория, в частности, отнюдь не так непоколебима, как это хотел изобразить т. Левит. Здесь есть много фактических данных, но много и теоретически ложных построений. Большие затруднения генетика встречает и при объяснении вопросов механики развития.

Теперь перейду к некоторым данным по существу. Среди обвинений, которые предъявляют ламаркистам, выделяются два главных (сделанные вчера т. Левиным и т. Аголом). Первое заключается в том, что ламаркисты будто бы не могут материалистически объяснить происхождение целесообразных приспособлений органического мира, и, второе в том, что они не могут, якобы, обойтись без нематериалистических представлений при объяснении адэкватного наследования приобретенных признаков, т.-е. передачи потомкам тех признаков, какие приобрели их родители.

Мы эти обвинения не принимаем, мы с ними не согласны. По нашему мнению, тот и другой вопрос можно разрешить чисто-материалистически, оставаясь на ламаркистской точке зрения. Я остановлюсь на обоих.

Во-первых, о целесообразности. Напрасно наши оппоненты считают, будто ламаркистам необходимо утверждать, что все изменения, которые приобретает организм под влиянием среды, должны быть обязательно целесообразны. Ламаркисты знают огромное количество случаев, когда среда оказывает вредное влияние на организм. Но они находят, что определенная среда, оказывая определенное влияние на организм,— вызывает определенный результат. При этом встречаются такие формы среды, которые допускают массовое выживание, благодаря приспособлению организмов и, наоборот, другие формы среды, которые вызывают массовое вымирание. Это вопрос очень большой и специальный — здесь на нем, я думаю, не следует больше останавливаться. Однако, никто не сможет сказать, что такое допущение будет нематериалистическим.

Теперь — проблема адэкватности. Чем объяснить, что потомки организмов, как мы утверждаем, часто получают те самые признаки, которые приобретают их родители? Это не такой вопрос, на который можно ответить в двух словах. И напрасно т. Левит требовал от т. Смирнова, чтобы тот в несколько минут объяснил этот сложный механизм. Я только хочу, чтобы не говорилось, будто таких объяснений не дается. За последнее время, например, выдвигается теория автокатализаторов Шмальфуса и Вернера, которые на основе биохимического анализа пришли к чисто материалистическому объяснению адэкватной наследственности. Пусть наши противники опро-

вергнут эту теорию, вместо того, чтобы заниматься голословными заявлениями.

Но если бы даже в настоящее время нельзя было дать никакого объяснения механизма наследования приобретенных свойств, то из этого не вытекало бы, что эта точка зрения неверна или нематериалистична. Однако так рассуждают. В ответ на это я укажу, что пишет Энгельс о таком способе рассуждения на с. 191 «Диалектики природы»:

«То, что можно подвести под законы, что, следовательно, *знают*, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего следовательно не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задача ее ведь в том, чтобы исследовать то, чего мы не знаем».

И дальше:

«Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может объяснить, сводя непонятное ей к сверхъестественным причинам».

Я лично написал по всем этим вопросам довольно подробную статью. Сейчас она лежит в редакции журнала «Естествознание и марксизм», и я не уверен, что она появится на его страницах. (*Левит:* Можете быть уверены). Спасибо, очень рад. Дайте нам возможность говорить, мы нисколько не боимся вашей критики. (*Левит:* Мы вас ни разу слова не лишали). Я не говорю, что вы меня уже лишили слова, но до этого не далеко.

Тов. Левин вчера указал, что сторонниками ламаркизма большей частью являются палеонтологи, сравнительные анатомы и т. д. и лишь в очень небольшом числе эспериментаторы. Но ведь это обстоятельство не имеет в себе ничего отрицательного. Наоборот, мы как раз считали, что эти материалы могут и могли служить доказательствами ламаркизма. (*Левин:* Вот как!). Мы считаем, что эволюция есть процесс чрезвычайно длительный, многовековой. Правда, в нем имеют место ускорения, замедления, скачки и остановки. Но в общем это процесс весьма долгий. Поэтому мы не думаем, чтобы в пробирке, скрещивая мух в течение нескольких поколений, можно было бы произвести эволюцию искусственно. Здесь палеонтология, сравнительная анатомия и другие науки могут дать очень многое для объяснения хода эволюции, тогда как эксперимент может выяснить только некоторые предпосылки, дать только намеки на эволюцию.

На основании сказанного я могу также ответить т. Левиту, отчего наша лаборатория за три года своего существования не испекла стольких работ, сколько сделал т. Серебровский за короткое время. Это зависит от самого характера изучаемых явлений. Если мутации могут быть получены путем недельного освещения рентгеновскими лучами, то получить эффект наследования приобретенных признаков в такое время нельзя. В частности все знают, что Каммерер работал над одним объектом 10 лет, а над другим 12. Мы полагаем, что нам не придется столько ждать, но думать, что можно, например, получить два-три поколения саламандры в течение одного месяца, бесполезно. (*Левин:* Мы вас не ограничиваем саламандрой). Вы прекрасно знаете, т. Левит, почему мы остановились на саламандре, но мы занимаемся и не только ею. И, вообще говоря, неверно, что мы не продвинулись вперед. Осенью мы сдадим в печать три больших работы, в которых мы исследуем разные объекты и вопросы.

Теперь, в 1001 раз об Энгельсе. Наши оппоненты очень сердятся, когда мы говорим о нем, но они сами обращаются к нему, и мы отвечаем. Контр-ответа мы до сих пор не слышали. Никто нас не заставит признать, будто мы пользуемся ламаркистскими воззрениями Энгельса для доказательства самой этой теории. Мы выдвигаем цитаты из Энгельса только тогда, когда хотим доказать, что Энгельс считал ламаркистские взгляды согласными с диалектическим материализмом. Упрекать же Энгельса в недостаточном понимании диалектического материализма, я думаю, никто не будет.

Сходное можно сказать и о Дарвине. Мы к Дарвину стоим гораздо ближе чем наши противники. Мы совершенно не согласны называть их дарвинистами, — они типичные вейсманисты. Дарвин признавал определенное влияние среды и наследование приобретенных свойств.

Теперь несколько слов о личных выпадах т. Левина против меня. Вчера он утверждал, что я поддерживал на съезде зоологов виталиста Любищева. Я принужден сказать, что это утверждение ложно или, буду надеяться, — спутано. Я выступал в прениях по докладу Любищева, *против витализма и автогенеза*, защищая ламаркизм. Здесь присутствует один, более объективный свидетель, Б. М. Завадовский, который может это подтвердить.

Далее, т. Левин обвинял меня в том, что я на том же съезде не принял участия в голосовании относительно склоки двух профессоров. Я ему неоднократно заявлял, что не видел в этой склоке ни научного значения, ни политического, а только личное.

Таким образом, мы видим, что т. Левин весьма неразборчив относительно качества употребляемых им аргументов.

В заключение я скажу, что наша группа стоит против всякого механического перенесения данных ламаркизма или вейсманизма в области объяснения социологических и политических процессов. Мы лично никогда не высказывали сочувствия такого рода приемам и здесь публично это заявляем. Всякая ссылка как на Ленца, так и на других, не представляет для нас аргумента ни за, ни против нашей

точки зрения. Но мы считаем, что такого рода явления имеют большой исторический интерес.

В заключение я заявляю, что мы не согласны с правомерностью решения научных вопросов по большинству голосов. Поэтому, даже если наши противники приготовили нам карьеру Каммерера и загонят нас в научное подполье, мы будем продолжать нашу работу до последнего остатка сил.

М. ЛЕВИН

Товарищи, в своем сегодняшнем утреннем докладе Отто Юльевич предложил мне осветить состояние биологии в целом, притом в разрезе, который бы соответствовал рамкам его доклада. Это поставило меня в очень затруднительное положение вследствие моей неподготовленности к такому выступлению.

Для выполнения этой неожиданной задачи, которой меня нагрузил Отто Юльевич, прошу предоставить мне полчаса.

Перед тем как перейти к характеристике состояния биологии на Западе и у нас, я бы хотел сначала в двух словах ответить т. Вермелю по одному частному вопросу, по пресловутому вопросу о нашем отношении к Энгельсу. Когда говорят об отношении Энгельса к теории эволюции, то наши механисты всегда противопоставляют нам ту статью, в которой Энгельс говорит о происхождении человека от обезьяны путем приспособления обезьяны к процессам труда, причем функциональные изменения руки и органов, связанных с возникновением речи, передаваясь по наследству, и вызвали преобразование антропоморфной обезьяны в человека.

Товарищи, эта проблема настолько серьезна, что требует самого тщательного анализа. Для того, чтобы научно обосновать такую гипотезу с той тщательностью, которая всегда отличала Энгельса в тех случаях, когда он разбирал сложный вопрос, необходимо учесть *все данные современной науки*. Этот вопрос теперь должен решаться в плоскости достижений следующих дисциплин: физиологии органов речи и физиологии руки (включая сюда и рефлексологию), генетики, сравнительной анатомии и палеонтологии. Ведь мы теперь знаем гораздо больше об обезьяньих предках человека, об их строении и распространении, нежели знал Энгельс. Но этого еще недостаточно. Мы еще должны учесть и данные палеографии, археологии и предпостории. Наконец, должны быть использованы и современная этнология и социология, и только тогда мы можем дать серьезную разработку этой проблемы. Считать же одну догадку, одну гипотезу интегральной частью учения Энгельса, необходимым элементом марксизма — мы отказываемся. Кроме того, следует отметить, что *в основе своей* гипотеза Энгельса приемлема и для дарвинизма. Подчеркнутая Энгельсом огромная роль трудовых процессов в происхождении человека не подлежит сомнению и никем из нас не оспаривается. Вопрос состоит в том, каким *путем* этот процесс осуществлялся, *как* закреплялись его результаты. Мы считали, что процесс очеловечивания обезьяны *не* требует введения в эволюционное учение иных факторов, кроме мутации, трансгенации и селекции.

Перехожу к своей основной теме. Предварительно я хотел бы обратить ваше внимание на значение наших заседаний для международного пролетариата, для Коммунистического Интернационала. Товарищи, Коммунистический Интернационал в настоящее время имеет только один научный центр — Коммунистическую академию. Мне кажется, что мы не всегда учитываем то, что мы в области теории являемся руководителями и ответственными работниками не только пролетариата СССР, но и передовых отрядов всемирного рабочего класса, что в нашу задачу входит пропаганда идей диалектического материализма также и в капиталистических странах. Это накладывает на нас сугубо большую ответственность. Это означает, что мы с нашей продукцией должны выступать на Западе, так чтобы не только продвинуть марксизм в массы, но и заинтересовать передовые элементы буржуазных ученых, заинтересовать в особенности молодых, а затем даже привлечь их на сторону марксизма. Это особенно трудно в области естествознания. В других областях мы уже имеем определенные и крупные достижения. Мы перевели на иностранные языки целый ряд трудов, вышедших из стен Коммунистической академии из области экономики, истории и философии. В области же естествознания нами еще ничего не сделано, между тем ко мне неоднократно обращались товарищи из братских коммунистических партий с просьбой ознакомить их в переводах на немецкий или английский язык с нашими работами по естествознанию, дабы облегчить им борьбу с пышно расцветшим идеализмом в естествознании. Дело в том, что до сих пор на Западе *марксистской* научной литературы по естествознанию не было и нет. Германская социал-демократия в довоенное время являлась руководящей социал-демократией во Втором Интернационале. Ее теоретический орган «Die Neue Zeit» играл огромную роль в пропаганде идей марксизма, но и «Neue Zeit» естествознанию почти не уделял никакого внимания. В лучшем случае в «Neue Zeit» изредка появлялись рецензии на естественно-научные книги, притом рецензии чаще всего в духе или вульгарного материализма или же махизма. В последние годы перед войной в германской социал-демократии отчетливо выкристаллизовалось сознательно махистское течение в лице Экштейна и Фридриха Адлера, проводивших махизм во всех своих статьях по естествозна-

нию. В области биологии они же проповедывали идеалистический психо-ламаркизм. Таково положение и сейчас. Каутский с своем большом труде „Die materialistische Geschichtsauffassung“ также опирается на ламарксистов, делая лишь несколько несущественных оговорок. Следовательно, товарищи, наша работа должна распространиться и на область критики социал-демократического естествознания. В виду ограниченности времени я в дальнейшем остановлюсь более на том, что характеризует биологию Западной Европы и лишь бегло коснусь СССР.

Товарищи, биология среди естественных наук занимает особое положение. В ней в гораздо большей степени нежели в неорганических науках сталкиваются вопросы, имеющие непосредственное отношение к классовой борьбе, к общественным наукам и к идеологии социальных групп. Поэтому борьба воззрений и течений в биологии имеет чрезвычайно острый характер. Ведь из этих воззрений вытекают всевозможные практические выводы, часто даже определенные политические требования, напр. в так называемой расовой гигиене, в евгенике, в вопросах школьного преподавания, в отношении к церкви и т. д. И наоборот, политика со своей стороны внедряется в биологию, направляя ее в определенное русло исследования и извлекая из нее определенные доводы в пользу классового господства капитала. Отсюда, товарищи, то идейное беспокойство, та идейная сумятица, та исключительная пестрота направлений, ad hoc создаваемых теорий и быстро чередующихся течений, которые мы наблюдаем в биологии капиталистических стран. Не вооруженному лупой марксизма наблюдателю эта пестрота представляется настоящим хаосом. Марксистский анализ, однако, вскрывает в этом хаосе две стороны развития биологии:

I. Закономерное отражение борьбы социальных противоречий в современном капиталистическом обществе в послевоенный период, когда буржуазия превращается в умирающий класс, все больше и больше разлагается, теряет свое господство над массами, теряет свою историческую миссию, теряет тем самым и свою некогда более или менее единую и прогрессивную идеологию.

II. Огромный положительный рост, бурное развитие всех, без исключения, дисциплин биологии, как в направлении теоретического углубления, так и совершенно исключительной дифференциации биологии в целом. Это обстоятельство усиливает разноголосицу и многообразие течений. Часто целое новое течение возникает даже на основе какого-нибудь одного открытия.

Для современной биологии, т. е. для биологии XX века, особенно для биологии послевоенного периода, наиболее характерно, по-моему, следующее:

1) Чрезвычайно быстрый темп и разносторонность развития точных методов исследования. Сюда относятся, напр., экспериментальная биология с ее механикой развития, физиологией формообразования, рефлексологией, генетикой (вариационная статистика, менделизм, селекция, экспериментальная цитология), а также те дисциплины, которые преимущественно опираются на успехи физики, физической химии, коллоидной химии и биохимии;

2) Усиление старого антагонизма между витализмом и механизмом с одной стороны, и дарвинизмом и ламаркизмом с другой. Под ламаркизмом я здесь разумею ламаркизм всех оттенков: как эктоламаркизм, так и психоламаркизм и ортогенетический ламаркизм;

3) Рост попыток электрического применения борющихся лагерей;

4) Возникновение истинно синтетических и даже стихийно диалектических систем на материалистической основе;

5) Быстрое возрождение идеалистических и мистических направлений, особенно в Германии, Австрии, Голландии, в последнее время и в Англии и во Франции.

В зависимости от общего уровня естествознания, от требований, предъявляемых биологии со стороны промышленности, сельского хозяйства, медицины и со стороны классовой борьбы, перечисленные мною пять черт выявляются с различной рельефностью. Например, антагонизм между виталистами и механистами, дарвинистами и ламаркистами особенно резко выступает в Германии, Австрии, Голландии и Франции, менее резко — в Англии, Соединенных Штатах, Японии, а также — по другим причинам — в латинских странах, в Италии и Испании.

Усиление идеализма в биологии вызвано следующими причинами:

а) Общим социально-политическим кризисом после войны (расшатанность всех хозяйственных устоев, необходимость скорейшей экономической стабилизации, требующей со своей стороны решительного, форсированного наступления на революционный пролетариат, а следовательно и на материализм, и поощрения распространения в массах идеалистических и даже мистических идей);

б) Кризисами в других областях науки, в частности кризисом в физике, в психологии и в медицине, загнанных чисто-механистическим мышлением в тупик и ищущих выхода из него в апелляции к разного рода модным идеалистическим философским школам;

в) Расцветом идеализма и метафизики, вплоть до спиритизма, в буржуазной философии. Среди «новых» течений особенным почетом пользуются фикционализм, т. н. философия «Как будто», имеющая свой собственный журнал, в котором, между прочим, главную роль играют естественники (математики, физики, биологи),

интуитивизм, феноменализм, неокантианство, прагматизм и эмпириокритицизм. Эти течения всячески эксплоатируют в свою пользу только что упомянутые мною кризисы в физике, математике и психологии;

г) Объективным усложнением всех проблем, вызванным колосасльным количественным ростом наших зданий, увеличением числа принципиально новых открытий и чудовищной специализацией, охватывающей все области биологии и создающей ряд новых проблем и принципиальных затруднений в стремлении согласовать новые открытия со старыми воззрениями, уже более неадэкватными новым данным.

Таково, товарищи, положение в биологии на Западе в общих чертах.

Теперь разрешите подробнее осветить один из перечисленных моментов, именно то тормозящее развитие биологии значение, которое приобрела в настоящее время буржуазная философия. Буржуазная философия на Западе уже давно потеряла свой авторитет высшей инстанции в вопросах мировоззрения, гносеологии и метода. Ту огромную, организующую общественную и классовую идеологию, роль, какую она играла в эпоху выступления буржуазии на арену истории, как передового, воинствующего класса, в лице таких мыслителей, как Спиноза, Локк, Декарт, Юм, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель, наконец, Фейербах и — si parva licet componere magnis — даже Штрауса, Молешотта, Бюхнера и Геккеля, олицетворявших в представлении некоторых слоев радикальной интеллигенции действительный прогресс (особенно Геккель), она уже более не играет. Это ее значение исчезло безвозвратно. Теперешняя мечущаяся во все стороны, оторванная от поступательного хода общественного развития буржуазная философия превратилась в постоялый двор для всевозможных спекулятивных систем, оторванных от великих задач исторического прогресса. В частности, в Германии каждый приват-доцент считает своей священной обязанностью выдумать себе свою собственную философскую ситему, чтобы оправдать свое никому не нужное существование. Отсюда прогрессирующее бессилие буржуазной философии в ее попытках дать синтетическое и монистическое мировоззрение, согласованное с прогрессом науки, ее полная неспособность дисциплинировать методологию и углубить гносеологию. Отсюда вытекает также ее огромное значение в теоретической биологии в смысле развращения теоретической мысли и запутывания методологических проблем. Возникают всевозможные «философии биологии». Биологов можно распределить по шести группам. *Одна группа*, вместе с многочисленными философами, *пятится назад*, призывая вернуться то к Канту, то к Гёте, то к Шопенгауэру, то еще подальше назад, к Аристотелю или Платону. Главный лозунг

этих биологов гласит: «Назад!». *Другая группа* считает, наоборот, что нужно итти вперед, но *вперед без всякой философии*, вернее, что нужно создавать самостоятельную *биологическую* философию. *Третье течение*, охватывающее большинство биологов, считает философию и общие методологические рассуждения праздными для своей науки делом. Это направление возвращается к старому французскому лозунгу начала XIX в. «Факты, только факты!» с его горделивыми: «Nous ne faisons pas des hypothèses!». По существу это сторонники ограниченного эмпиризма и утилитаризма, разновидность американского прагматизма, философии money makers, эдиссонизма. *Четвертое направление* — эклектики. Эклектизм, будучи линией наименьшего сопротивления, пользуется большим почетом среди биологов. Это конгломераты всевозможных модных систем: фикционализма, релятивизма, интуитивизма, феноменализма, позитивизма и др. *Пятая группа* — это уже отъявленные, откровенные мистики, оккультисты, спириты и т. п. Я не выделяю в особую группу агностиков и скептиков, так как они всегда принадлежат к одной из уже перечисленных пяти категорий.

Что касается диалектико-материалистических тенденций в биологии, то число их растет, причем — что очень характерно — возникают они на Западе не на почве философии, а из недр самой биологии, задавая философии ряд новых проблем. У нас в СССР, наоборот, философия, в данном случае диалектический материализм, сохранила за собой роль направляющего общую методологию начала. У нас биология — впрочем и всё естествознание — методологически в первую очередь подвержены влиянию уже сложившейся у нас школы философски дисциплинированных товарищей, школы диалектического материализма. У нас *философия* диалектического материализма оплодотворяет биологию в то время, как на Западе стихийно-диалектическая *биология* — впрочем и в данном случае всё естествознание сильно влияет на философию. Характерно, далее, что как в математике и в физике, так и в биологии в общем и целом, по сравнению с прежним, у нас сейчас гораздо больше интересуются философией и методологическими проблемами в других областях науки, нежели раньше. И обратно, наши философы усиленно теперь следят за дискуссией вокруг основных и принципиальных вопросов естествознания, в частности в биологии. Это происходит и на Западе. В этом явлении имеются однако и плюсы и минуты. Плюс заключается в том, что, уделяя особое внимание общеметодологической стороне своей науки и философии, биологи, тем самым выходят из своей замкнутой ограниченности, начинают сознавать необходимость теоретической смычки биологии со всеми другими науками, а также необходимость анализа основных понятий и категорий биологии в системе научного познания вообще; минус тот, что буржуазные биологи, в качестве руководителей в теории

познания, берут себе философов-декадентов, запутавшихся в дебрях собственных систем. Мы наблюдаем то, на что указывал уже Энгельс; естественники оказались пленниками худших философских школ. Собственно биологические направления, отбрасывая эклектиков, примерно следующие. Я ограничусь примерами, главным образом, из немецкой биологии; конечно, подобные примеры можно привести и из жизни Англии, Америки, Франции, Италии и т. д.

Во-первых: механисты или вульгарные материалисты вроде Коген-Кюспера, Леба, Пшибрама, Вейса и других. Это — откровенные механисты, все жизненные процессы сводящие к физике и химии, а структурные особенности живого организма объясняющие ссылкой на аналогичные явления в кристаллах, растворах и т. п. Объяснить явление, по мнению этих механистов, означает дать физико-химическую модель явления. Возьмите, напр., учебник физиологии Оппенгеймера и Вейса. Во втором томе, озаглавленном „Biophysik" автор, директор кенигсбергского физиологического института, проф. Вейс пишет: «Задача физиологии состоит в исследовании жизненных явлений. Общее определение понятия жизни в данное время еще невозможно. Наука лишь тогда будет в состоянии его дать, когда явления жизни окажутся сведенными к механике молекул и атомов». Мы здесь имеем четкую, механическую формулировку, подобную формулировкам Гюйгенса и Декарта, а в XIX в. лорда Кельвина, Гельмгольца, Гертца и др. Количество сторонников подобных механистических воззрений прогрессивно убывает;

Во-вторых: виталисты, в широком смысле слова. Их — легион. Количество их растет со дня на день. По их мнению, организм является автономной системой, системой sui generis, противопоставляемой ими всей остальной природе или же объединяемой с ней постулированием единого психического начала. Организм это «*интенсивная*» система, в отличие от «*экстенсивной*» системы неорганической природы, сущность жизни трансцендентна и имманентно телеологична. Все представители этого течения, кстати сказать, антидарвинистам. Виталистов можно подразделить следующим образом:

а) *Виталисты в узком смысле слова,* т. е. сторонники жизненной силы или энергии (доминант и т. п.), подчиняющейся, однако, первому и второму закону термодинамики;

б) Виталисты, отвергающие жизненные силы лишь для того, чтобы ввести в биологию в качестве абсолютного, регулятивного начала «*внепространственные интенсивные*» *факторы.* И эти господа распространяют на организм второй и первый закон термодинамики, однако, их «интенсивные» факторы сами не находятся в пространстве, но действуют «в пространство»;

в) *Субъективные идеалисты, сторонники «психоидов».* Основу жизни составляют психика, воля, élan vital и т. п. факторы, известные нам лишь по собственным переживаниям (аффектам, эмоциям, восприятиям и т. д.). Сюда относятся и т. н. психоламаркисты;

г) *Метафизики-танатологисты* (Ehrenberg), рассматривающие все жизненные процессы с точки зрения выявления в них тенденции к смерти; высший принцип, это — «тоска по смерти»;

д) *Номогенетики и автогенетики.* Эволюция организма объясняется имманентной направленностью, определяемой внутренним телеологическим началом;

е) «*Практические виталисты*» (представленные у нас профессором Гурвичем). Они защищают методологический дуализм, согласно которому, непознаваемое является предметом философии, познаваемое же должно исследоваться в лабораториях при помощи особых эвристических понятий и методов. Сущность жизни непознаваема. Жизнью управляет энтелегия. Краткая формула такова: «В качестве естествоиспытателя я говорю: организм мне дан; в качестве натурфилософа: он сотворен!»;

ж) *Сторонники психофизического параллелизма.* Все специфически жизненные процессы в организме протекают параллельно неорганическим;

з) *Виталисты-панпсихисты,* одухотворяющие всю вселенную;

и) *Виталисты-эктрописты.* Эта школа утверждает, что в отличие от неорганической природы, в которой происходит процесс рассеяния энергии, господствует второй закон термодинамики, организм является системой, компенсирующей эту энтропию, системой *эктропической,* аккумулирующей энергию. (Это направление не следует смешивать с теми эволюционистами-*материалистами,* которые справедливо подчеркивают необратимость *эволюционного процесса,* отказываясь в то же время признать за ним имманентную направленность).

В-третьих: чистые, откровенные мистики. Среди них мы встречаем сторонников «чуда» («не противоречащего естественному порядку вещей, так как оно стоит *над* ним») и «всемогущего творца» (Кранихфельд и др.), затем апостолов спиритизма и оккультизма («парафизика» Дриша), проповедников «еввитализма» (Euvitalismus), опирающегося на учение о «метафеноменальном», на «галлюцинации» и «женскую субстанцию» (профессор венского университета зоолог Карл Шнейдер), пропагандистов взгляда о совпадении библейских фантазий с данными эволюционного учения (Дакэ, Деннерт, Васман и проч. и католические и протестантские попы-естественники, в специальных областях естествознания не редко дающие превосходные экспериментальные исследования), сторонников бога как высшего критерия «исторического познания» (Майер) и, наконец, одного чудака-агностика, считающего вопрос об эво-

люции — будь то божественной или естественной — вообще не подлежащим познанию (известный антиэволюционист Флейшман).

Товарищи, мое время истекло и я должен попросить еще пару минут для того, чтобы закончить свой обзор. Постараюсь быть кратким.

Должен упомянуть еще о *четвертом течении* в биологии, которое содержит в себе много ценного и для нас, марксистов. Я имею в виду разнообразные направления *синтетического и стихийно диалектического материализма в биологии.*

Это течение еще не оформилось. Оно развивается, вырастая из разных биологических дисциплин. Его характеризуют следующее: признание качественного своеобразия предмета, областей и методов исследования в биологии на почве основных положений материализма, подчеркивание специфичности реальных и объективных биологических закономерностей. Это течение сильно в критике, но значительно слабее в положительной, творческой части. Его представители часто скатываются либо в идеализм, либо в эклектизм, либо в разного сорта позитивизм, либо, наконец, в скептицизм и агностицизм. Сюда относятся, т. н., структурная теория Gestalttheorie, бихэвиоризм, синтезиология Гейденгайна, исторические и критические труды С. Чулока и ряд исследований в духе критического реализма.

Особняком стоит проф. Шаксель в Иене, подробно ознакомившийся с работами Энгельса в Институте Маркса и Энгельса и даже намеревающийся читать в этому году в иенском университете специальный курс по «диалектике природы». Этот зоолог сознательно стремится применить диалектический материализм в биологии.

Остается бегло охарактеризовать положение у нас в СССР. Я ограничусь перечислением главных тенденций. Следующие течения имеют у нас своих представителей:

1) *Механисты.* Их можно разбить на такие подгруппы:

а) Ультрарефлексологи,
б) Сторонники Ледюка, Лизеганга и т. п.,
в) Механоламаркисты,
г) «Машинисты» (организм не механизм, а машина).

Механистов у нас, пожалуй, большинство, во всяком случае большинство наших биологов популяризаторов. Сюда относится и Тимирязевский Институт;

2) *Эклектики и просто путаники.*

Среди эклектиков выделяется школа апостолов т. н. «каузально-аналитического метода», якобы диктуемого экспериментальной «эмбриологией», «механикой» или «динамикой» развития. Эклектиками следует считать также и тех апологетов *исторического* Дарвина, которые требуют паритетных прав для современной генетики и ламаркизма;

3) *Реакционные эвгенисты* буржуазного толка;

4) *Виталисты.* Эта фракция у нас держится в тени. Все же имеются достаточно выпуклые фигуры и виталистов-идеалистов. Таковы:

а) «Практические виталисты» (школа Гурвича) и
б) Номогенетики типа Берга, Соболева, Любищева.

Я оставляю в стороне старых наших виталистов вроде Лосского, Карпова и др.;

5) *Диалектические материалисты.* Это течение все более и более усиливается и группируется в Москве вокруг руководящего ядра марксистов в Обществе биологов-материалистов и Обществе врачей-материалистов, журнала «Под знаменем марксизма», а теперь еще и нового журнала «Естествознание и марксизм»; в Ленинграде вокруг тамошней группы марксистов-философов (тт. Тымянский, Гоникман, Ширвиндт, Куразов, Презент), в Харькове вокруг Воинствующих материалистов с тт. Поляковым и Финкельштейном во главе.

В заключение — пару слов об истории естествознания. Товарищи, при Коммунистической академии год с лишним тому назад основан Кабинет по истории естествознания. В отношении *марксистского* изучения истории естествознания положение у нас чрезвычайно трудное, по разным причинам. Главная причина та, что нет людей, готовых и могущих всецело посвятить себя этому делу. В истории естествознания более чем где-либо нужно уметь выявить преимущества исторического материализма над идеалистическими методами исторических наук. Возьмем хотя бы известные биографии замечательных естествоиспытателей, написанные буржуазными историками. Все они лишены основного, того, чего в первую очередь требует марксизм: выявления связи идей, открытий, миросозерцания и деятельности данного крупного ученого с идеями его эпохи, с общественной динамикой его класса, с развитием потребностей производительных сил в промышленности, сельском хозяйстве и т. д. Нет картины генезиса и обусловленности идей и открытий. В этой области, товарищи, мы, естественники, еще отстали, еще только начинаем работать. Чрезвычайно интересная работа в этом направлении предстоит нам — мне кажется — в частности и в СССР. За отсутствием времени я к сожалению лишен возможности ознакомить вас ближе, напр., с такими произведениями как книги Попова «Жизнь как движение», вышедшей в 1882 г., и Быкова «Мир реальный и мир идеальный», помеченной 1878 г. Особенно последняя, на мой взгляд, представляет исключительный интерес. Эти сочинения интересны не только как образцы своеобразного русского материализма 70-х, 80-х годов, но также — с точки зрения наших

споров с механистами — и актуальностью проблем, трактуемых ими. Я обращаю внимание Абрама Моисеевича на эти сочинения и думаю, что он в них найдет не мало любопытных мыслей. Попов механист. Я лишен возможности процитировать вам ряд мест, которые показывают, что этот малоизвестный автор при всем своем механизме стоял гораздо выше наших теперешних механистов и во многом приближался к диалектическому пониманию явлений. Замечательное сочинение Быкова поражает глубиной ряда формулировок по методологии естествознания. Быков подробно разбирает взгляды крупных философов на жизнь и особенно много внимания уделяет Гегелю, которого он защищает против Канта. Отвергая идеализм Гегеля он в то же время подчеркивает гениальность этого философа и значение его диалектики для материалистического понимания природы. Я не знаю, кто такой, этот Быков, и постараюсь собрать о нем биографический материал. Буду очень благодарен за всякую информацию и помощь в этом деле. Я думаю, товарищи, что исторические раскопки на территории нашего Союза осветят много интересных явлений в развитии естествознания в России. Здесь перед нами еще непочатый край работы, и я всех вас призываю и прошу всячески содействовать начатому нами делу создания марксистской истории естествознания. Без изучения развития естествознания, без истории методологии и понятий естественных наук трудно будет основательно разобраться в современных сложных, крупных и актуальных философских спорах и тех проблемах, которые выдвигает современная наука.

В. ЮРИНЕЦ

Товарищи, прежде всего, я хотел бы рассеять некоторые недоразумения, которые могли здесь возникнуть. Я помню очень хорошо исторически возникновение этого вопроса об Эйнштейне, и должен засвидетельствовать здесь, что в лагере диалектиков не было враждебного отношения к Эйнштейну. Например, я сам — деборинец, в Институте красной профессуры читал курс о теории относительности, я сам выступал против Тимирязева в МК и т. д. Так что в этом отношении не было враждебного отношения к физической теории. Были некоторые возражения с точки зрения методологии, с точки зрения махизма, который есть у Эйнштейна, и т. д. Это — дело прошлое, но я хотел здесь подчеркнуть для констатации исторической истины.

Конечно, теперь теория Эйнштейна является одной из основ современного естествознания и эта теория имеет для нас большое значение тем, что она ставит большие проблемы. Я хочу сказать, что современное естествознание отличается тем, что оно не только

подтверждает материалистическую диалектику, но оно ставит перед диалектикой большие запросы. Я скажу, что если присмотреться к современному естествознанию, то уже нехватает тех диалектических категорий, которые указывал Гегель, что в этом отношении мы должны пойти дальше и работа наша над Гегелем должна заключаться не только в материализации Гегеля, но в расширении круга, так сказать, категорий. Если присмотреться, например, к проблеме пространства в современной физике и присмотреться к тому, что Гегель говорит о пространстве, то ясно, что здесь мы видим большое несоответствие.

Если внимательно присмотреться к современному естествознанию, мы видим, что мы должны итти дальше. Теперь мы находимся в таком странном положении, что мы не имеем орудия мышления для фактов физики. Я думаю, что здесь получается положение, совершенно противоположное, чем оно было когда-либо раньше — было положение такое, что философия немного забегала вперед в такой фантастической форме, как напр., у Лейбница.

Теперь я думаю обратное, что философия в этом отношении отстает, в отношении выработанной системы категорий. То же самое, если присмотреться, например, к современной математике. Мы знаем, что в этом отношении существует тоже кризис. Кризис идет по двум линиям: он идет по линии основания дифференциального исчисления. С другой стороны, кризис заключается в том, что не хватает математического аппарата для охвата физических явлений, нехватает, он не разработан. Это мы видим при последних работах Эйнштейна. Кроме того, организуется новое направление математики, новый тип математики, топология, которая имеет совершенно иной характер. Здесь значение философии очень большое и значение диалектического материализма.

Значит, таким образом мы видим целый ряд, цепь взаимодействий, очень плодотворных, если, конечно, у нас пойдет большая философская работа, а эта большая философская работа теперь именно нужна.

Теперь я хотел бы коснуться еще некоторых других вопросов, о которых здесь говорилось, например, вопроса о фрейдизме. Действительно, с фрейдизмом случилось то, что отчасти случилось с теорией Эйнштейна. Именно благодаря тому, что фрейдизм был сразу переброшен на социологическую почву. Я в свое время писал против фрейдизма, именно против социологических умозаключений из фрейдизма, социологических всяких дедукций, но в той же статье я подчеркивал, что фрейдизм как некоторый метод, как особое подчеркивание некоторых фактов имеет все-таки большое значение. Конечно, фрейдизм имеет значение, как некоторая психологическая, не скажу, теория, но как некоторое подчеркивание, обращение внимания на некоторые факты. Фрейдизм, например, в своем перво-

начальном издании, в чисто психоаналитическом виде подчеркивал большое значение законов причинности, которую он дальше истолковывал совершенно механистически, причинность там не принимала механического характера. Он подчеркивал большое значение подсознательного. Конечно, база подсознательно-сексуальная неправильна, но мы все-таки должны значение подсознательного и теперь подчеркнуть и это понятие развить, конечно, не на фрейдистской основе. Потом фрейдизм придает большое значение явлению переодевания, если сказать такое слово, большое значение символике как некоторому механизму наших психических процессов. Это явление без сомнения существует, хотя фрейдистское истолкование его неправильно.

Уже один тот основной факт, что наши понятия являются совокупностью, которой соответствует масса реальных вещей, — это уже указывает на то, что некоторые процессы символичного характера не в буквальном смысле этого слова существуют. Те же самые явления мы имеем и в области идеологии. Значит, ошибка Фрейда и в особенности фрейдистов заключается в том, что они хотели дать социологическую теорию, хотели или дополнить или противопоставить себя Марксу. С другой стороны, ошибка методологическая, — и в этом отличие между фрейдизмом и марксизмом, в их биологизме. Все-таки объяснение социальных явлений они базируют на биологическом процессе и на биологизме, этот биологизм — основная их категория. В этом смысле мы должны выступать против фрейдизма, но мы должны некоторые факты, некоторые наблюдения Фрейда понять и истолковать их.

Так, например, в таком понятии, как значение символа мышлений, Фрейд имеет большое значение и это должно быть нами использовано.

В связи с этим возникает масса других вопросов, которые можно назвать проблемами психологии с точки зрения диалектического материализма.

Я, товарищи, очень много думал над всеми направлениями современной психологии, над всеми направлениями, которые претендуют на диалектико-материалистическую психологию. И я должен сказать, что в этом отношении нет ясности. Если взять рефлексологию, то недостаток рефлексологии заключается в том, что она слишком быстро деморализовалась. Если присмотреться к бехтеревской рефлексологии, то мы увидим, что это, собственно говоря, не рефлексология, а старая психология только в рефлексологических терминах. Что сделал Бехтерев? Он взял обычные законы, обычные психологические законы и дал им рефлексологическую терминологию. Совершенно другое — работа Павлова, которая является экспериментальной, которая дает обобщение и т. д. Но я думаю, что это направление не может еще стать базой психологии, тем более, что это направление обнаруживает механистические тенденции. То же самое и относительно всех других течений которые более или менее близко или далеко подходят к рефлексологическому учению. Я думаю, что в отношении психологии, в отношении марксистской психологии, мы должны проделать еще первоначальный путь. Я стою на той точке зрения, что у нас нет описания психических явлений. Например, нет такого обычного явления как отличие восприятия от представления. Например мы воспринимаем звук. Восприятие звука звучит, но представление звука не звучит, совсем не звучит. Обычно психология интерпретировала это явление таким образом, что представление является ослабленным ощущением. Но, товарищи, это дело не так просто, потому что представление звука не звучит слабее, чем ощущение звука. *Здесь мы имеем какой-то искусственный скачок.*

Следовательно, встает вопрос о необходимости обратить внимание на это явление. Надо прежде всего описать эти явления. То же самое, товарищи, мы должны проделать в смысле описания тех простых процессов, которые, собственно, еще не описаны. У нас нет еще описания наших ощущений, например, пространственных и т. д. Даже в буржуазной психологии, которая хвастается, что она является экспериментальной, даже в ней этих описаний нет. Мы находимся пока в начальной стадии. Мы пока больших обобщений делать не можем. Правда, мы можем уже диалектику применять к психическим процессам. И буржуазные психологи это делают, например, обращают внимание на явления законов контраста и на другие, утверждая, что каждое ощущение это уж различное, что ощущения возникают как различные ощущения, из этого делают вывод, что в каждом ощущении мы имеем перекрещивание и т. д. Мы имеем здесь много диалектических моментов. Мы должны это использовать, мы должны итти дальше. Но я думаю, что обобщений пока еще на данной стадии нашего развития делать еще нельзя. Мы стоим на точке зрения монизма. Но этот вопрос еще тоже не выяснен. Мы пока еще только можем находить аналогии, например, аналогию с движением и материей, движение является свойством материи. Например, материя не является причиной движения, движение не является причиной материи. Значит, здесь надо подыскать еще соответствующую диалектическую категорию. Эта работа тоже еще не сделана, эта работа находится в изначальной стадии. Так что я думаю, что этот общий спор относительно направления и т. д., относительно того, чем должна быть психология, это еще пока что преждевременно. У нас еще нет первоначальных накоплений материалов, которые здесь необходимы.

Теперь, в смысле смычки философии марксизма, диалектического материализма с естествознанием. Здесь, товарищи, должен

быть сделан коренной переворот. У нас основной недостаток заключается в том, что у нас все-таки нет необходимого контакта между естествознанием и философией. Я думаю, что мы должны пойти таким путем, следуя которому, было бы ясно, что философия должна изучать какую-нибудь конкретную область в естествознании, потому что с изучением естествознания вообще мы далеко не уйдем. Философия должна занять командную позицию по отношению к естествознанию. Это может быть тогда, когда мы будем знать весь остов какого-нибудь небольшого участка естествознания. Только так можно работать и только так работали, товарищи, крупные философы. В чем заключалась работа крупных философов прежнего времени Канта, Лейбница и т. д.? Она заключалась в том, что они давали идею, исходя из естествознания, давали идею в каком-нибудь участке естествознания и потом делали ошибки, генерализируя эту идею. В этом заключается ошибка идеализма, как говорил Ленин. Идеалист неправ, потому что он генерализирует единую идею. Мы эту ошибку не должны делать, но мы должны пойти таким путем, что философы должны изучать одну область, одну часть естествознания, изучая прежде всего аппаратуру (*С места:* А историю?). Если кто занимается историческим материализмом, он должен изучать историю. Но я сейчас говорю о естествознании. Но, конечно, в этом отношении смычка диалектического материализма с естествознанием здесь должна быть. Должна быть проделана в ближайшее время большая работа. Прежде всего нужно популяризовать «Диалектику природы». Я думаю, что надо издать «Диалектику природы» (*Деборин:* Это делают) с комментариями и т. д. Потом, очевидно, стоит популяризация основных идей естествознания, вроде новых идей естествознания. Значит, назрела потребность реорганизовать ту линию, которая была раньше. (*С места:* В каком виде? В каком виде вы себе представляете освещение диалектического материализма?). Дать целую серию книг, которая бы трактовала основные проблемы современного естествознания, например, проблему витализма (*С места:* Это делается). Очень хорошо. Если мы пойдем в этом направлении, мы создадим атмосферу такого сближения. Но это, товарищи, только атмосфера сближения, а я утверждаю, что должен быть тесный контакт. Мы найдем его, идя таким путем, на который я указываю, именно путем изучения отдельных областей естествознания.

Б. ЗАВАДОВСКИЙ

Отто Юльевич, осторожно говоря, что он не убежден, в какой мере положения механо-ламаркизма не отвечают законам диалектики и марксизма, проявил по отношению к ламаркизму терпимость, которой я не разделяю. Мне кажется, что надо сделать логический вывод из той дискуссии, которая была закончена вчера и окончательно констатировать, что ламаркизм является прямым перенесением воззрений механистической философии в область проблем биологии, объясняемым непониманием основных положений диалектики и тех проблем, которые конкретно встают перед нами в области применения диалектического метода к анализу эволюционного процесса.

Ламаркисты запутались в основных, узловых вопросах, в вопросе взаимодействия между организмом и средой. Они совершенно не учитывают качественного своеобразия и всей сложности той системы, которые представляют собой организм и даже половая клетка. Они протендуют на то, что весь комплекс сложнейших процессов, протекающих в этом организме, можно понять, сосредоточив все свое внимание на изучении только одной внешней среды. Как же понимается проблема воздействия внешней среды? Мы имеем три принципа, три кита ламаркизма, которые формулируются в следующих тезисах.

Первый: адекватное изменение претерпевается организмом в ответ на влияние внешней среды. То же самое положение выражено т. Вермелем в несколько иной формуле, содержащей, однако, тот же смысл: «Определенная среда дает определенные изменения». Второй принцип — это принцип зеркальности изменений, происходящих в зародышевой плазме, тем изменениям, которые наносит внешняя среда на соматический футляр. И наконец, третий — полная недооценка роли отбора.

Может показаться, что эти три приципа не имеют между собой прямой связи, но на самом деле они неразрывно связаны между собой и образуют единую систему всего мировоззрения ламаркистов. Если последние от одного из этих принципов отказываются, то по эклектическому недомыслию, а не потому, что такой связи не имеется. В самом деле, признавая определенность реакции организма на определенное влияние среды, ламаркисты не учитывают ту сложность процесса и ту динамику развития, которые в самом себе заключают живой организм и которые заставляют на определенное влияние среды отвечать самым разнообразным образом. Это недопонимания ламаркистами ответной реакции организма приводит к выводу о массовой, групповой изменчивости всех представителей данного вида в одном и том же направлении в ответ на определенное влияние среды. Призывая при этом адекватность, приспособитель-

ность этих изменений, ламаркисты должны неизбежно сделать вывод, — и наиболее последовательные ламаркисты так и делают, — они должны признать ненужность и бессилие естественного отбора и его вмешательства в эволюционный процесс, ибо если организм изменяется приспособительно, то, спрашивается, зачем нужен естественный отбор, которому нечего отбирать, который не имеет точки своего приложения. Именно так формулируют положение последовательные ламаркисты и так нужно ламаркистам защищать свою позицию перед нашей конференцией, уважая авторитетность этого собрания и не пряча свою голову, как страус, когда нужен ответ на те проклятые вопросы, которые мы обсуждаем.

Теперь посмотрим, какие выводы вытекают из этих положений, и почему ламаркисты сами запутывают себя и вступают во внутреннее противоречие сами с собой. Если мы признаем факт приспособленности организма, то этим самым мы отрицаем идею естественного отбора. Почему и как ламаркисты аргументировали это отрицание естественного отбора. Они говорят, что естественный отбор построен на принципе случайности, а каузально-аналитический метод, который может служить естествознанию, признает только причинность и не приемлет принципа случайности. Кроме того, естественный отбор есть фактор, который привлекается в целях объяснения явлений целесообразности, а целесообразность это есть понятие виталистическое. Это то понятие, которое мы не можем принять, почему и должны по мнению ламаркистов стремиться при участии каузально-аналитического метода, объяснить все явления и весь эволюционный процесс только одной ссылкой на влияние внешней среды. Что получается в результате этой декларации? А вот что. Признавая принцип приспособленности, адекватности изменений организма, в ответ на влияние внешней среды, ламаркисты загоняют понятие целесообразности внутрь самого организма, и они неизбежно приходят к лергиньянству, от которого они пытаются открещиваться, т. е. к признанию изначальной целесообразности организма и к признанию мистической способности этого организма адекватно приспособляться, отвечать на внешнюю среду. Теперь, когда ламаркисты вводят принцип зеркальности этой соматической индукции и противопоставляют эту идею в целях борьбы с преформизмом, они не понимают, что они становятся на позицию самого злостного метафизического преформизма. В самом деле, можно представить себе, что изменения соматического футляра зеркально отражаются, т. е. в той же форме отражаются на зародышевой плазме, как и на соматическом футляре, если не признавать, что зародышевая плазма представляет собой точную копию этого соматического футляра или в лучшем случае — что в ней преформированы все органы будущего организма. Если они этого не хотят понять, то пусть будут логичны и доведут эти соображения о зеркальности отображения до

логического конца. Конек, которым пользуются ламаркисты в своей борьбе с противной стороной, это есть спекуляция на позиции автогенетиков.

Позвольте отметить: марксисты-диалектики, марксисты-дарвинисты борются и боролись с автогенетиками точно так же, как с механистами-ламаркистами и в этом отношении никогда диалектики марксисты не отожествляли себя с автогенетическими теориями и с теми ошибками, которые допускал, но начинает теперь выправлять т. Серебровский, двигаясь достаточно быстрыми шагами по направлению к нашим позициям марксистов-дарвинистов. Ламаркисты пытаются обосновать свои позиции, ссылаясь на опыты Меллера, но это есть прием недостойный и незаконный: ибо что доказывают опыты Меллера, как не полное ниспровержение позиций ламаркистов, ибо вы имеете в них, в ответ на определенное влияние внешней среды, вспышку сотен мутаций, т. е. вспышку множества неопределенных изменений, которые происходят в зародышевой плазме. Вы имеете вспышку таких мутаций, которые в основной массе являются изменениями не приспособительными; я боюсь сказать, что эти изменения на все 100% не адекватны, потому что это могут лучше и точнее сказать за меня генетики.

Таким образом, именно во всех строго доказанных опытах мы имеем дело не с приспособительными изменениями, но имеем экспериментальное подтверждение того, что в ответ на изменение внешней среды происходят изменения неадекватные, изменения, которые в корне своем требуют для своего изучения не ссылки на этот вульгарный фактор — внешнюю среду, а именно требуют изучения тех сложных качественных своеобразий, которые заключены в зародышевой плазме.

Теперь — последний вопрос. Ламаркисты не хотят понять значения фактора естественного отбора. Не буду говорить о том, что эта позиция, в первую очередь, объясняется неумением методологически примирять и преодолевать этот синтез понятий закономерности и случайности, который Энгельсом достаточно хорошо освещен. Но здесь есть и другой момент. Ламаркисты пытаются нас терроризировать утверждением, якобы мы отрицаем роль внешней среды. Этого никогда дарвинисты-марксисты не говорили. Они борются с автогенетиками, утверждая, что конечным и первоначальным стимулом, дающим новые мутации, является, в конечном итоге, внешняя среда. Мы умаляем значение внешней среды действительно только в той части, где ламаркисты хотят видеть в ней некий фетиш, к которому можно подогнать все своеобразие жизненного процесса, ибо для нас организм не есть только грубый слепок внешней среды, но, сверх того, представляет собою некий высший своеобразный комплекс закономерностей. И мы далее говорим, что должны изучаться как внешняя среда, так и внутренний процесс, в высшей степени

сложный в своем течении, стоящий на высшей ступени по сравнению с внешней средой.

Но есть еще один момент, который является предметом толкования ламаркистов,— это ограниченное понимание принципа причинности и непонимание того, что на ряду с явлениями непосредственной причинности могут иметься более сложные отношения. Им не удается понять, что принцип естественного отбора и борьбы за существование является именно реальной могущественной формой вмешательства внешней среды в процессе эволюции, когда эта внешняя среда регулирует процесс не в порядке непосредственной причины, определяющей ход изменений, а в порядке последующего контроля, т. е. устранения изменений, не приспособленных к жизни. То, что внешняя среда может воздействовать на организм не только в порядке непосредственных отношений причины и следствия, но и в порядке контролирующего фактора, отбирающего и отсеивающего те изменения, которые оказались неприспособленными к внешней среде, оказывается для ламаркистов слишком сложной формой взаимодействия и потому недоступной их пониманию. Вот почему с достойным сожаления упрямством они бьют себя в грудь, повторяя избитый ими лозунг — все от внешней среды — и не понимая, что власть внешней среды с максимальной ясностью проявляется именно в форме отвергаемого ими фактора отбора.

Я полагаю, что недаром и не случайно установлен тот блок, который мы наблюдаем на Конференции между механическими материалистами и между последователями механо-ламаркизма, как здесь сегодня ламаркисты ни пытаются от этого откреститься. И нам нужно в этом отношении совершенно прочно и твердо учесть, что действительно позиции механо-ламаркизма являются в настоящее время механистической формой вульгаризации эволюционной теории, которая в значительной мере ослабляет наши позиции в борьбе за здоровое диалектическое понимание сложного процесса эволюции.

Позвольте остановиться еще на одном моменте, который многими товарищами был освещен с чисто принципиальной стороны, но недостаточно четко был поставлен в порядке конкретного анализа. Это — ссылки на знаменитые положения Энгельса, которые, якобы стоят в противоречии с позициями марксизма и дарвинизма. Ничего подобного нет. В сущности говоря, когда мы ставим вопрос о пересмотре отдельных положений Энгельса,— а я не боюсь употребить этот термин, то это значит лишь то, что Энгельс, будучи на высоте идей своего века, не мог быть одновременно специалистом-биологом, не мог перепрыгнуть самого себя, он не мог быть одновременно и Вейсманом, который еще в те времена не выдвинул своей идеи о необходимости различать судьбу телесного футляра и судьбу зародышевой плазмы. Поэтому, когда мы говорим о пересмотре положений Энгельса, то и не думаем затрагивать основных идей и методологической постановки проблемы, данной Энгельсом вопросу о происхождении и развитии человека. И когда мы возражаем против наследования приобретенных признаков, разве этим отрицается могучая роль рабочего фактора, фактора труда и социальной среды в процессе эволюции человека? Ни в какой мере не отрицается: мы только понимаем эту связь не в разрезе непосредственных отношений причины и следствия, в порядке взаимодействия, причем фактор труда, в порядке контроля и отбора наиболее приспособленных, позволял закрепляться в дальнейших поколениях тем мутациям и тем изменениям наследственных свойств, которые возникали в порядке понятий вейсманизма.

Спрашивается, что ломается в данной установке на проблему эволюции при такой, может быть более сложной, менее простой, менее доступной для примитивной формы понимания этого процесса эволюции, кроме того, что мы хотим действительно придать тем же идеям Энгельса более здоровую форму, отвечающую современным достижениям науки, а не оставаться на позициях, которые соответствовали времени 70-х годов? Поэтому, товарищи, когда пытаются на этих цитатах из Энгельса сыграть и нажить себе капитал, это конечно, только негодный прием, объясняемый упрощенным пониманием понятий диалектики и непониманием того материала, который нам дает современная биология.

Итак, резюмируя этот раздел критики ламаркизма, необходимо признать, что ламаркизм представляет собою прямое продолжение механистической философии в области биологических учений, характеризующейся теми же чертами примитивно-вульгарного и упрощенного понимания основных положений материалистической диалектики. В отношении же своих приемов борьбы ламаркисты также подражают вчерашней тактике механистов, стремясь прикрыть свое отступление с одной стороны методом заметания следов, а с другой — передергивания фактов. Именно так нужно понять их стремление убедить самих себя и своих сторонников, будто в опыте Меллера можно видеть подтверждение их позиций. Именно так нужно понять их взаимные противоречия, при которых т. Смирнов заявляет, что идея адекватности изменений не существенна для идеи ламаркизма, а т. Вермель пытается протащить ту же идею под стыдливой формулою «определенные влияния среды дают определенные изменения». Именно так следует понимать их постоянное стыдливое замалчивание роли отбора, хотя им хорошо известно, что если бы во времена Энгельса встал во весь рост вопрос: или идея наследования приобретенных признаков со всеми сокровищами ламаркизма, или отказ от идеи отбора, то Энгельс не колеблясь отказался бы от всех даров Ламарка, но сохранил бы принцип отбора. Если же наши ламаркисты действительно искренне поколебались в основных по-

ложениях ламаркизма, то пусть они имеют мужество признать свое поражение и примут безоговорочно позиции диалектически продуманного дарвинизма.

Позвольте теперь остановиться на втором вопросе, на вопросе фрейдизма и рефлексологии. Я не совсем согласен с оценкой, которую т. Шмидт дал фрейдизму в той части, которая все-таки допускает возможность возрождения фрейдизма хотя бы в той малой роли, которая с рядом оговорок была выделена ему докладчиком. Я думаю, что несомненно фрейдизм не представляет никаких дополнительных ценностей по сравнению с теми достижениями, с теми выводами, которые дает нам рефлексология,— я имею в виду не бехтеревскую рефлексологию, а учение о рефлексах Павлова, с теми неизбежными выводами, которые из него вытекают. Эта современная рефлексология, к сожалению слишком поздно ставшая известной нашей марксистской общественности, полностью покрывает, с одной стороны, и преодолевает, с другой стороны, все те отдельные основные ценные мысли, которые были вкраплены в сплошь идеалистическое и метафизическое учение Фрейда. В самом деле, поскольку речь идет о психологии подсознательного, об этом безусловно большом, может быть гениальном предвосхищении Фрейда, то фактически та же психология подсознательного может быть дана и дается фактически в интерпретации рефлексологического анализа, при том еще дополнительном условии, что рефлексология полностью преодолевает мистическое противопоставление подсознательного и сознательного друг другу. Ведь вообще у всех философов старого толка подсознательное рассматривается, как некая мистическая сущность, отгороженная от сознательного, стоящая над сознанием и довлеющая над нашим поведением в порядке высшей силы. Для рефлексологии подсознательное и сознательное являются разной степенью или разными ступенями развития одного и того же процесса, и то, что было объектом и содержанием моего сознания в один момент, становится в другой момент областью подсознательного и т. д., так же как весь тот комплекс рефлекторных связей, который был подсознательным в один момент, в следующий может стать областью моего сознания. Именно это преодоление диалектического внутреннего противоречия между понятием сознательного и понятием бессознательного есть большое достижение рефлексологии.

Теперь, поскольку речь идет о детерминизме нашего сознания и нашей психики нельзя не отметить ту исключительную односторонность, которая придается этому детерминизму Фрейдом, строящим почти всю свою схему на базе полового рефлекса, в то время, как рефлексология учитывает большое многообразие корней тех рефлексологических процессов, на почве которых вырастают психические явления, возникающие в частности, понятно, и

на половом рефлексе, которому однако не придается того универсально-метафизического толкования, какое ему дает Фрейд. Далее, интересная идея Фрейда о *«сублимации»* опять таки гораздо более четко и в совершенно здоровых формах дана в рефлексологических понятиях борьбы центров и проторенных путей и опирается на общий закон иррадиации нервных процессов. Я, товарищи, не буду развивать эту мысль, поскольку у меня еще есть впереди три пункта, но я хотел бы отметить, что наши дальнейшие устремления, как мне кажется, должны быть конечно главным образом и в наибольшей мере направлены на развитие и диалектическую обработку основных положений рефлексологии, а меньше всего нужно оглядываться на фрейдизм, который должен быть несомненно нами преодолен в его конкретной сущности именно через посредство рефлексологического анализа. Одна только оговорка: не означает ли и это проявления некоторого империализма в рефлексологии? По моему мнению, нет: рефлексология является молодой наукой, находящейся в процессе своего развития, и она должна еще завоевать ряд новых позиций, до сих пор ей не отданных. Значит ли это, что я понимаю под этим те тенденции, которые пытаются рассматривать рефлексологию, как универсальную дисциплину, покрывающую собой весь комплекс проблем психологии? Конечно, нет: нужно учитывать, что имеется разница между анализом форм нервных процессов и содержанием психического процесса. И, поскольку речь идет о содержании нашей психики, конечно, этот материал может быть дан только методом социологического анализа, ибо причиной, стимулом, дающим основу для всего нашего психического процесса, является в первую очередь социальная среда и те воздействия, которые мы из нее получаем. Для меня нет никакого сомнения, что марксистская психология должна впитывать в себя с одной стороны весь тот багаж исключительных ценностей, которые дает нам метод условных рефлексов, изучающий формы психических процессов со всеми теми данными, которые определяют субъективное социальное содержание нашей психики, тем более, что до сих пор психология не сумела еще полностью воспользоваться методологией марксистского социологического анализа при рассмотрении содержания наших психических процессов.

Теперь товарищи, последний вопрос, который не был освещен в докладе, очень важный вопрос о пропаганде естествознания. Этот вопрос фигурирует в тезисах т. Шмидта, но почему то в докладе по нем ничего не быле сказано. Я должен сказать, что в настоящее время вопросы пропаганды естествознания, именно естествознания диалектического, должны рассматриваться как один из наиболее ударных фронтов нашей борьбы. Почему? Потому что докладчик сам отметил, что понимание диалектической мето-

дологии, ведет к усвоению форм диалектического мышления, безусловно высшей формы мышления, образующей высшую степень по сравнению с формами догматического, формально-логического мышления, которыми живет и пользуется вся масса населения. Именно потому, что этот процесс переработки методов мышления и поднятия его на высшую ступень диалектической методологии требует времени, мы не можем опаздывать. Речь идет о том, что нам необходимо поставить перед собою в качестве одной из основных задач настоящего момента вопрос о диалектическом мышлении. Я говорю это потому, что данный вопрос является вопросом жизненной важности. Ибо разве не огромное количество проблем, ставящихся у нас в жизни, не задерживается в значительной мере своим внедрением в общественное сознание именно в силу того, что мы не преодолели в известной степени догматических, метафизических методов мышления, которые все таки разделяются всей основной массой нашей общественности? В частности — этот вопрос играет огромное значение в нашей антирелигиозной пропаганде, с которой мне приходится очень близко соприкасаться.

Позвольте здесь ответить на одно весьма характерное замечание, которое вчера было сделано во время дискуссии по докладу т. Деборина т. Сарабьяновым. Тов. Сарабьянов указал на то, что якобы критика диалектиков устраняет механистов материалистов от массовой работы. Я, товарищи, склонен был бы сказать обратное, что ничто в настоящее время так не мешает внедрению здоровых знаний естествознания и диалектического миропонимания в массы, как именно то, что до сих пор эти задачи находятся в руках механистических материалистов (*С места:* Правильно!). Ибо массы переросли тот уровень мышления, на котором стоят механистические материалисты, массы не удовлетворяются теми вульгарными установками, которые преподносятся самим т. Сарабьяновым, которые до сих пор им преподносятся (*С места:* Которые разобьет каждый поп!). Совершенно верно. Ибо безусловно познания механистов ни в какой мере не определяют движение науки вперед. Я должен сказать, что самый элементарный вопрос, который ставится перед нами в социальной жизни, связан с пропагандой естествознания. Мы должны распространять в массе диалектический материализм, а не материализм «дурного» толка, не «плохой» материализм по определению самого Сарабьянова. Я опасаюсь, что это будет звучать некоторым парадоксом, но быть может именно тот факт, что до сих пор пропаганда естествознания и вся борьба с религией находилась в руках механистов, сыграл свою известную роль в том, что мы потерпели все-таки значительный урон в борьбе на антирелигиозном фронте. Мы нередко видим на нашем антирелигиозном фронте, как рабочие массы уходят от церкви, но не в безбожие, а в сектантство, ибо у нас часто сектантство обладает лучшим умением диалектически мыслить, чем мы это делаем в нашей пропаганде. Я не хочу всю проблему свести к этим фактам, но я должен сказать, что у меня есть не меньшая практика в антирелигиозной работе, чем у т. Сарабьянова, мне случалось нередко сталкиваться с таким положением, когда приходилось преодолевать шаг за шагом те упрощенческие, вульгаризаторские положения, которые внедряются в наш актив безбожников усилиями т. Сарабьянова. Поэтому, я хочу отметить, что в программу работ Коммунистической академии несомненно и безусловно нужно включить эти задачи пропаганды, естествознания пропаганды, которую должны взять в свои руки диалектически мыслящие марксисты.

И. АГОЛ

— Товарищи, мне кажется, что прения по докладу т. Шмидта пошли по неправильному пути: выступавшие в них заостряли внимание конференции, главным образом, на тех теоретических проблемах, над которыми каждый из них в данное время работает, а по существу доклада почти никто, за очень малым исключением, не высказывался. Тов. Шмидт поставил перед нами определенную задачу: «Нам нужно завоевать естествознание, нам нужно организовать свои кадры». Он выдвинул определенные конкретные пути, по которым мы должны следовать, чтобы эту задачу разрешить; в этом направлении мы и должны были высказаться. Я постараюсь держаться рамок доклада, сделав предварительно одно замечание. Моя фамилия несколько раз упоминалась в прениях в связи с нашей борьбой против ламаркизма и я вынужден сказать: не впервые против нас выступают чуждые нашей идеологии элементы, свившие себе гнездо в стенах Комакадемии. Само собою понятно, что эти выступления всегда идут под флагом марксизма, против схоластики. Такие выступления были и со стороны математиков, числившихся за нашей секцией и также вздумавших преподнести нам свою «диалектику, но во главе нашей секции стоит т. Шмидт, специалист математик, и справиться с этими выступлениями нам было достаточно легко: т. Шмидт дал решительный отпор этим попыткам и поставил выступавших на подобающее место. Руководство математическим разделом передано в надежные руки выдержанных коммунистов. С этого времени у нас в математической секции никаких разговоров о «диалектике» в кавычках нет. Я думаю, что нам пора кончить эти разговоры и в биологической лаборатории, проделать то же самое и по отношению к биологам, чуждым нам по идеологии, но продолжающим, к сожалению, все еще работать в Коммунистической академии.

Коммунистическая академия должна покончить с разбродом, царящим в ее стенах в этой области и создать обстановку для действительной научной работы. Нам пора очистить Комакадемию от чуждых марксистской идеологии элементов.

Ламаркисты, приютившиеся в Комакадемии, выдвигают против нас следующее возражение: вот, мол, генетик Ленц — антисемит, фашист и т. д., откуда делается вывод, что вся генетика контрреволюционна, а на нас, сторонников этого направления в биологии, возводится обвинение в поддержке фашизма, антисемитизма, реакции. Товарищи, разве мы отвечаем за всех генетиков, разве мы можем нести ответственность за фашизм Ленца, за реакционные высказывания Кольцова и других генетиков? Мы не несем за них никакой ответственности, точно так же как мы не несем никакой ответственности за деятелей II Интернационала, хотя они и прикрываются именем величайшего вождя пролетариата, именем Маркса. И не этим товарищам, которые палец о палец не ударяют в защиту марксизма от многочисленных нападений, идущих со всех сторон, упрекать нас в защите фашиста Ленца. Не они, умывающие руки от идеологической и революционной борьбы, а мы ведем с этими Ленцами самую активную, самую жестокую борьбу. Эти товарищи ни одной строчки не написали ни против Ленца, ни против Плате, ни против Кольцова. В борьбе против этих реакционеров они нам не только не оказывают ни малейшей поддержки, но часто сами становятся в одну шеренгу с ними и единым фронтом выступают против нас. И это вполне понятно: революционный марксизм ни в малейшей мере, мягко выражаясь, их не интересует.

После этого вынужденного замечания я перейду к докладу. Тов. Шмидт поднял вопрос о подготовке кадров естественников-марксистов. Я не помню ни одного заседания научных работников-коммунистов, ни в ЦК, ни в Коммунистической академии, где бы мы не говорили о кадрах. Везде говорят о кадрах. Наличный состав наших кадров естественников здесь в Москве, в центре, не достигает и десяти человек. Вся огромная работа, лежащая перед нами в области естествознания, взвалена на эту маленькую группу товарищей. И не только руководящая *идеологическая* работа, но подчас отнимающая много времени и энергии организационная, административно-хозяйственная. Где эти товарищи ни работают? В Комакадемии, в Институте красной профессуры, в Госиздате, в Свердловке, в ГУС'е, во всех научных и популярных журналах и т. д. Каждый из этих товарищей выполняет минимум до 10 обязанностей. Кроме того каждый из них должен вести свою экспериментальную работу, иначе он оторвется от научной базы. Эти товарищи задыхаются, им некогда читать даже партийную литературу. Мы поднимали несколько раз в руководящих инстанциях вопрос о их разгрузке, но наши заявления обычно кончались тем, что выбиралась новая комиссия для рассмотрения этого вопроса. При этом почти все наши кадры выбирались или назначались в эту комиссию и, таким образом, эти товарищи сразу получали новую нагрузку.

Нужно, чтобы наша конференция сказала по этому вопросу свое веское слово. Научный фронт у нас отстает от всех остальных, и если в самое ближайшее время мы не обратим на него внимания, то борьба на этом фронте может оказаться чрезвычайно затруднительной.

Марксистскому молодняку, подготовляющемуся в университетах, не дают расцвести. Не успеет он окончить курс, как его уже ждет путевка на административно-хозяйственную работу. Нужда в научных работниках велика. У нас нет людей. Нам необходимы кадры. Нужно меньше отвлекать наших молодых товарищей от научной работы. Надо для них создать обстановку для действительной, а не номинальной научной работы. Только редкая случайность дает коммунисту возможность хоть кое-как вести научную работу. Чаще всего он только формально числится на научной работе, будучи целыми днями отвлечен всякой второстепенной работой. При таком положении мы не только не создаем новых кадров, но теряем то небольшое ядро, которое имеем.

Методологическая подготовка наших студентов в университетах ведется чрезвычайно скверно. Если взять такой крупный университет, как московский, то здесь, правда, естественники получают кое-какое философское образование при недавно организовавшейся кафедре методологии и истории естествознания, но и здесь дело хромает. Наши студенты в подавляющем большинстве своем смотрят на философию как на старую солдатскую «словесность». Эта кафедра предоставлена сама себе. Необходимо организовать вокруг нее советскую и партийную общественность, влить в нее побольше жизни. Необходимо теснее связать ее с остальными кафедрами естествознания. Что же касается других университетов, то там дело обстоит еще хуже. В чем отличие студента, даже коммуниста, кончающего наш университет, от студента, который кончал старый университет? Марксизм не только не стал знаменем наших университетов, но мы ничего еще не сделали для того, чтобы это знамя в них как-то водрузить.

Помимо кафедр по методологии и истории естествознания, которые должны быть обязательно организованы на всех физико-математических факультетах, во всех университетах, должны быть организованы и ячейки, где более способные студенты могли бы получить солидную марксистскую подготовку, которая давала бы им возможность поступить в Институт красной профессуры. Этот Институт не может найти студентов для своего есте-

ственного отделения: их нет просто потому, что мы не имеем марксистски достаточно подготовленных слушателей — естественников. Наши естественники знают свой специальный предмет, но теоретически, марксистски его не в состоянии осмыслить, и Институту красной профессуры приходится посылать специальных эмиссаров в Ленинград и другие города уговаривать товарищей готовиться в Институт. Такое кустарничество, конечно, не может нас удовлетворить.

Теперь несколько слов о составе естественного отделения самого Института. Естественное отделение Института красной профессуры почти исключительно укомплектовано врачами. При этом только часть этих врачей занимается теоретической медициной, большинство из них врачи-практики. Я не знаю, насколько Институту нужны люди, готовящиеся для узкой, практической медицинской деятельности. Надо обратить особое внимание на вербовку естественников в Институт красной профессуры.

Несмотря на такое положение дела в наших университетах, все же в известной части студенчества и аспирантуры можно отметить большую тягу к марксизму: в этом мы убедились на практике наших обществ. В короткое время Секции точных и естественных наук удалось организовать 4 общества при Коммунистической академии. Когда мы в этих обществах ставим доклады методологического общефилософского характера, связанные с естествознанием, наши помещения едва вмещают всех желающих присутствовать. Узкоспециальные доклады не вызывают такого большого интереса и наша аудитория нередко пустует, а прения по этим докладам ограничиваются обыкновенно одним-двумя выступлениями, в то время как доклады методологического характера обсуждаются долго и детально. Эти факты свидетельствуют о наличии у наших работников большой тяги к теоретическому естествознанию. Это подтверждается также огромным успехом журнала «Естествознание и марксизм»: за одну неделю разошелся весь тираж первого номера, и мы вынуждены были выпустить этот номер вторым изданием. Этим я не хочу сказать, что наш журнал на все 100% хорош. В нем имеются ошибки. Эти ошибки неизбежны и в будущем. Я хочу только подчеркнуть большую тягу к марксистскому естествознанию, которая имеется среди научных работников, и среди студенчества. Кстати о журнале. Чрезвычайные трудности стоят перед нами в связи с его выпуском. Вы получаете готовый номер его и от вас скрыты все эти трудности. Но я должен вам сказать, что мы печатаем этот журнал своей кровью. Каждая статья в нашем журнале есть выстраданная статья. Наши силы чрезвычайно ограничены. Методологическая подготовка наших естественников недостаточна для того, чтобы они могли выступать с теоретическими (марксистскими) естественно-научными статьями. Наши философы не могут писать по специальным вопросам естествознания. Мы имеем такое положение, как я уже сегодня заметил с места, когда наши естественники считаются хорошими коммунистами у себя в лабораториях и прекрасными естественниками на партийных собраниях. Это очень распространенное у нас явление. Чрезмерная нагрузка отрывает наших работников науки и от науки и от партии. Она высушивает их, превращает в летающие из одного учреждения в другое автоматы.

Так вот, товарищи, наш журнал ждет вашей коллективной помощи. Наш журнал должен стать центром всех марксистских сил, работающих в области естествознания. И мы надеемся, что коллективными силами нам удастся преодолеть все трудности, стоящие на нашем пути.

Превратить современное естествознание в марксистское мы сможем лишь только тогда, когда мы вплотную подойдем к экспериментальному естествознанию. Одними разговорами, хотя и самыми выдержанными, мы современного естествознания не завоюем. При Коммунистической академии должна быть организована своя экспериментальная база. У нас нет места, где мы могли бы экспериментально поставить проблемы, волнующие современное естествознание, где мы могли бы показать на деле всю плодотворность нашего марксистского метода. Если в одном месте будут разрабатываться методологические проблемы, а в другом — без всякой связи с ними — экспериментальные — ничего не получится ни от нашей методологии, ни от нашего естествознания. Эксперименты и методология должны быть тесно увязаны. Примером такой плохой увязки может служить Тимирязевский биологический институт. При нем имеется методологическое отделение, где что-то пытаются делать философы, физики, математики, но где нет ни одного биолога. И получается, что на методологическом отделении говорят о чем угодно: о Декарте, о материи, об Эйнштейне и даже о биологии, но все это никакого отношения не имеет к тому, что делается в лабораториях Института. Никакой связи между методологической работой и работой лабораторий Института нет. Если у нас не будет экспериментальной базы при Комакадемии, мы долго еще будем говорить о методологии, о марксистском естествознании, но дальше слов не уйдем. Экспериментальная база поможет нам также скорее и лучше разрешить вопрос о подготовке и воспитании кадров естественников-марксистов.

Е. ТЫМЯНСКИЙ

Тов. Шмидт в своем докладе поставил перед нами новые вехи как в области философской работы, так и в области работы естественнонаучной. Мы вчера здесь похоронили механистический материализм. В сущности говоря, мы формально проделали то, что нами фактически сделано было значительно раньше. Еще год тому назад наша разновидность механистического материализма была теоретически разоблачена. Вчера мы его только окончательно похоронили. Теперь перед нами стоят положительные задачи, указанные сегодня докладчиком. Они заключаются в том, чтобы строить новую работу по методологии естествознания, в том, чтобы проводить философские идеи полностью в естествознание. Я думаю, было бы интересно, если бы мы поделились некоторым опытом своей работы в этой области. Дело в том, что, например, в Ленинграде, там где я работаю, мы уже в сущности говоря начали ту работу, которая сегодня была намечена О. Ю. Шмидтом. Мы начали свою работу следующим образом. Когда мы — философы из ИКП — впервые, года три тому назад, приехали в Ленинград и стали обращаться к работникам в области естественных наук с предложением работать в области философии и вместе заняться разработкой вопросов методологии естественных наук, последние отнеслись к нашему предложению чрезвычайно равнодушно. Ленинград, как вам известно, значительный центр естественно-научной мысли, и там имеется чрезвычайно много научных институтов. Итак, мы с одной стороны встретились с определенной стеной врагов, которые не хотели нас слушать, а с другой стороны, мы встретили некоторую равнодушную среду, которая заявила нам совершенно определенно: ваш материализм ничего нового не представляет, мы уже имели опыт материалистической натур-философии, мы имели материализм Геккеля, Бюхнера, Молешота, мы уже убедились в недостатках этого материализма, поэтому нам нечего делать с материализмом. Ленинградские научные работники охотно воспринимают то новое, что получается из-за границы и, естественно, вместе с новыми идеями экспериментальных наук воспринимают также идеи теоретической философии современного Запада. А вы, товарищи, знаете — об этом вчера и сегодня много говорилось, — что представляет собой философия современного Запада. Философская мысль Запада, за небольшими исключениями, с большей или меньшей смелостью идет к мистицизму. Ее мистическая сущность скрывается за различными стыдливыми названиями вроде неореализма, критического реализма и т. п. «реализмов» или совершенно оголтелого неосхоластизма, появляющегося под именем неофоизма, или же выступает открыто, как это было на последнем 6-м конгрессе философов в Америке, где некоторые попы совершенно определенно выступили с так называемой двухплоскостной философией, в которой проводили резкое разграничение между так называемым нашим миром, миром опыта, и каким-то сверхъестественным миром. Они ясно и точно указывали, что путь современной науки с неизбежностью ведет нас опять к мистицизму, вере в потустороннюю или, как они выражались, верхнюю плоскость.

Вот с таким равнодушием к материализму и диалектике мы встретились. Успеха первое время мы не имели. Затем нам помог тот спор с механистическим материализмом, который разыгрался и увлек за собой довольно широкую массу научных работников. Тогда же наши враги стали интересоваться тем, что происходит в философской среде и какими вопросами там занимаются. Они увидели, что философия занимается изучением таких проблем, как проблема случайности и причинности, непрерывности и прерывности, проблем, которые являются актуальными для современного естествознания. Эти проблемы заинтересовали естественников; к нам стали обращаться за разъяснениями по теоретическим вопросам. Мы пошли навстречу и поставили целый ряд докладов по методологии естествознания, ведя пропаганду диалектического материализма. Механистов непосредственных у нас не было, за исключением одного, который быстро сдал свои позиции, стал каяться, заявил, что он не механист, и замолчал. Так что непосредственной борьбы с механистами, как таковыми, у нас не было.

Мы занимались тем, что разъясняли те проблемы, которые в процессе спора возникли здесь, в Москве. Это оказало сильное влияние на развитие интереса к философии. Я могу указать на случаи, когда даже академик после подобного рода доклада стал читать Гегеля. Группа естественников Ленинграда стала заниматься философией и, вследствие этого, вступила с нами в более тесные отношения. Мы начали получать письма, в которых нас запрашивали по поводу теоретических вопросов. Кроме того, создалась некоторая группа солидных и крупных научных работников естественников, которая пошла дальше. Эта группа обратилась к нам с просьбой организовать систематическое изучение вопросов философии и методологии естествознания. Тогда мы решили организовать семинары для научных работников-естественников для изучения философии диалектического материализма (*С места:* Кто туда входит?). Я могу назвать нескольких научных работников: профессор Васильев — работает в Институте мозга, Серебровский — работает в Зоологическом музее Академии наук, Розенблюм — психиатр, и другие. Интересно, что к первому занятию семинара пришло 18 человек, но затем, когда выяснилось, что теория естествознания — дело вовсе не легкое, что придется основательно работать, что такие вопросы, как, скажем, закон единства противопо-

ложностей представляет собой проблему, над которой придется порядочно поработать и подумать, то оказалось, что на следующее заседание семинара явилось всего 10 человек. Как видите, 8 сразу же отсеялось. Но зато оставшиеся 10 человек продолжали интенсивно работать в течение всего года. Очень характерно, что ранее ушедшие теперь опять хотят к нам вернуться, от них поступают заявления с просьбой принять их в состав участников семинара. Мало того, мы получаем заявления от новых научных работников, но теперь мы не всех принимаем, а только определенных лиц, Мы теперь сами ставим условия. Кроме этого семинара, мы руководим еще пятью семинарами. Б. П. Позерн вам расскажет об этом. Мы руководим 200 аспирантами различных естественно-научных институтов и вместе с ними изучаем вопросы диалектического материализма. Мы надеемся, что путем такой работы мы создадим кадр естественников-диалектиков-материалистов.

Работа, которая ведется в Ленинграде, имеет тот смысл, что мы стремимся теоретически осмыслить ряд логических понятий, которые в настоящее время являются спорными, мы говорим о таких понятиях, как понятие о причинности, прерывного и непрерывного, пространства, времени и т. п. В нашей работе с естественниками мы не только даем эти понятия формально, но и пытаемся вскрыть то содержание, которое в этих понятиях находится. И мы видим, как у научных работников естественников, в связи с работой по философии, открываются глаза, перед ними встают новые проблемы и открываются новые горизонты.

Наступило время, когда естественники ставят перед нами — философами — новые задачи. Они говорят: «Мы пользуемся знаниями, которые мы получили в вашем семинаре. Но этого мало, этого недостаточно. Нужна совместная работа в конкретных естественно-научных областях. Но для работы по конкретным вопросам естествознания нужно итти в лабораторию. Мы этого сделать не можем. Нас мало». Ко мне обращались некоторые научные работники естественники с просьбой совместно работать. Но для этого нужно пойти вместе с ними в лабораторию и повторить, пройти тот путь, по которому шли они в своих исследованиях. Мы не можем этого сделать. Мы разрываемся на части, мы нагружены педагогической работой, нас мало. Но задача итти в лабораторию непосредственно перед нами стоит и ее нужно учитывать. Может быть вам интересно знать, какие философские вопросы сейчас популярны среди естественников. Мы имеем сейчас перед собою влияния, главным образом, следующих трех направлений: неокатианство вульгарного типа, напоминающее философию Файнгера, философию функционализма.

Далее мы имеем проникновение в среду естественников, в особенности психологов и психиатров, идей философии Гуссерля. Гуссерль сейчас у ленинградских психологов пользуется популярностью.

Наконец, последнее направление философии, популярное у естественников — это позитивизм во всех его современных оттенках.

Мы стоим сейчас, товарищи, перед одной задачей, которая всем нам известна, но которую я считаю нужным подчеркнуть. Дело в том, что мы преподаем диалектический материализм. Но спрашивается, что мы даем естественникам, какой конкретный материал? Ведь кроме классического произведения Энгельса «Диалектика в природе» у нас почти ничего нет. Нам нужно начать работу над системой логики диалектического материализма. Сейчас наша работа заключается в следующем. Мы берем малую логику Гегеля и превращаем ее в учебник диалектики, но это опасная вещь. Правда мы контролируем, мы говорим, что Гегель не Маркс, мы переделываем Гегеля. Мы даем критику и довольно основательную критику Гегеля и пытаемся строить марксистскую методологию. Но нельзя быть гарантированным, что научный работник, занимаясь логикой Гегеля, не воспринимает его идеалистические тенденции.

Я думаю поэтому, что работа над логикой диалектического материализма является необходимейшей сейчас задачей и ее нужно сделать во что бы то ни стало.

Итак, первая задача, которая перед нами стоит, это — создание логики диалектического материализма. Если эта задача трудна и быстро сделать ее невозможно, то нужно сделать, по крайней мере, некоторые шаги в этом направлении.

Затем мы должны популяризировать проблему диалектического материализма. Когда мы естественнику говорим о законе единства противоположностей, то это звучит для него дико. Тот же закон надо подать несколько иначе, начиная с более конкретных проблем, например, с вопроса о причинности. Может быть это логически не совсем правильно, но с точки зрения популярности надо это сделать, надо итти от понятного к непонятному.

Вторая задача. Мы должны подчеркнуть мысль, высказанную докладчиком,— наша работа с естественниками станет плодотворной только в том случае, если работа, которую мы проводим в Ленинграде и в других городах, будет объединена в каком-нибудь центре. Мне думается, что этим центром должна быть Комакадемия. Сейчас Комакадемия издает журнал «Естествознание и марксизм». Я думаю, что именно этот журнал, вместе с журналом «Под знаменем марксизма», должны стать центральными органами по разработке логики современного естествознания. Я считаю, что первый номер журнала «Естествознание и марксизм» пошел по этому пути. Этим объясняется популярность, которой этот журнал пользуется. Он немедленно был раскуплен, потому что каждый

естественник взял его, чтобы посмотреть, что говорят марксисты по вопросам естествознания. Этот журнал должен быть организующим центром. Но кроме научно-исследовательского журнала надо поставить себе задачу издания популярных естественно-научных журналов. Мы в Ленинграде издаем журнал «Человек и природа», но, конечно, наш журнал еще не безупречен.

А. ЗАЛКИНД

О. Ю. обидел сегодня психоневрологию. Он говорил о ней гораздо меньше, чем она того заслуживает.

Психоневрология является одним из крупнейших секторов естествознания; она дает — во всяком случае должна давать — наиболее социально-практический, наиболее социально-ценный материал о человеке и человеческой личности.

В частности об об-ве психоневрологов материалистов при Комакадемии О. Ю. упомянул лишь в порядке заголовка — ровно три слова. Надо взять некоторый реванш и посвятить те 15 минут, которые сейчас мне принадлежат, психоневрологии. Я хочу не только информировать об организации О-ва психоневрологов при Комакадемии, но до известной степени призвать тов. биологов, здесь находящихся, к содействию внести ряд конкретных предложений.

Несколько слов для расшифровки задач О-ва. Общество это должно объединять, по возможности, все научные дисциплины, занятые проработкой вопросов о человеческой личности. Таким образом, оно включает в себя, если не ошибаюсь, до 9—10 научных дисциплин: психологию, рефлексологию, нейрофизиологию, невропатологию, психопатологию, невроанатомию, педологию, психотехнику, социальную психологию.

Марксистской обработке проблем психоневрологии принадлежит колоссальная историческая роль по двум причинам, которые частично были здесь учтены в докладе Отто Юльевича. Так как это по существу вся биология в приложении к человечеству, то отсюда два чрезвычайно выигрышных теоретико-методологических момента. Во-первых, это наиболее диалектически чуткая часть биологии: человек, социальная среда, максимальная изменчивость. Во-вторых, это наиболее социально ценная часть биологии: вопрос идет о выработке живого строителя, живого социального человека. В связи с этим, можно лишь пожалеть, что именно о психоневрологии, давая свою ценную информацию, т. Левин мало говорил. Мы знаем из материала, который имеется в настоящее время, что и на Западе и, тем более в СССР, в этих областях наблюдается очень сложный длительный кризис и к марксизму приходится буквально

взывать: приди и владей. Ему будет принадлежать в этих дисциплинах самая ценная организующая роль.

В науке о человеческой личности наблюдается колоссальный кризис, особенно глубоко проникший в медицину. Даже Карл Каутский, доктор медицины, сын старого Каутского, в статье в сборнике, посвященном семидесятилетию отца, специальную работу посвящает соотношению между марксизмом и медициной, где между прочим,— это к сведению товарищей, которые, может быть, статьи не читали, — он заявляет, что тяга народных масс к хирургическим методам лечения аналогична тяге народных масс к большевизму — простому и кровавому методу лечения всех бедствий.

В общем, за последнее десятилетие наука о человеке чрезвычайно дифференцировалась, количественно приобрела чрезвычайно много, и именно благодаря этому, потеряла свое общее направление. Мы сейчас наблюдаем острейший кризис в общей медицине; кризис в психологии; кризис в хирургии; кризис в анатомии и т. д. Для нас наиболее ценно во всех этих критических установках наблюдаемое в них все растущее полевение психоневрологии. Конечно, пока это еще не руководящее течение, но идет быстро нарастающая неврологизация, нарастающая функционализация подхода к человеческой личности, боевой протест против анатомизма в голом виде. Это то, что можно назвать стихийным тяготением к диалектике, уже не только к материализму,— а к материалистической диалектике, и, пожалуй, здесь, в этой области, всего меньше возможен идеалистический прорыв.

У нас в СССР попытка марксистского овладения психоневрологическими процессами идет своеобразным путем, не похожим на те пути, которыми левела психоневрология на Западе, а именно она возникает из двух источников: первый — это левая установка, марксистская установка психоневрологии, нарождавшаяся в процессе боя марксизма с мистицизмом. В этой области пальма первенства принадлежит несомненно деборинской группе. Прежде всего здесь левизна выявилась по линии борьбы с Челпановым и по линии борьбы с оголтелым фрейдизмом, к которому между прочим я не имею и никогда не имел чести себя причислять. Эта борьба с челпановщиной, с оголтелым фрейдизмом возымела свой эффект и способствовала значительной левизне марксизации в различных школах психоневрологии.

Второй источник — это наши советские работы над педагогикой, над воспитанием нового человека в наших развивающихся социалистических условиях. Педагогика и ее исполнитель — педология — потребовали радикального пересмотра всего того материала о содержании и изменчивости человека, который до сих пор существовал в психоневрологии,— потребовали внедрения педагогики, внедрения нашего социально-педагогического заказа в психоневрологию.

Отсюда и энергичная маркизация ряда психоневрологических проблем. Здесь дискуссия — вторая ее часть — уходит своими корнями приблизительно к 20—21 гг. Педагоги и педологи Москвы, Ленинграда, Харькова, несколько замкнутые, несколько изолированные от широкой марксистской общественности, развернули эту дискуссию энергично и широко, хотя в те годы до специально-марксистской прессы она еще не докатывалась.

Нужно сказать, что в этих областях основное, наиболее боевое разрешение главных вопросов психоневрологии по линии марксизма получено путем стимулов, даваемых деборинской, диалектической группой. Вместе с тем нужно указать, что именно психоневрология обладает наиболее благодарным материалом для наиболее правильных теоретических, теоретико-философских постановок вопроса, потому что именно для психоневрологов философские методологические установки являются вместе с тем и их практическими установками. Плохая теория, вялость теории для психоневрологии сводится не только к ползучему эмпиризму, который иногда ведь может быть и узкопрактически полезен, но сводится стихийно, фатально к чрезвычайно вредной, жестоко вредной практике. Дело в том, что если мы так или иначе разрешаем вопрос о психизме,— есть он или нет его,— если мы так или иначе разрешаем вопрос о проблеме жизни — специфична жизнь или нет, — если так или иначе разрешаем вопрос об изменчивости (адэкватной изменчивости, диалектической) и т. д.— это для нас является не просто философской, абстрактной установкой, но обязательно является и вопросом о *разных методах изучения* человеческого организма, о *разных методах влияния на человеческий организм, о разных методах использования* человеческого организма. Таким образом, здесь полная, методологическая и практическая, организационная увязка и поневоле психоневрологу приходится философствовать и приходится в интересах дела философствовать больше хорошо, чем плохо.

Революция выдвинула совершенно новые задачи для влияния на человека и для использования человека, совершенно новые невиданные еще в истории человечества, значит, вместе с тем, предъявила новые принципы общего самоопределения в науке о человеке. Вот почему наиболее яростные, еще до нашей Конференции в Комакадемии, еще в 1922, 23, 24 и 25 гг., бои по вопросам о психике, по вопросу об изменчивости, по вопросу о жизни, по вопросу о фрейдизме возникали на педагогических и психоневрологических съездах, о чем товарищи знают из партийной и общей нашей широкой прессы больше, чем из специально-марксистской. Психоневрологи поневоле, стихийно шли в философию. Им надо было поновому принципиально, философски самоопределиться. И так как они шли в философию (чаще всего не путями марксизма), то

ясно, что они забирались туда, куда не следует. Бехтерев — неврофизиолог, рефлексолог, клиницист — пытался создать целую космологию. И. П. Павлов — узкий неврофизиолог — занялся такими философскими вопросами, как проблема личности, и даже проблемами общественного развития. Полемика Бухарина с ним всем нам известна. Психиатры залезли в фрейдизм, в оголтелый философский фрейдизм, именно потому, что фрейдизм этот давал им почву для пан-философской концепции, разрешал и психологические, и социологические, и всякие иные вопросы. Педологи создавали свои теории изменчивости, свою характерологию и т. д. и т. д. Ясно, что этот нелепый, в значительной степени, философский самотек должен был быть организован, и он организовывался иногда нечаянно, неожиданно, незаметно для самих себя, именно диалектическими материалистами. Нужно сказать, что механистов советская психоневрология в своих боях почти не замечала. Ничего механисты психоневрологам в их марксистском самоопределении не дали. Если иногда механисты сюда впутывались как-то сбоку, то исключительно за тем, чтобы отклонить психоноврологические течения вправо. И не даром наиболее правые психоневрологические круги не боялись механистов так, как боялись диалектиков, потому что, по их мнению, они — механисты — не такие ядовитые, они не разрушают старое. Левой фразеологии механистов наши правые психоневрологи не боятся, они в этой области достаточно искушены.

Роль диалектической школы в марксизации психоневрологии, которая далеко не закончена, оформляется сейчас чрезвычайно твердо. Со времени создания общества психоневрологов при Комакадемии эта роль диалектиков усиливается еще больше. Во-первых, они действительно активно, действительно глубоко пытались и пытаются внедрить в наши специальные научные задачи — не только абстрактно— но внедряются, широко забирая и используя наш специальный материал. Это первое. Во-вторых, чрезвычайно важно, что они великолепно работали в смысле своей коллективной самоорганизации. Тут существовала и крепкая мобилизация сил, и разделение боевых задач и соответствующие кампании, в порядке которых и мне в свое время, далеко сверх заслуг, досталось по линии фрейдизма и т. д. и т. д. Все это было достаточно авторитетно, крепко и, в основном, действительно хорошо сделано. Нужно сказать, что итоги этой дискуссии внутри психоневрологов в основном уже выкристаллизовались, и мы имеем марксистскую победу в главном, в вопросе о психике, пожалуй, целиком — в результате помощи диалектиков, мы видим гибель механистических подходов и тем более идеалистических.— Здесь тов. Деборин, конечно, прав в отношении СССР. О. Ю. Шмидт несколько смягчил положение в отношении к фрейдизму: философы диалектики вместе с марксистами психоневрологами уничтожили идеалистический надпси-

хизм у Фрейда, с одной стороны, а с другой стороны уничтожили материалистический беспсихизм в механистической рефлексологии. Это чрезвычайно ценная работа, которая ими проделана и которая сейчас уже довольно отчетливо оформилась.

В отношении к проблеме жизни они помогали нам, психоневрологам, уяснить место в биологии учения о рефлексах, учения о доминанте о патобарьере, которые без диалектического подхода к проблеме жизни преподносились бы в общих формулировках, философски для нас неприемлемых. Это второе, что они дали. Третье, несколько более спокойное, что более четко начинает вырисовываться лишь за последние один-два года, это выяснение вопроса о том, что генетический подход, который они выдвигают — и именно, в педологии, психопатологии и т. д., — и дает в итоге наиболее оптимистический подход к конституции, взамен пессимистического подхода, которым нас пугают зооламаркисты.

Очевидно, поскольку сейчас ставятся совершенно новые задачи в области психоневрологических дисциплин, все это давалось нам далеко нелегко. Здесь приходилось проводить чрезвычайно сложные, тонкие, длительные и достаточно хитрые маневры, приходилось использовать у различных групп то, что у них приемлемо, и отшвыривать самым грубым образом то, что для нас не годится. Так частично приходилось проделывать с Фрейдом, так же приходилось проделывать с другими, гораздо более близкими нам попутчиками. По вопросу о марксизации психоневрологических дисциплин, в частности у Бехтерева (напрасно т. Залманзон на 100% сегодня его выкинул; его из истории психоневрологической культуры полностью никогда не выкинешь) — у Бехтерева можно было взять его объективный метод лабораторного изучения человека как метод, но не как методологическую систему, не как учение о личности, а как экспериментальный метод. Здесь он дал в области изучения человека то, за чем отчасти идут сейчас и ряд павловцев. У него же мы многое могли взять и в вопросе об изучении морфогенеза. Но у того же Бехтерева мы вышвырнули, и еще при жизни его за 3—4 года до смерти достаточно четко ему на это указали,— его панэнергетизм, т. е. общемеханическую установку, его неоспенсерианский подход к проблеме коллектива, его антипсихизм и т. д. и т. д.

У Павлова и его школы мы берем синтез коры с соматикой, мы используем, конечно, его блестящий эксперимент, но вместе с тем мы отметаем специфические отклонения как самого Павлова, так и его учеников: мы отметаем его теологию, которой попахивает его понимание рефлекса цели, выбрасываем всю его, с позволения сказать, социологию — и т. д. Все это марксистам хорошо известно. В психиатрии мы обращаем особое внимание на Блейлера, мы берем его динамику психопатии, ту динамику, которая в области психопатологии сейчас наиболее богато развивается, а с другой стороны, фрейдистскую сексогению у него мы отметаем. Я достаточно иллюстрировал наши стратегические мероприятия в этой области наиболее характерными примерами. Ясно, что все это требует собирания сил, организации. Мы должны в центре и на периферии организовать ряды кружков и обществ соответствующего боевого характера. Многое уже сделано: вы знаете, что на всесоюзном педологическом съезде, который недавно имел место, мы выдержали большую борьбу и в конце концов получили резолюцию, которая в основе своей написана в материалистическом диалектическом духе. На съезде беспартийных специалистов материалистически диалектическая резолюция по главным вопросам означает очень много.

Ясно, что наша растущая консолидация вызывает реактивную консолидацию правых группировок, и в отношении их интересно то, что мы наблюдаем в центре, в той же Москве. Мы имеем здесь только что рожденное, всего 4 месяца существующее, общество психоневрологов-материалистов и рядом с ним 25-летнее общество невропатологов-психиатров, которое недавно своим главой поставило бергсоновца — проф. Хорошко, выступавшего в свое время с откровенной проповедью бергсонианства. Здесь в Москве мы имеем достаточно выраженную борьбу, которую ведут против нас правые круги. Так, ведется борьба за невропатологическую кафедру, куда хотят провести того же проф. Хорошко, а мы хотим провести марксиста или почти марксиста — Сеппа. Как дела в Ленинграде? Мы в Ленинграде в параллель Москве представлены единственной, педологической секцией нашего общества, и имеем против себя целое педологическое общество, нейтральное в кавычках, во главе которого стоит проф. Грибоедов. Очевидно, в Питере нам придется выдерживать тяжелую борьбу, об этом в частности уже рассказывал предыдущий товарищ, когда говорил о странном гуссерлианском душке в Ленинградском обществе психиатров. На Украине мы имеем наличие механистических, империалистических уклонов в рефлексологии. Мы имеем всесоюзное психо-техническое общество, состоящее сплошь из глухих нейтралистов, стоящих на позиции идеалистического безразличия: никаких методологических принципов, никаких методологических вопросов они не ставят в отношении своих, будто бы чисто прикладных дисциплин. Ясно, что нам приходится и придется здесь бороться, спорить и сталкиваться с организованным или организующимся фронтом: в этом вопросе борьба предстоит значительная.

Теперь несколько слов относительно всесоюзного съезда по человеческому поведению. Я хочу кое-что об этом сказать, чтобы поставить в известность периферию. Как вы знаете, съезд был намечен в свое время бехтеревцами. В центре одно время были

против его созыва, но совсем недавно последовало, по согласованию с Агитпропом ЦК партии, постановление о созыве этого съезда, гласящее о необходимости созыва уже не рефлексологического, но поведенческого съезда в Ленинграде, съезда по изучению человеческого поведения. Я повторяю, что этот съезд в свое время был намечен бехтеревцами, среди которых имеется и группа империалистов в рефлексологии. Полтора-два года назад этот бехтеревский империализм грозил съесть живого человека полностью. Опасность грозила большая и поэтому нам пришлось выдвинуть совершенно другую методологическую установку для съезда и руководство им взять в свои руки. Ни в коем случае отменять съезд нельзя. Мы должны и в этой области науки взять определенные маркистско-диалектические установки.

Я должен сообщить товарищам, что сейчас работа в связи с подготовкой съезда на периферии в целом ряде мест ведется чрезвычайно слабо. В частности в Ленинграде и на Украине. А между тем мы стремимся к тому, чтобы включить в этот съезд по изучению человеческой личности философов и социологов, ибо такие вопросы, как изучение человеческой личности, человеческого поведения, без философов и социологов нельзя разрешить. Пока еще в Москве философы в это дело не втягиваются, а всячески от него отвертываются. В Ленинграде, несмотря на то, что мы связались с отдельными товарищами и поручили это дело Фингерту, сильного отклика мы еще не имеем, на Украине мы связались с т. Юренцом, и точно так же на протяжении полутора месяцев мы не получаем материалов. Мы съезд откладываем, но все-таки он должен быть поставлен в декабре — откладывать дальше уже нельзя. Нам приходится призвать к тому, чтобы на местах отнеслись к оформлению съездовской работы идейно и организационно более энергично.

Наконец, последнее — об организации филиалов нашего общества на периферии — надо на местах обдумать этот вопрос. Несомненно, в таких филиалах есть нужда.

А. ДЕБОРИН

— Товарищи, я не намерен сейчас высказаться по тем вопросам, которые сегодня здесь затрагивались, ибо этих вопросов слишком много, чтобы по ним говорить, и мне кажется, что мы плохо вели сегодня прения, потому что прения шли решительно по всем вопросам, которые только существуют на свете (*С места:* 400 специальностей). 400 специальностей. Надо было сосредоточить внимание на каких-нибудь узловых, центральных вопросах, но этого сделано не было, хотя доклад т. Шмидта давал

именно такую установку. Он выпятил некоторые центральные, вопросы, некоторые центральные проблемы, и вокруг них, конечно, следовало бы сосредоточить внимание. Но прения пошли не в эту сторону. Поэтому я не буду касаться никаких теоретических вопросов, считаю, что в общем и целом доклад Отто Юльевича осветил вопросы, наметил определенные перспективы, и из этого мы должны исходить. Это первое, что я считал нужным отметить.

Второе — для чего я собственно взял свое слово,— это для того, чтобы несколько пополнить пробел, который, с моей точки зрения, имеется в докладе Отто Юльевича. Отто Юльевич в своем докладе совершенно правильно исходил из критики идеалистических течений в области естествознания на Западе, но он допустил, так сказать, недооценку известного материалистического фронта, а этот материалистический фронт для нас играет очень большую роль, пусть он незначительный, пусть он совсем небольшой фронт. Мы ведь знаем, что не в количестве только дело, и этот фронт может со временем вырасти. Это будет зависеть от нашей умелости, от нашей работы, от нашей способности связаться с этим фронтом, воздействовать на него и повести его в определенную сторону. Речь идет о так называемых монистах, материалистах-естественниках.

Диалектики должны подходить к явлениям не с однобокой стороны, а нужно рассматривать все стороны. Монисты образуют некоторый конгломерат различных течений, направлений. Там есть и позитивисты, и махисты и все, что хотите. Однако, есть левое крыло, я бы сказал, материалистическое крыло атеистическое, которое ведет атеистическую пропаганду. Я говорю о левом фланге, о левом крыле. Но вероятно для многих явится совершенно неожиданным, если я скажу, — я случайно захватил только четыре последние книжки их журнала, — что там в последние месяцы идет дискуссия, вокруг чего, вы бы подумали? Вокруг диалектики. Если мы вспомним, что «Mon. Monatshefte» объединяет, главным образом, естественников, то вы поймете, какое это имеет для нас огромное значение. Дальше — их политическая физиономия. Какова политическая физиономия этого крыла? Я говорю только, главным образом, об этом крыле и наша работа должна сводиться к тому, чтобы отколоть это крыло. Многие из них выступают резко против социал-демократов, очень сочувственно относятся ко всей нашей работе, в особенности в области культурного творчества. Если вы все это примите во внимание, то вы поймете, какое серьезное значение имеет для нас связь с этим левым крылом естественников атеистов, материалистов, правда выступающих очень часто с критикой германской коммунистической партии, но я же не говорю, что они являются совершенством. Наоборот, критиковать есть что. Но не в этом суть. Я могу сказать, что они выступили с критикой книги

Каутского «Материалистическое понимание истории». Это одна сторона вопроса; дальше, в некоторых статьях клеймит тех, которые отходят от материалистической диалектики.

Мы не можем совсем пренебречь этим крылом материалистов-естественников; деятельность наша должна быть направлена в ту сторону, чтобы завоевать это крыло или хотя бы отдельные его элементы, соответственно повлиявши на них. И поэтому может быть мы сделали ошибку в том смысле, что до сих пор не пытались влиять в самом журнале. Я не вижу, например, ничего предосудительного в том, что мы время от времени посылали статьи в их журнал с определенными, яркими выступлениями с нашей точки зрения по тому или другому вопросу для того, чтобы как-нибудь воздействовать, повлиять на них, чтобы отколоть их от позитивистов, махистов, которые несомненно имеются и с которыми они состоят как будто в каком-то блоке.

Вот эта задача, мне кажется, очень важна. Я забыл упомянуть, что именно это крыло чрезвычайно сочувственно встретило «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Как раз самые лучшие отзывы о «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина были напечатаны в «Mon. Monatshefte» Для них это являлось в известном смысле откровением. Всю эту ситуацию надо использовать, использовать в целях откола их от другого крыла, в целях влияния на них в нашем смысле, в целях завязать с ними определенные связи. На этом разрешите закончить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

То обстоятельство, что основные философские вопросы уже решены, сказалось на сегодняшних прениях, между прочим, в том, что доклад мой мало подвергся критике, и мы скорее имели серию содокладов, сообщений по отдельным сторонам естественных наук. Огромная разветвленность естественных наук и богатый материал дают для этого полное оправдание. Тов. Левин почти формально имел содоклад, но и т. Гессен, и т. Юренец, в очень тонких замечаниях в области психологии, и т. Залкинд и ряд других в сущности дополняли, развивали доклад. Может быть, все это вместе показывает, что нам пора уже когда-либо, может быть даже в сравнительно близком будущем, созвать конференцию естественников-марксистов и на этой конференции порознь поставить все те важные вопросы, которые сегодня ставились несколько скомкано. Я не думаю, чтобы мы в 1929 г. могли это сделать, но в пределах 1929/30 календарного года это сделать нужно и среди прочих наших постановлений надо, чтобы Комакадемия это поручение от конференции получила.

Поскольку особенно не спорили, мало спорили, мне отвечать некому и я использую время для того, чтобы заполнить некоторый пробел и в двух словах сказать о своей точке зрения на дискуссировавшиеся вопросы. Прежде всего, вопрос о ламаркизме. Ни в малой степени я здесь не специалист, но не хотел бы уклониться от высказывания определенной точки зрения.

Почему в свое время Каммерера пригласили к нам и дали ему возможность работать?

Я уже указал, во-первых — по политическим причинам, потому, что это был гонимый материалист, но и не только поэтому. В тот период состояние генетики обнаруживало серьезную опасность: имелось у некоторых понимание гена, как чего-то абсолютно неизменного, за это понимание ухватились многие, и в силу этого понимания могли получиться выводы свойства явно идеалистического. Этот единый и неизменный ген казался очень недиалектическим и очень подозрительным во многих отношениях. И вот, пока у нас не было своих сил, чтобы в этом вопросе окончательно разобраться, мы считали правильным поддерживать то течение, ламаркизм, которое радикальным образом эту сторону отри-

цало, устанавливая примат внешнего мира в виде тех изменений, которые внешний мир в эти гены вносит. Ситуация чисто объективно изменилась после опыта Меллера. Я не знаток в биологии, у нас наиболее крупной фигурой среди генетиков является т. Серебровский. Я не знаю, на какой точке зрения он стоял раньше, но сейчас он ярко подчеркивает изменение гена. Сейчас в генетике есть струя диалектическая, струя более мощная, чем те элементы материализма, которые мы имели у ламаркистов. Поэтому нам незачем сейчас сосредоточиваться на критике генетики. Но отрицать нацело *всякое* значение за работами ламаркистов, мне кажется, рано. Пусть биологии в этом вопросе окончательно разберутся; мне представляется, что здесь еще очень много предстоит работы. Как бы то ни было — вопрос не разрешен. Перед нами остается задача довести до конца каммереровскую работу хотя бы для того, чтобы больше не спорить об этом. Мы попали однако в несколько неловкое положение: после смерти Каммерера — единственный уголок биологии в Коммунистической академии является ламаркистским. Это мы должны в дальнейшем устранить. Мы должны стремиться к тому, чтобы в составе ли самой Коммунистической академии или около нее создать свой Биологический институт, который будет разрабатывать целый ряд других вопросов, в частности поведет разработку, диалектическую разработку, генетики, а лаборатория Каммерера сохранит в нем свое небольшое место.

Из других затронутых здесь вопросов, я хочу остановиться на том толковании, которое т. Познер придает вопросу причинности в моем докладе. Тов. Познер меня просто не понял. Как раз в этом пункте мы с ним согласны. Он по-моему совершенно правильно отметил, что кризис физики в области причинности не столь глубок и не привел к таким крупным результатам, как кризис представлений о пространстве и времени, нашедший свое отображение в теории Эйнштейна. Когда я в своем докладе указывал на противопоставление причинности динамической причинности статистической, это вовсе не значит, что здесь существует столь глубокое противоречие, что между этими двумя видами причинности нельзя установить связи. Здесь т. Познер указывает на то, что деление на макрокосмос и микрокосмос есть деление относительное, что наша планета есть микрокосмос по отношению к галактической системе. Верно, это разделение на два вида причинности есть разделение относительное. Я говорил в докладе, что мне лично представляется, что понятие устойчивости движения дает ключ к возможности связать эти два вида причинности. Я не имею возможности подробно здесь развивать эту мысль и, может быть, мне лично придется участвовать в конкретной разработке этого вопроса.

Тов. Познер упомянул среди иностранных ученых, с которыми нам в той или иной связи приходится работать, Филиппа Франка

и взял под свою защиту Советскую энциклопедию. Я пользуюсь случаем сказать об этом несколько слов, тем более что Советская энциклопедия не есть предприятие чуждое Коммунистической академии — она редактируется почти полностью Президиумом Комакадемии и даже официально при ней состоит. Мы оговорили в предисловии, что в области общественных наук мы уже можем последовательно, или может быть с маленькими недочетами, осуществлять точку зрения диалектического материализма Маркса—Ленина, но что в области естественных наук у нас нехватает сил ни для этого ни для проработки отдельных фактических вопросов. Поэтому, в области естественных наук мы обращаемся к специалистам, не являющимся диалектиками-материалистами; само собой разумеется, мы требуем от них материализма, т. е. мы не допускаем идеализма. Филипп Франк в этом смысле является допустимым и это т. Познер хорошо доказал. Тов. Познер говорит, что т. Тимирязев сообщил, что мы Ф. Франку, махисту, заказали статью и что после этого его изъяли из сотрудников. Факт, что Тимирязев публично выступил против Советской энциклопедии, по поводу Ф. Франка и что Познер ответил ему совершенно правильно, что Ф. Франк выступает не против Ленина, а против механистов (к которым ошибочно причислял Ленина), что к Ленину лично он относится с большим уважением, и что мы не имеем оснований избегать его как автора. Все же в статье «Волны» в Большой советской энциклопедии, по моему недосмотру, есть формулировки недопустимые, это мой недосмотр. Лучше было бы, если бы эту формулировку вычеркнули. Но если бы Франк написал еще статью, мы бы ее поместили.

Ряд товарищей остановились на вопросе теории относительности, развивая историю этого вопроса у нас. Здесь я ничего не имею добавить. У нас как будто получились совершенно одинаковые взгляды. Конечно работу мы должны продолжать. Мы вовсе не осуществляем рецепцию Эйнштейна целиком, мы будем его и дальше критиковать, но основные начала здесь как будто бы выяснены. Совершенно из другой области было другое направление, которое я, для примера, выхватил в своем докладе,— это психоанализ Фрейда. Здесь высказывался целый ряд толкований, из которых мне лично наиболее по душе трактовка т. Юренца, хотя на его совести лежит то, что он первый открыл обстрел Фрейда и открыл односторонне. Мы здесь сошлись все на том, что тот идеологический разгром, которому были подвергнуты у нас зародыши фрейдизма, есть событие правильное и во-время сделанное. Я в своем докладе, кажется, формулировал правильно: — хотя при этом остановилось развитие психоаналитической теории, в которой есть очень много ценного, но лучше задержать развитие этой цен-

ной теории на десять лет и тем избавиться еще от одного уклона, нежели этот уклон допустить.

Теперь мы стоим перед необходимостью, на ряду с целым рядом других теорий, изучать и критически использовать достижения психоанализа, не только потому, что Фрейд не меньше, чем монисты, которых цитировал т. Деборин, является выраженным атеистом, но и потому что объективный материал здесь чрезвычайно ценный. Не помню, кто из товарищей здесь указал, что главная заслуга Фрейда в том, что он обратил внимание на целый ряд фактов, которых мы не видели, хотя он лично и не был в состоянии эти факты теоретически обосновать. Но уже указание целого ряда фактов есть научная заслуга. Мы должны эти факты использовать, и, будучи теоретически сильнее,— правильно их истолковать. Мне кажется, что по этому пути можно очень много сделать. С т. Завадовским я не согласен в его огульном отрицании значения Фрейда и в одностороннем возвеличении Павлова и рефлексологии вообще. Я не возражаю против возвеличения Павлова. Но т. Завадовский говорит, что метод Павлова целиком покрывает то, что имеется у Фрейда, это не так: к сожалению Павловский метод дает атомистическое строение. Фрейдовская теория так же, как и Gestaltpsychologie, дает представление о процессах, происходящих в целостном человеке. С этой стороны она для нас очень интересна, хотя в ней много неверного, но иначе и быть не может. Я не уловил других возражений, которые были направлены против меня, или против того, что я говорил в своем докладе, в ряд же содокладов и небольших споров, которые здесь были, вы мне позволите не вмешиваться. Какой вывод у нас относительно кадров? Ряд товарищей правильно и с большей определенностью, чем это было сделано у меня, подчеркнул вопрос о кадрах, в том смысле, что мы должны добиться и добьемся от партии официального признания того, что естествознание является существенным фронтом и сюда нужно двинуть много силы. Вполне уместно конкретное предложение, сделанное т. Агол, чтобы на физматах поставить отбор и подготовку студентов для Института красной профессуры. Институт красной профессуры в нашей области теории естественных наук есть единственная школа, откуда вышли все ее работники, если не считать двух-трех человек, занимавшихся естествознанием раньше. Эта школа оказалась чрезвычайно сильной, благодаря той основательной философской закваске, которая там была, но дальше пошло снижение и то, что сейчас там делается, я боюсь, нас обрадует меньше. Почему? Разве человеческий материал другой пошел? Дело не в том: меньше внимания оказывалось, меньше людей вовлекалось. Институт красной профессуры, оправдавший себя в области естественных наук, должен и дальше служит в этом вопрос нашей главнейшей основой, на ряду с работкой аспирантов, осуществляемой через наши общества и иными способами. Очень рад, что в Ленинграде пошли дальше в организации этой важной работы. Может быть и Украина в своем докладе тоже упомянет об этом. Если мы имеем в Ленинграде среди 400 аспирантов естественников 40 партийцев, то это громадное достижение, но мы узнали об этом только здесь на докладе. Эти 40 партийцев естественников ничем еще себя не проявили. Это не их личная вина. Это вина старшего поколения, это вина наша, их не сорганизовавших, не втянувших в работу, не придавших им соответствующего числа философов, которое тут нужно. Нам всуе спорить и требовать—давайте побольше естественников, когда оказывается, что мы имеем 40 естественников и не умеем их использовать. Во всяком случае перед нами стоит задача: то, что имеется, собрать и поставить дело так, чтобы ни один марксист не выпал, а был бы вовлечен в нашу организацию возможно скорее. Как это нужно сделать? Естественным центром является Коммунистическая академия. Но Коммунистическая академия никогда не строилась как обязательный организационный центр; она на добровольных началах опирается на ряд местных организаций, в контакте с которыми и можно это дело ставить. Что касается учета естественников, то сейчас происходит учет научных работников в ЦК, который выявит и естественников. Я просмотрел анкеты естественников и поражен тем, что мы имеем небольшое число лиц, которые худо ли хорошо ли принадлежат к старому кадру, затем полный провал и затем начинаются аспиранты. У нас между профессорами и аспирантами нет прослойки. Это естественно. Есть некоторый кадр людей, которые занимались естественными науками раньше. Затем был ряд лет, когда было не до естественных наук. И теперь идет молодежь. Этот провал — опасное явление.

Наконец, последнее, относительно наших заграничных дел. Тов. Деборин правильно дополнил доклад указанием на то, что недостаточно было сказано о наших возможностях за границей. Не знаю, не переоценивает ли Абрам Моисеевич этих своих монистов, но я согласен с ним вполне, что этих монистов мы должны использовать, вступить с ними в связь. Мы должны посылать статьи, мы должны их привлекать в наши журналы. Мы бываем за границей достаточно и там мы можем с ними столкнуться. Там у нас есть союзники, которых мы может быть не должны переоценивать, но при помощи которых мы поведем пропаганду, широко развернутую. В нужный момент мы сможем их расколоть, отбросив, что там есть оппортунистического. Это метод известный. Надо начать, надо действовать в этом направлении и действовать гораздо увереннее в себе, чем мы это делали до сих пор. То, что мы делали за границей до сих пор, выражалось в обособленных выступлениях по своей узкой работе. Это не то, что нам нужно. Нам

нужно выступить как материалистам, и выступить теперь, участвуя во всех съездах и в литературе,— на ближайший год это будет нашей программой.

После той картины, которая выявилась, после выступления 20 теоретиков при внимании всего зала, нам говорить о своей слабости не приходится. Я не согласен с т. Аголом, призывавшим не дать нашему журналу погибнуть. Наш журнал не погибнет. Сейчас дело марксизма в естествознании погибнуть не может, но мы можем его задержать бездействием и можем ускорить успех, если будем достаточно энергичны и не потеряем контакта с философией.

Председатель: Имеется предложение избрать комиссию из 15 человек для выработки резолюции по докладу О. Ю. Шмидта. (Оглашает предложенный список). Тт. Пашуканис, Шмидт, Деборин, Гессен, Левит, Левин, Агол, Сапир, Кольман, Познер, Семковский, Финкельштейн, Юренец, Тымянский, Нырчук.

Прежде всего, относительно числа. Есть возражения против 15? Возражений нет. Дальше — относительно списка имеются ли какие-нибудь замечания? Нет. Кто с этим списком не согласен? Таковых нет. Список принимается.

(Заседание закрывается).

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ

1. Реконструкция народного хозяйства СССР выдвигает на одно из первых мест развитие крупнейшего фактора этого процесса — теоретического естествознания. С другой стороны, кризис современого теоретического естествознания (являющийся кризисом роста), которым стремятся воспользоваться все антимарксистские течения, от механистов до идеалистов включительно, ставят перед марксизмом неотложную задачу овладения этой областью.

2. Западная наука не представляет единого целого. Большой ошибкой было бы отделаться огульной характеристикой ее как «буржуазной» или «идеалистической». Ленин отличал «стихийных» материалистов, к которым в то время принадлежало большинство экспериментаторов, от идеалистов, махистов и пр. В настоящее время это деление еще осложняется, с одной стороны, под влиянием накопления нового фактического материала, с которым теория не справляется, а с другой — под влиянием политической обстановки после войны и революции. Классово-политические причины заставили большинство ученых проделать поворот вправо, в сторону явного идеализма. Религия проповедуется открыто в научных журналах. Каждое затруднение в объяснении новых явлений дает пищу разлагающему скепсису, а некоторыми учеными встречается с *восторгом*, так как позволяет «освободить дух от гнета законов природы».

3. С другой стороны растет стихийная, неосознанная тяга к *диалектике*. Противоречия в основных вопросах науки (напр., проблема пространства и времени, строения материи, причинности), радуя идеалистически настроенных естественников, толкают другую часть ученых на настойчивые поиски выхода. Никогда не осознавалась так сильно потребность в *синтезе*. Так как примитивный механический материализм разрешить эти противоречия не в силах, то объективный ход развития науки привел к моменту, когда только диалектика может вывести из глубокого кризиса. Сознательных диалектиков-материалистов на Западе нет, но элементы диалектики имеются у очень многих научных мыслителей, часто в идеалистической или эклектической оболочке. Наша задача — найти эти зерна диалектики, очистить и использовать их.

4. Ученые СССР частью бредут на поводу «новейших» западных видоизменений идеализма и агностицизма, частью хранят традиции старого упрощенного материализма (механистического), а в небольшой, но растущей части сознательно изучают диалектический материализм. Последние обычно одновременно и в политическом отношении идут с нами. Рост нашего влияния на беспартийных будет пропорционален как общим успехам строительства социализма, так и нашим успехом в разработке диалектического материализма в

естествознании. Овладение диалектикой дается беспартийным естественникам нелегко. На первых порах выплыли весьма легковесные и непродуманные «учения», пользующиеся марксистской терминологией и даже претендующие иногда на монополию звания марксистов (в своей науке), но не имеющие для этого достаточных оснований.

5. Борьба диалектиков и механистов, в виду отсутствия в лагере диалектиков подготовленных естественников, вначале получила форму дискуссии между философами, с одной стороны, и естественниками, с другой. Рост наших собственных кадров вскоре, однако, изменил ситуацию, и борьба уже перекинулась в лагерь самих естественников. Механистическая группа остановилась бепомощно перед возникшими затруднениями и, не будучи способной подвергнуть накопившийся материал диалектической обработке, тянула философию и естествознание назад, ослабляя тем наши позиции в борьбе с идеализмом, а иногда сама того не сознавая, скатывалась к идеализму. Эта борьба отнявшая много сил и времени, имела следующие результаты: а) углубила понимание диалектического материализма в среде естественников-марксистов; б) возбудила у естественников немарксистов интерес к диалектичскому материализму, а у некоторых — и стремление его изучать; в) показала философам-марксистам крайнюю необходимость большей увязки их работы с работой естественников. Однако эту борьбу ни в коем случае не следует еще считать законченной, ибо и в настоящее время значительная часть естественников, делая в своих конкретных исследованиях порой блестящие диалектические построения, вследствие отсутствия философского образования и боязни последовательных марксистских выводов, в общетеоретических заключениях тяготеет к механистическому миропониманию.

6. Наша борьба за диалектический материализм в естественных науках несравненно труднее, чем в общественных. Причины:

а) В то время как буржуазные учения в обществоведении давно уже обнаружили свое бесплодие, естествознание, опираясь на развитие экспериментальных методов, продолжает давать блестящие результаты, хотя и в обстановке нарастающего кризиса науки.

б) Марксизм в общественных науках имеет уже свою историю. Он продолжал после Маркса-Энгельса теоретически разрабатываться и практически проверяться в действии, получив в связи с революцией огромный размах под руководством Ленина. В естествознании же после Энгельса марксизм почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем сравнительно немного, правда, гениальных, страниц.

в) Наличных сил у нас в естествознании неизмеримо меньше, чем в общественных науках. Их начтожно мало по сравнению с разветвленностью естественных наук и силами буржуазной науки.

7. Огромность задачи и недостаток сил диктуют на ближайшие годы следующую программу работы:

а) собирать и воспитывать кадры подготовленных марксистов-естественников;

б) сплачивать вокруг них широкие слои естественников-материалистов;

в) разрабатывать и применять материалистическую диалектику как в конкретной области отдельных наук, так и в естествознании в целом;

г) пристально следить за идеалистическими течениями в буржуазном лагере;

д) добиться идеологической гегемонии среди передовых естественников в СССР, оказывая всяческую поддержку близким по своей идеологии;

е) активно вмешаться в борьбу течений на Западе.

8. Совершенно необходим тесный союз с марксистами, работающими в общественных науках и в области философии. Кустарные попытки механистов построить «свою» философию на основе современного естествознания оторванно от развития диалектической философии и обществоведения привели к печальным результатам.

9. Марксистская методология естественных наук не может строиться на общих суждениях, оторванно от конкретных проблем науки и от участия в конкретной, экспериментальной работе. Экспериментальная работа естественников-марксистов должна попрежнему вестись и вне учреждений Комакадемии при поддержке последней. Но для сохранения руководства в наших руках необходимо, чтобы Комакадемия имела и свою опорную экспериментальную базу в виде научных институтов по основным отраслям. Опыт создания при Комакадемии Ин-та по изучению высшей нервной деятельности оказался очень удачным. Настоятельно необходимо в ближайшую очередь включение в состав Комакадемии биологического научно-исследовательского Института им. К. А. Тимирязева. В УССР необходимо при УИМ создание руководящего естественно-научного исследовательского института и экспериментальной базой.

10. Конференция одобряет деятельность Секции естественных и точных наук К. А. по сплочению кадров и организации периферии, которая выразилась в создании успешно развивающих свою работу обществ материалистов (физико-математиков, биологов, врачей и психоневрологов), а также аналогичную работу, проводящуюся в УССР. Конференция считает нобходимым организацию обществ естественников-материалистов по типу существующих при Комакадемии в Союзных республиках с отделениями в главных культурных центрах и объединение их во всесоюзные ассоциации. Центральным органом этих организаций должен быть журнал «Естествознание и марксизм», выход которого конференция приветствует. В редакцию журнала должны войти представители союзных республик.

11. Конференция считает одной из актуальных задач Комакадемии марксистское изучение истории естествознания. Работа, которая до сих пор ведется в этом направлении, явно недостаточна. Необходимо расширить существующий при Секции естественных и точных наук Кабинет истории естествознания, обеспечить его материально и привлечь к его работе молодые кадры естественников. Необходима организация аналогичных научно-исследовательских учреждений в союзных республиках.

12. Конфренция считает недостаточной ту пропаганду марксистского естествознания среди широких масс, которая велась до сих пор, что дало возможность захвата части научно-популярной деятельности кругами, враждеб-

ными марксизму. Следует приступить к более энергичному проведению пропаганды как путем руководства литературной и преподавательской работой, так и создания музеев по пропаганде материалистического естствознания при Комакадемии и аналогичных учреждениях, в союзных республиках и крупнейших научных центрах.

13. Необходимо решительное усиление внимания к вопросу о расширении кадров марксистов-естественников и о закреплении их на научной работе.

14. Рост наших кадров, пробуждающийся интерес к углубленной методологической проработке основных проблем естествознания — делает актуальной необходимость созыва всесоюзного съезда естественников-материалистов. Комакадемия должна немедленно приступить к организации этого създа, который следует созвать в течение 1929/30 акад. года. В оргбюро съезда должны войти представители союзных республик.

15. Собрав кадры и окрепнув во внутренней дискуссии, естественники-марксисты должны, наконец, выступить за границей. Перевод лучших наших работ, организация выступлений на съездах с платформой диалектического материализма участие в научных журналах статьями методологического характера, установление связи с относительно близкими нам научными кругами — первые этапы на этом пути.